



ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021





*О жизни и творчестве художника Василия Тропинина
читайте на странице 65.*

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Певец Урала** 4

Из российской истории

Денис Логинов **В Москву на ярмарку невест** 23

Фантастика

Кристина Каримова **Мы вас любим** 34

Это интересно

Владимир Братченко **Русская принцесса королевства Сиам**..... 51

Николай Долгополов **Встреча с Франсуазой Саган** 123

Шедевры

Ирина Опимах **Тропинин и Наталья Зубова (Суворочка)**..... 65

Замечательные современники

Елена Воробьева **Наталья Сомова: «Наш театр — это мой второй дом»** 76

Итоги конкурса

Михаил Смирнов **Сердце матери** 85

Звезды не гаснут

Алла Зубкова **Любовь Клеопатры** 88

Судьбы

Евгения Гордиенко **Девушка и небо** 104

Зеленая панацея

Степан Кашцев **Мята — проводница в потусторонний мир**..... 110

Неизвестное об известном

Дмитрий Зелов **Робинзон Крузо. Подлинная история прототипа литературного героя** 113

Поэзия

Валерий Мазманян **Стихи**..... 120

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы **«Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать...»** 130

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Прима-балерина Московского
академического театра
им. Станиславского и Немировича-Данченко
Наталья Сомова. Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:



**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.02.2021

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Почти три четверти XVIII столетия во власти в России находились женщины. И самой выдающейся из них была императрица Екатерина II, которую нарекли Великой. Благодаря случаю, эта чужеземная принцесса была привезена в Россию и выдана замуж за наследника престола Петра Федоровича. Впоследствии события в Ропше подвели черту под царствованием Петра, которое длилось всего 186 дней, и положили начало 34-летнему правлению Екатерины Великой, ознаменованному многими замечательными деяниями.

Алла **Зубкова** «Путь к трону»

« Леонид Андреев ворвался в литературу неожиданно и победоносно. Читательницы были от него без ума, раскупали его фотографии, охотились за автографами. «Он пугает, а мне не страшно», — отзывался о его творчестве Лев Толстой. А вот читатели «пугались» и жадно тянулись к его мистико-символическим рассказам и пьесам. Друживший с ним Горький утверждал, что Андреев чрезвычайно талантлив, «особенно во всем, что касалось темных сторон жизни».

Юрий **Осипов** «Из адвокатов в писатели»

« Чтобы человеку было комфортнее в условиях невесомости, до него и после научный мир не прекращает проводить опыты с биологическими организмами на орбите. В эпоху пилотируемой космонавтики для изучения различного рода процессов, эффектов микрогравитации и в других целях в космос отправляют животных. Самой первой была наша Лайка, но через короткий промежуток она умерла. А вот Белка и Стрелка — первые животные, совершившие орбитальный космический полет и вернувшиеся на Землю невредимыми. После собак в космос летали обезьяны, кошки, черепахи и другие представители биологических видов Земли.

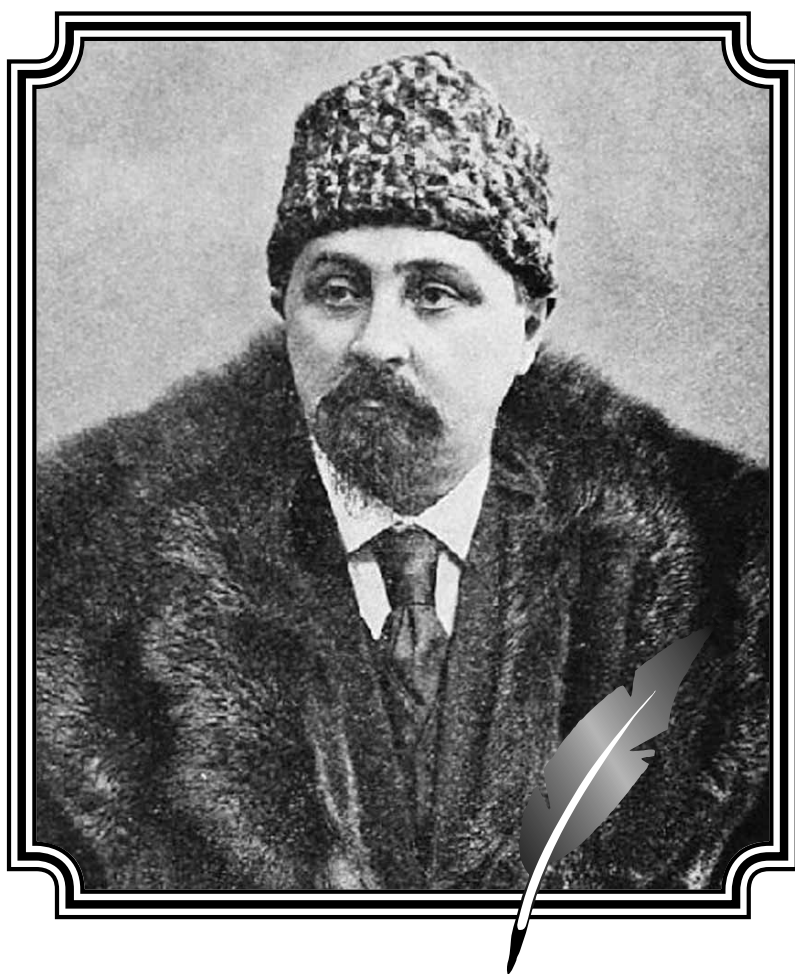
Светлана **Савицкая** «Животные в космосе»

« Графоманию обычно определяют как «страсть к бесплодному сочинительству». На заре рождения русской литературы графоманов были всего единицы, но с каждым годом число жаждущих оказаться опубликованными возрастало. Как и у любого массового явления, у графоманов тоже есть свои «звезды». Чтобы стать ею, автору нужно свято верить в свою гениальность и избранность, а главное, это должна быть неординарная личность, одновременно и заметная, и забавная. Всеми этими качествами обладал Дмитрий Иванович Хвостов, признанный настоящим «королем графоманов», и первый «профессиональный графоман» в русской литературе.

Денис **Логинов** «Король графоманов»

Юрий Осипов

ПЕВЕЦ УРАЛА



О Мамине-Сибиряке, особенно после его смерти, говорили много и многие. Чехов, с которым он водил давнее знакомство, так отозвался о собрате по перу: «У Мамина все слова настоящие, да он и сам ими говорит и других не знает». Земляк нашего героя, народо-волец, ставший затем литератором, Е. Евпатьевский писал: «Он был, как обломок яшмы, красивой, узорчатой яшмы, занесенной далеко от родных гор».

Рослый, широкоплечий, с открытым приятным лицом и «чудными, немного задумчивыми глазами», он выделялся в любой толпе. А его «непринужденная грация молодого, дрессированного на свободе медведя» только усиливала исходившее от него ощущение вольной, неукротимой силы. И характер у писателя под стать внешности — такой же неукротимый, вспыльчивый. При этом он обладал незащищенной, трогательной натурой, за что ему прощали нередко резкие, нелюбезные замечания и высказывания. Его доброта и мягкость открывались не сразу и не всякому. И ярче всего они проявлялись в произведениях Мамина-Сибиряка.

Собственно, сросшийся с ним литературный псевдоним не совсем точен. Старый деревянный дом заводского священника, где родился будущий писатель, стоял на самой границе Европы и Азии. «Водораздел Уральских гор» проходил всего в десяти с небольшим верстах от него. На Урале прошли детские и юношеские годы Дмитрия Наркисовича. Уралу, его богатой природе и столь же душевно богатым людям посвящены лучшие книги Мамина-Сибиряка.

А как же Сибирь, спросите вы, она ведь не нашла прямого отражения в творчестве писателя? Но Мамин-Уралец, согласитесь, как-то не звучит. И вот певец родного Урала стал в литературе Маминим-Сибиряком, войдя в школьные программы внеклассного чтения. А его «Аленушкины сказки», «Дикое счастье», «Приваловские миллионы» и другие бестселлеры продолжают занимать свое место в кругу излюбленного чтения сменяющихся поколений.

Каким образом пытливые наблюдатели жизни превращаются в выдающихся беллетристов? Пример Мамина-Сибиряка в этом плане показателен. Он родился в 1852 году в рабочем поселке неподалеку от Нижнего Тагила, в семье заводского священника Наркиса Матвеевича Мамина и

дочери дьякона Анны Семеновны Степановой, бесплатно преподававшей в местной церковно-приходской школе.

Семейная атмосфера, окружавшая маленького Диму с двумя братьями и сестрой, была самая благотворная, и писатель вспоминал о сво-

ем детстве очень тепло, чего не мог сказать о поре отрочества. Его родители детей никогда не наказывали и ничем не попрекали, воспитывая их собственным примером. Вечерами читали им вслух и возили на воскресные прогулки по живописным окрестностям.

Дима ходил в школу для детей рабочих железнодорожного завода, принадлежавшего представителю династии промышленных магнатов Демидовых. А в 12 лет по настоянию отца, мечтавшего, чтобы любимый сын пошел по его стопам, мальчик поступил в екатеринбургское духовное училище. Здоровьем он тогда был слаб

ка передовых («продвинутых» как бы мы сказали сегодня) семинаристов, увлекавшихся идеями Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

В Пермь Мамин отправился по реке Чусовой, которой суждено было занять важное место в его произведениях. Действие первого опубликованного в 1882 году рассказа писателя «В камнях» происходило на Чусовой. Фактически эта порожистая уральская река привела Мамина-Сибиряка в большую литературу.

«Берега, мимо которых плыла наша барка, представляли великолепнейшую панораму гор и высоких скал;

В Пермь Мамин отправился по реке Чусовой, которой было суждено занять важное место в его произведениях. Действие первого опубликованного рассказа писателя «В камнях» происходило именно на Чусовой. Фактически эта порожистая уральская река привела Мамина-Сибиряка в большую литературу

(это позднее стал уральским богатырем), и строгие до жестокости учебные порядки привели к болезни. Отец привез Диму домой, и в течение двух лет он мог наслаждаться домашним покоем, чтением и прогулками.

В училище ему, однако, все же пришлось вернуться. А впереди его ждала пермская духовная семинария, отнюдь не дававшая, по воспоминаниям писателя, пищи для ума. Правда, там Дмитрий сделался членом круж-

река прорыла между ними глубокое русло, обнажив каменные стены. В некоторых местах над рекой нависали массивные скалы, даже холодело на сердце, когда барка приближалась к этим каменным стенам, обдававшим холодом и сыростью. Сама вода как-то стихала в таких местах и катилась темной молчаливой струей... Некоторые скалы тянутся версты две, точно плывешь по узкой извилистой улице какого-то средневекового города».



Жить между тем приходилось впроголодь. Это, впрочем, молодого человека не смущало. Он метался в поисках своего призвания и решил поехать в северную столицу, где поступил на ветеринарный факультет медицинской академии, а затем перевелся на общехирургическое отделение. Этим не удовлетворился и метнулся на факультет естественных наук, затем — на юридический. Увы, ни один из факультетов так и не окон-

чил... Зато мотался по частным урокам и на заработанные репетиторством скудные средства помогал брату Владимиру, который учился в Московском университете и стал впоследствии известным адвокатом и политическим деятелем.

Университет Мамин-Сибиряк оставил по уважительной причине — туберкулез, с которым этот во всех смыслах очень сильный человек боролся до конца дней. В 1878 году

смерть отца взвалила на его плечи заботу о семье. Он вернулся в Екатеринбург и пробовал найти подходящую работу. Забрасывал издательства своими очерками, повестями, новеллами, но везде встречал равнодушный отказ. Знакомство с первой женой совпало со спасительными публикациями: в Первопрестольной ему покорились авторитетные «Русские ведомости», которые в 1881 году начали печатать цикл очерков о родине писателя «От Урала до Москвы» за подписью Д. Сибиряк. Позднее литературный псевдоним присоединится к фамилии.

Скупые строки биографии. Но за ними встают непростые, подчас трагические обстоятельства жизни молодого писателя. Еще летом 76-го в петербургском журнале «Сын Отечества» вышли рассказы Мамина «В горах», «Не задалось», а также роман «В водовороте страстей». Автор, естественно, рассчитывал на обещанный ему значительный гонорар, которого должно было хватить на оплату учебы в университете, однако пройдоха-издатель обманул его. Полученных денег на оплату учебы не доставало, а ректор отказался пойти молодому человеку навстречу.

До переезда семьи в столицу Урала Мамины проживали в Нижней Салде. Там, на притоке Тагила, Дмитрий не только поправлял здоровье, но и работал над «Уральскими рассказами» и романом «Дикое счастье». Там же, в Нижней Салде, подрабатывая репетиторством, Дмитрий свел

знакомство с Марией Якимовной Алексеевой. Он обучал ее троих детей, и между ними возникли близкие чувства, хотя она была замужем и старше Мамина на шесть лет. Муж Марии Якимовны отличался жестокостью, тиранил ее, и полюбившая женщина решила уйти от него вместе с детьми к своему бедному избраннику, став его невенчанной женой.

В августе 78-го Дмитрий Наркисович и Мария Якимовна переехали в Екатеринбург, куда вскоре перебралась и мать писателя, правда, жить вместе с невенчанной женой сына отказалась категорически. Мамин же разрывался между частными уроками и сотрудничеством с городскими газетами, продолжая при этом неустанное литературное творчество. Гражданская супруга всячески помогала ему, давала дельные советы, обладая хорошим вкусом, вносила правку в рукописи.

В столичных кругах творчество провинциального литератора, воспевавшего природу, людей и историю Урала, долго не признавалось. Его так и считали способным провинциалом-бытописателем. Только после выхода романа «Горное гнездо» (1884), который показал, как стихийные силы меняют привычный уклад жизни, об авторе заговорили уже всерьез. Особенно хвалили колоритные образы, непредсказуемый финал. На полученный гонорар писатель смог купить в Екатеринбурге дом для матери и сестры.

Логическим продолжением «Горного гнезда» стал роман «На улице» (1886), где в духе критического реализма рассказывается о крушении прежних идеалов творческой интеллигенции Петербурга и поисках ею новых. Авторитетные критики отмечали, что романы Мамина-Сибиряка «всегда цепляют за живое, никого не оставляя равнодушным или усталоснисходительным».

Эта оценка, прежде всего, относится к более раннему, но ставшему едва ли не самым известным произведением Мамина-Сибиряка, не раз экранизовавшемуся роману «Приваловские миллионы» (1883). Он за-

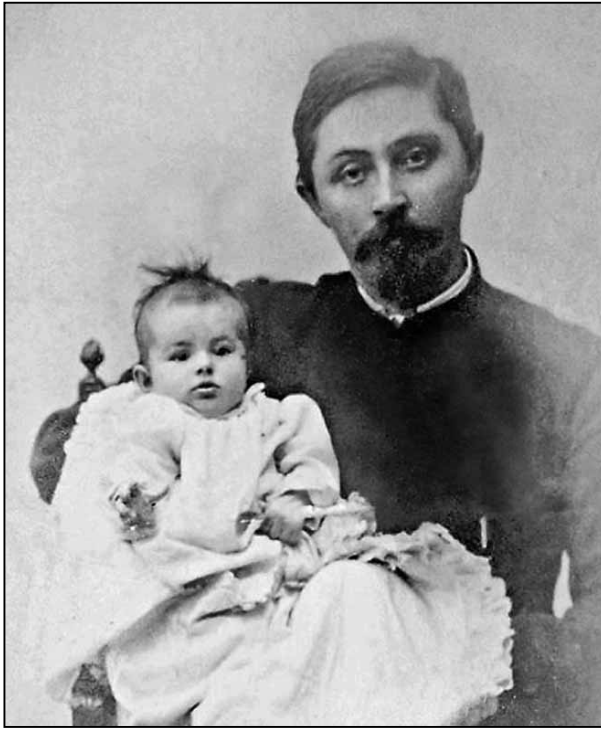


В столичных кругах творчество провинциального литератора, воспевавшего природу, людей и историю Урала, долго не признавалось. Его так и считали способным провинциалом-бытописателем. Только после выхода в свет романа «Горное гнездо» об авторе заговорили уже всерьез. Критики хвалили его за колоритные образы и непредсказуемый финал

крепил за автором репутацию выдающегося писателя-реалиста, которого как равного приняли в свой круг Чехов, Короленко, Горький.

Сюжет романа основан на реальных событиях из истории промышленного Урала XIX века. Отталкиваясь от них, автор поставил перед собой масштабную задачу дать картину движения России по капиталистическому пути и становления отече-

ственной буржуазии, причем сделал это первым. М. Горький писал, что особый быт, яркие характеры и глубокий демократизм книги помогают «понять и полюбить русский народ, русский язык». На создание романа автор потратил почти десять лет, в ходе работы не раз менял название. Ряд сюжетных линий, не вошедших в окончательную редакцию «Приваловских миллионов», составили со-



«Старый приваловский дом в Узле переделывался заново. Поправляли обвалившуюся штукатурку, красили крышу, вставляли новые рамы в окна, отовсюду убирали завалившийся старый хлам... перестилали полы, меняли паркет, подновляли живопись на потолках и стенах, оклеивали стены новыми обоями... Сотни рабочих с утра до ночи суетились по дому, как муравьи, наполняя старые приваловские стены веселым трудовым шумом... Вся эта перестройка делалась по случаю выхода замуж Зоси за Привалова. Сам Привалов появлялся в Узле только наез-

После рождения дочери Мамин-Сибиряк стал создавать произведения для детей, вложив в них любовь к собственному позднему ребенку. Эти лиричные детские рассказы быстро сделали литературной классикой, в особенности, посвященные дочери «Аленушкины сказки»

держание выразительных рассказов, которые печатались в центральной прессе.

По мере написания романа менялся и сам его главный герой, Сергей Привалов. То он выступал просто богачом, то агентом английской фирмы по продаже российского зерна за границу, а в окончательной редакции является потомственным наследником Шатровских заводов, последним представителем некогда очень известной на Урале семьи промышленников.

дом, чтобы проверить работы и поторопить подрядчиков, а затем снова исчезал».

С начала 80-х годов Дмитрий Наркисович неоднократно наезжал в Петербург. Занимался издательскими делами, встречался с друзьями-литераторами, бывал в театрах и на художественных выставках. Постепенно в его творчестве начинает преобладать «петербургская» тематика. Написанные им в то десятилетие романы «второго ряда» «Бурный поток» («На улице»), «Весенние гро-

зы», «Без названия» и другие посвящены идейным исканиям столичной интеллигенции и ее деградации под властью капитала, а также — нравственному воспитанию молодежи.

Подобные темы были не внове для тогдашней отечественной прозы и, по сравнению с произведениями «уральского цикла», не прибавили славы Мамину-Сибиряку. Чего нельзя сказать о стоящем особняком последнем романе писателя «Падающие звезды» (1899).

Главный герой — стареющий петербургский скульптор с немецкой фамилией, вдовец, оставшийся вдвоем с дочкой Анитой, некрасивой, болезненной девочкой, чье лицо к тому же обезображено оспой. Но при этом она очень умна и удивляет успехами в учебе свою гувернантку, мисс Гуд. Еще в романе действуют актеры и актрисы, художники, журналисты... Автор сосредотачивает внимание читателя на проблеме творчества, на магии искусства, увлекательно рассказывая о злоключениях его служителей.

Дом Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге постепенно превратился в один из культурных центров столицы Урала. Несмотря на частые поездки в Петербург и смену тематики творчества, Дмитрий Наркисович оставался патриотом родного края, жил его интересами. К прославившемуся земляку обращались с просьбами о помощи и поддержке, предложениями войти

в члены местного археологического общества, избираться в гласные Городской думы, и он по доброте душевной никому не отказывал. К общественным обязанностям относился ревностно. Принимал участие в археологических экспедициях, бывал в отдаленных уголках Зауралья.

В конце 80-х он, возможно, под влиянием археологических раскопок, неожиданно «заболел золотой лихорадкой». Собирался арендовать золотоносные участки у башкир, устроить рудник. Но не задалось. Зато написал в 1892 году нашумевший роман «Золото», в котором показал тяжелый труд старателей. В центре романа — Родион Зыков, крутого нрава старый штейхер на Фотьяновской россыпи, дававшей ежегодно до 100 пудов золота в казну. Ему противостоит управляющий прииском Кишкин.

На страницах романа автор убедительно прослеживает, как алчность овладевает старателями, которые не могут удержаться от соблазна потихоньку припрятывать добываемый драгметалл. Начинает воровать золото даже поселковая старуха Лукерья. Словно в наказание, она гибнет при пожаре, пытаясь спасти украденное золотишко. Главный же вор Матюшка в приступе раскаяния признался Зыкову, что убил в поселке по приказу Кишкина нескольких мужиков, а на торге повесился в своей камере. Кара настигает и не удержавшегося от соблазнов «желтого дьявола» Зыкова. Тронувшись умом от угрызений сове-

сти, он заливает шахту водой и следом за Матюшкой идет на каторгу...

Незадолго до написания романа в жизни Дмитрия Наркисовича произошли большие перемены. В сентябре 1890-го писатель встретился с приехавшей в Екатеринбург на гастроли актрисой Марией Морицевной Абрамовой. *«Она не показалась мне красавицей... не ломается... а просто такая, какая есть в действи-*

Мамина-Сибиряка примешивалось тяжелое предчувствие близкой смерти. Предчувствие не обмануло актрису. Роды оказались очень трудными, продолжались несколько суток, и на следующий день после них Мария Морицевна умерла. Разбитый горем писатель остался один с новорожденной девочкой на руках.

Ребенок родился слабым и больным, с родовой травмой. Ухаживать за

Как нередко бывает у широких и бескорыстных людей, познавших раннюю славу и успех, конец долгой, но легкой жизни Мамина-Сибиряка оказался безотраден. Вчерашний популярный беллетрист прозябал в унижительной бедности и часто болел. Перенес инсульт, после которого его частично парализовало, болел плевритом. Когда члены юбилейного комитета пришли поздравить писателя с 40-летием творческой деятельности, он уже плохо понимал происходящее...

тельности, — заметит он впоследствии. — Есть такие особенные люди, которые при первой встрече производят такое впечатление, как будто знаешь их хорошо и давно...»

Абрамовой и Мамину суждено было полюбить друг друга. И они полюбили, пылко, страстно. А 8 марта 1891 года уехали вдвоем из Екатеринбурга в Питер и сняли там квартиру. Это был самый счастливый период в жизни Дмитрия Наркисовича. Вскоре выяснилось, что Абрамова ждет от него ребенка. Однако к радостному ожиданию у второй жены

дочь Дмитрию Наркисовичу помогали друзья. В семье Давыдовых Елену (Мамин ласково называл дочь Алenuшкой) воспитывала лучшая гувернантка Петербурга Ольга Францевна Гувале. А сам писатель взял попечительство над младшей сестрой покойной Абрамовой, которая, когда выросла, вышла замуж за писателя А. Куприна.

После рождения дочери Мамин-Сибиряк стал создавать произведения для детей, вложив в них любовь к собственному позднему ребенку. Эти лиричные детские рассказы быстро сделались литературной клас-



*С дочерью
Аленушкой*

сикой и многократно переиздавались. В особенности посвященные дочери «Аленушкины сказки», впервые вышедшие отдельным изданием в 1897 году.

«*Это моя любимая книжка, — признавался автор, — ее писала сама любовь, и поэтому она переживет все остальное.*». Некоторые критики не без оснований сравнивали «Серую шейку» и другие новеллы этого сборника с андерсеновскими сказками, настолько они трогательны и поэтичны. Их роднит со сказками Андерсена тонкое сочетание романтики

и реализма, фантазии и юмора, что обеспечило им устойчивый успех у маленьких читателей. Собственно говоря, на склоне дней Мамин-Сибиряк жил главным образом за счет изданий своих детских вещей, хотя в 1894 году у него вышел еще один, уже последний большой роман «Хлеб».

Упадок творческих и жизненных сил заставил постаревшего писателя отказаться от излюбленных уральских маршрутов по скалистым горам и бурным речкам, по заповедным лесным чащобам. Изредка выбирался он только в Ялту, где проводил

время в компании Чехова, Горького, Бунина.

Обитался теперь Мамин-Сибиряк в основном на даче у Давыдовых в Павловске или снимал другую квартиру в городе (на прежней все напоминало ему о покойной жене). Ольга Францевна, продолжавшая ухаживать за подросшей, однако по-прежнему часто болевшей Еленой, постепенно стала ему родным человеком и взяла на себя также заботу и о нем. В 1900 году они сочетались законным браком. В их доме Ольга Францевна завела собственные порядки. Ослабевший Дмитрий Наркисович не противился строгой воле супруги.

Ему остро не хватало близких, он скучал по Уралу, но отправиться туда мешала подступившая нужда и болезнь дочери. Лишь летом 1908 года писатель в последний раз побывал в Екатеринбурге. Два года спустя там скончалась его мать. На похороны ее он приехать уже не смог.

Как нередко бывает у широких и бескорыстных людей, познавших раннюю славу и успех, конец долгой, но нелегкой жизни Мамина-Сибиряка протекал безотрадно. Мучительно боролась с туберкулезом разностороно одаренная дочь Елена, которая хорошо рисовала, играла на рояле, писала стихи, изучала иностранные языки и философию.

Вчерашний популярный беллетрист реалистического направления прозябал в унижительной бедности. Внешне он сильно изменился. В 1911-м году перенес инсульт, после

которого его частично парализовало. Летом следующего года заболел плевритом. Друзья-литераторы надеялись на выздоровление и обсуждали программу празднования 40-летия творческой деятельности писателя. Он долго ждал подобного признания своих немалых заслуг перед отечественной литературой. Но когда 26 октября члены юбилейного комитета пришли к нему домой с поздравлениями, Дмитрий Наркисович уже плохо понимал происходящее. Тем не менее читать он еще был в состоянии и с благодарностью принял телеграмму от знаменитого московского литературного кружка «Среда» за подписью 39 участников, среди которых имена Гиляровского, Телешова, Бунина и многих других маститых писателей. Тепло приветствовал юбиляра с далекого Капри и Максим Горький.

Месяц спустя Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк умер и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, рядом со своей законной женой Марией Абрамовой. Аленушка осталась с Ольгой Францевной и пережила отца всего на два года.

Сегодня романы и рассказы «певца Урала» по-прежнему пользуются широким читательским спросом. И не удивительно! Ведь как сказал М. Горький в юбилейном приветствии Мамину-Сибиряку: «Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему».

ДМИТРИЙ МАМИН-СИБИРЯК

КНИЖКА ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Лет до восьми моя жизнь с братом, который был старше меня года на два, не выходила зимой из границ комнаты, а летом — двора, небольшого садика и огорода. «Улица» для нас еще не существовала, и мы видели ее только из окна или проходили по ней под конвоем няни. Благодаря комнатному воспитанию мы росли бледненькими и слабенькими господскими детками, которые отличались послушанием и боялись всего, что выходило за пределы нашего дома.

Товарищество, впрочем, нахлынуло разом, когда мы начали ходить в заводскую школу. Мы как-то сразу получили полную детскую свободу и сразу же перестали бояться. Смелости и предприимчивости оказался даже излишний запас, выражаясь в школьных драках и соответствующих возрасту шалостях. Я два раза тонул, приходил домой с синяками, подвергался разным опасностям, уже совсем не по возрасту.

Этот боевой период раннего детства совпадает с воспоминанием о первом друге. Это был сын заводского служащего, бледнолицый, с зеленоватыми глазами и вечной улыбкой на губах. Его звали Костей. Я не помню, чтобы этот мой первый друг хотя бы когда-нибудь рассердился, — он вечно был весел и всегда улыбался. Милый Костя! Его давно нет на свете, и я вспоминаю о нем с особенной любовью, как о родном и таком близком человеке, которого не можешь отделить от самого себя.

В детской дружбе заложена какая-то таинственная сила, которая проходит через всю остальную жизнь. Те, кого мы любили в детстве, служат точно путеводными маяками для остального жизненного пути. Моя встреча с Костей окрасила не только мое детство, но и юность дорогими впечатлениями и первым дорогим опытом. С ним вместе мы начали самостоятельную жизнь, именно ту жизнь, которая начиналась за пределами детской комнаты, захватывала все родное селенье и потом увела на зеленый простор родных гор. Вместе с Костей же явилась и новая книга.

— У меня отец все романы читает, — рассказывал Костя, коверкая ударение. — И чем страшнее, тем лучше для него. Хочешь, почитаем вместе? Есть «Черный ящик», «Таинственный монах», «Шапка юродивого, или Трилиственник».

Я, конечно, согласился с величайшим удовольствием. Отец Кости имел привычку перечитывать свои любимые «романы» по нескольку раз, и книги

имели очень подержанный вид, а некоторые листы были точно изжеваны теленком. Из всей этой библиотеки на меня произвел самое сильное и неизгладимое впечатление знаменитый «Юрий Милославский» Загоскина. Для него я на время забыл даже Гоголя и других классиков. Увы! Таких романов нынешние авторы уже не пишут...

— Люблю почитать романы, — говорил отец Кости. — Только я по-своему читаю... Меня, брат, никакой сочинитель не проведет. Я сперва прочитаю конец романа, если все благополучно кончилось, ну, тогда уж с начала за него примусь. Учен я довольно... Прежде, бывало, читаешь-читаешь, а до конца дочитал — глядь, либо кого убили, либо кто умер. Нет, покорно благодарю!.. Я и без сочинителя знаю отлично, что все мы помрем. Мало ли горя кругом, а тут еще в книге его вычитывай...

Его звали Романом Родионычем. Это был человек маленького роста, с большой кудрявой головой. Он тоже вечно улыбался, как и Костя, — это была фамильная черта. Вообще окружавшие мое детство люди отличались великим добродушием, и я не помню ни одного злого человека, за исключением нескольких старух-раскольниц, злившихся, так сказать, по обязанности, чтобы не проявить по отношению к нам, ребятам, преступной бабьей слабости. Роман Родионыч всегда находился в прекрасном расположении духа, а когда впадал в отличное, то декламировал удивительнейшие стихи:

Людовиг, говорят, В один миг, говорят, Все постиг, говорят, Пить хотел, говорят, Не умел, говорят, И пропал, говорят...

Откуда такие стихи, и какой сочинитель их сочинил — покрыто мраком неизвестности.

Роман Родионыч, как я уже сказал, был заводский служащий и занимал должность запасчика, то есть заведовал амбарами с хлебом, овсом и разными другими материалами, как сальные свечи, веревки, кожи и прочее. Наш завод хотя и небольшой, но служащих было достаточно. Они все были из крепостных, и образование получили в заводской школе. Дальнейшее образование шло «своим умом» и почерпалось главным образом из случайно попадавших под руки книг.

Мы сейчас слишком привыкли к книге, чтобы хотя приблизительно оценить ту громадную силу, которую она представляет. Важнее всего то, что эта сила, в форме странствующей книги в коробке офени, сама приходила уже в то далекое время к читателю и, мало того, приводила за собой другие книги — книги странствуют по свету семьями, и между ними сохраняется своя родовая связь. Я сравнил бы эти странствующие книги с перелетными птицами, которые приносят с собой духовную весну. Можно подумать, что какая-то невидимая рука какого-то невидимого гения разносила эту книгу по необъятному простору Руси, неустанно сея «разумное, доброе, вечное». Да, сейчас легко устроить домашнюю библиотеку из лучших авторов, особенно благодаря ил-

люстрированным изданиям; но книга уже пробилась себе дорогу в самую глухую пору, в доброе старое время ассигнаций, сальных свечей и всякого движения родным «гузом». Здесь нельзя не помянуть добрым словом старинного офеню-книгоношу, который, как вода, проникал в каждую скважину. Для нас, детей, его появление в дом являлось настоящим праздником. Он же руководил и выбором книг и давал, в случае нужды, необходимые объяснения.

Помню, как один старичок-офеня разрешил вопрос об ударении над словом «роман»:

— Роман — это имя, а рóман — книга.

— Вот-вот, это самое, — почему-то торжествовал добрейший Роман Родионыч. — Тогда и не различить бы, который роман — человек, а который роман — книга. И меня бы с книгой стали смешивать...

Один из таких офеней лично мне невольно доставил большое огорчение. Как все дети, я очень любил рисовать, а у него в коробе среди других сокровищ оказался атлас для самообучения рисованию. Вся беда была в том, что он стоил целых два рубля — сумма, по тогдашнему счету и по нашему бюджету, громадная — целых шесть рублей, если считать на ассигнации.

— Нет, не могу, — заявил отец. — Если рубль, то можно, а двух рублей нет.

Я отлично понимал, что значит слово «нет», и не настаивал. Так атлас и ушел в коробе офени к другому, более счастливому покупателю, а мне его жаль даже сейчас. Уж очень хотелось учиться рисовать, а учиться было не по чему. Мы с Костей принялись копировать плохие гравюры из «Живописного обозрения», возмущаясь их аляповатостью.

Нужно сказать, что библиотека Романа Родионыча была очень маленькая, и книги сошлись в ней совершенно случайно, как встречаются незнакомые люди где-нибудь в вагоне. Исчерпав этот запас, мы с Костей начали отыскивать книги в других домах. Конечно, у управителя книг было много, но мы не решались быть назойливыми. Оказалось, что рядом с нашим домом находилось целое книгохранилище.

В раннем детстве всей медициной у нас заведовал худенький старичок, заводский фельдшер Леонтий Ефимыч. С этим именем у меня связаны воспоминания о первом знакомстве с разными порошками от кашля, детскими «микстурками», припарками и целой коллекцией всевозможных мазей. Не было такой болезни, от которой у Леонтия Ефимыча не нашлась бы соответствующая ей «микстурка», мазь или припарки. И, право, дело шло совсем недурно, а главное, как-то добродушно. Уже одно появление в доме Леонтия Ефимыча вносило известное успокоение, точно он являлся живым олицетворением всех целебных сил.

— Горлышко болит? Кашелек легкий? — ласково спрашивал он, щупая пульс. — А ну-ка, покажи язык... Так, так, легонький жарок... А мы его мик-

стуркой прогоним, да малинки выпить на ночь, да маслицем грудку растереть.

В чайной или гостиной в это время появлялась уже домашняя «закусочка». Леонтий Ефимыч выпивал «рюмочку водочки», закусывал «ломтиком колбаски», принявшей от времени окаменелый вид (знаменитая углицкая колбаса, или по-сибирски — «сапажу»), потирал руки, улыбался и повторял:

— Ничего, ничего... А мы микстуркой да маслицем, а то можно будет и горчичник. Да, мы шутить не любим...

У меня осталось относительно заводских фельдшеров самое теплое воспоминание. Право, они лечили недурно, а главное — не запугивали и не говорили страшных ученых слов. Существования бактерий тогда, конечно, никто еще и не подозревал, но кипяченая вода прописывалась при малейшем заболевании немедленно, как это делается и сейчас. Я в эту пору детства не видел ни одного доктора, а только слышал, что есть какой-то доктор в Тагиле, который спит на сене и питается исключительно одними пирогами с морковью.

Добродушного Леонтия Ефимыча сменил не менее добродушный фельдшер Александр Петрович, походивший наружностью на доброго старого немца: лицо всегда гладкое, выбритое, на висках аккуратно завитые букольки, в руках табакерка. Своим появлением на заводе Александр Петрович произвел даже известную сенсацию.

— Александр Петрович был в Петербурге, — объяснил нам с Костей Роман Родионыч. — Да... Его голой рукой не бери.

«Человек, который был в Петербурге», для меня являлся окруженным известным ореолом, и я долго не мог привыкнуть к этой мысли. Мне все казалось, что Александр Петрович непременно сделает что-нибудь такое, чего никогда не могут сделать люди, не бывавшие в Петербурге, или, по крайней мере, он должен думать что-нибудь такое, о чем не снилось всем нам. Дальше мне казалось, что он даже и свою немецкую наружность тоже вывез из Петербурга, как вывозят оттуда всевозможные чудеса и редкости. Впрочем, метод лечения у Александра Петровича был таким же, как и у не бывавшего никогда в Петербурге Леонтия Ефимыча, с той разницей, что когда Александр Петрович входил в нашу детскую, то с ним вместе появлялась какая-то специальная атмосфера, пропитанная анисовым маслом и еще какими-то мудренными аптекарскими специями. Моему детскому воображению казалось, что это именно настоящий ученый запах, и я проникался еще большим уважением к «человеку, который был в Петербурге».

Вот у этого Александра Петровича мы и открыли целый склад книг, вместилищем для которых служил громадный старинный комод с медными скобками. Мы с Костей накинулись на это сокровище, как мыши на крупу, и на первых же шагах выкопали из праха забвения самого Аммалат-Бека.

В течение нескольких месяцев мы просто бредили этой книгой и при встречах здоровались горской песней:

*Аллага-аллагу!
Слава нам, —
Смерть врагу!*

Нами овладел особенный воинственный азарт и жажда славных подвигов. Мы сделали деревянные шашки и кинжалы, оклеили их цветной бумагой и делали друг перед другом свирепые лица, стараясь перещегоолять друг друга в жестокости настоящих лезгин, чеченцев и кабардинцев. Не довольствуясь декламацией, мы распевали хором предсмертную песню горцев, так что нашим увлечением заразился даже Роман Родионыч и раз заявил самым решительным образом:

— Эх, если бы не жена да не ребятишки, — ушел бы на Кавказ воевать с Шамилем. Ей-богу, ушел бы... Винтовку бы купил, кинжал, шашку и сделался бы абреком.

— Да ведь Шамиль давно взят в плен, а абреками называются горцы, — объясняли мы.

— Э, все равно! Ничего вы не понимаете. Один стихотворец — только вот фамилию забыл — так сказал: *«Гирей сидел, потупив взор, Янтарь в устах его дымился»*. Вот оно как... да! Одного Шамиля взяли, ну, другой остался. Как же Кавказ и без Шамиля?.. Дудки!.. Скажи-ка вот это своими словами, и выйдет чепуха: Гирей покурил табачку. Без Шамиля нельзя!..

«Сочинители» и «стихотворцы» составляли для нас неразрешимую загадку. Кто они такие, где живут, как пишут свои книги? Мне почему-то казалось, что этот таинственный, сочиняющий книги человек должен быть непременно сердитым и гордым. Эта мысль меня огорчала, и я начинал чувствовать себя безнадежно глупым.

— Все книги генералы сочиняют, — уверял Роман Родионыч. — Меньше генеральского чина не бывает, а то всякий будет писать!

Он ссылался в доказательство своих слов на портреты Карамзина и Крылова, — оба сочинителя были в звездах.

Мы с Костей все-таки усомнились в сочинительском генеральстве и обратились за разрешением вопроса к Александру Петровичу, который должен был знать все.

— Бывают и генералы, — ответил он довольно равнодушно, поправляя свои буколки. — Отчего же не быть генералам?

— Все генералы?..

— Ну, где же всем быть... Есть и совсем простые, так, вроде нас.

— Простые совсем, и сочиняют?

— И сочиняют, потому что кушать хотят. Зайдешь в Петербурге в книжный магазин, так глаза разбегутся. До потолка все книги навалены, как у нас дрова. Ежели бы все генералы писали, так от них на улице и проходу бы не было. Со всем есть простые сочинители, и даже частенько голодом сидят...

Последнее уже совсем не вязалось с составившимся в наших головах представлением о сочинителе. Выходило даже как будто и стыдно: мы вот читаем его книжку, а сочинитель где-то там, в Петербурге, голодает. Ведь он для нас старается и сочиняет, — и мы начинали чувствовать себя немного виноватыми.

— Не может этого быть, — решил Костя. — Наверное, тоже свое жалованье получают...

Еще более неразрешимым вопросом являлось то, где в книге действительность и где сочинительский вымысел. Роман Родионыч даже впадал по этому поводу в уныние.

— Я недавно даже прослезился над романом, а если сочинитель-то наврал? Может, этого и в помине не было, а я над его враньем реву... Я бы такого вралю взял бы и растерзал. Не обманывай публику, не плутуй... Ежели всякий будет врать, так тогда и на свете нельзя будет жить.

Мы с Костей твердо верили, что в книге не может быть вранья, а описано все, как в действительности. Ведь это было бы ужасно, если бы и Юрий Милославский, и наш любимый герой Кирша, и Аммалат-Бек оказались только сочинительской фантазией, нет, этого не может быть... Даже в учебниках, и в тех все правда. Нашими любимыми учебниками были география Корнеля и всеобщая история Лямо-Флери. Я и сейчас вспоминаю об этих милых друзьях с величайшей благодарностью.

У себя в кладовой и в комодке Александра Петровича мы разыскали, между прочим, много книг, совершенно недоступных для нашего детского понимания. Это были все старинные книги, печатанные на толстой синей бумаге с таинственными водяными знаками и переплетенные в кожу. От них веяло несокрушимой силой, как от хорошо сохранившихся стариков. У меня с детства проявилась любовь к такой старинной книге, и воображение рисовало таинственного человека, который сто или двести лет назад написал книгу, чтобы я ее прочитал теперь. Этот загробный голос приводил меня в умиление, а дальше фантазия уже рисовала самостоятельный ряд картин: ведь этот древний сочинитель был в свое время ребенком, играл и шалил, как и мы с Костей, читал книжки сочинителей, которые жили задолго до него, и так далее. Почему же именно вот этот мальчик сделался сочинителем и через сотни лет говорит со мной, как бы говорил живой, а сотни, тысячи и миллионы других детей так и остались в неизвестности, забыты, и никто не интересуется, что они думали, чувствовали и делали?

— Это от бога, — объяснил Роман Родионыч.

— Почему же одному дано от бога, а другим не дано?

— Отвяжитесь... И птица перо в перо не родится.

В числе таинственных старых книг были такие, самое название которых трудно было понять: «Ключ к таинствам науки», «Театр судоведения», «Краткий и легчайший способ молиться, творение г-жи Гион», «Торжествующий Хамелеон,

или Изображение анекдотов и свойств графа Мирабо», «Три первоначальных человеческих свойства, или Изображение хладного, горячего и теплого», «Нравственные письма к Лиде о любви душ благородных», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (разрозненные книжки первого сибирского журнала) и так далее. Мы пробовали читать эти мудреные таинственные книги и погибали самым постыдным образом на первых страницах. Это убеждало нас только в том, что именно эти старинные книги и есть самые умные, потому что их могут понимать только образованные люди, как наш заводский управитель.

На этих старинных таинственных книгах были неизвестной рукой сделаны предостерегающие надписи, вроде того, что «кто сию книгу возьмет без спросу — останется без носу», а на творении г-жи Гион красовалась целая «сентенция»: «Только прошу Читать Со вниманием и табак не курить, и если кто покурит, у Того глаза уйдут в нос, в чем и подписуюсь своеручно Аверкий, сын Чемоданов».

Совершенно особый отдел среди этих старинных книг составляли старинные учебники, по которым выучилось не одно поколение. Они были напечатаны на толстой и твердой, как кожа, бумаге, а для прочности края листов были смазаны маслом. Особенно любопытен был арифметический задачник издания 1806 года: «Собрание шести сот пятидесяти одного избраннейшего примера, в пользу юношества, учащегося арифметике, под смотрением преосвященнейшего Иустина, епископа пермского и екатеринбургского, взятых несколько из книг, но по большей части новоизобретенных посильными трудами Алексея Вишневецкого, учителя математики в новоучрежденной пермской семинарии». В числе приведенных «экземплев» находились такие, которые решались по какому-то «слепому» или «девичьему» правилу, а под N 375 находилась такая задача в стихах:

«Нововыезжей в Россию французской Мадаме Вздумалось ценить свое богатство в чемодане;

Новой выдумки нарядное фуру И праздничный чепец а ля Фигаро.

Оценщик был Русак. Сказал Мадаме так: "Богатства твоего первая вещь фуру В полчетверти дороже чепца а ля Фигаро;

Вообще же стоит не с половиною четыре алтына, Но настоящая им цена всего только половина". Спрашивается всякой вещи цена, в чем французская Мадам к Россам привезена?

Решение задачи: "цена фуру 5 1/4 алтына, чепцу 1 1/2 алтына"».

Впоследствии я встретил еще один экземпляр этой удивительной книги, составляющей библиографическую редкость.

Шестидесятые годы были отмечены даже в самой глухой провинции громадным наплывом новой, популярно-научной книги. Это было яркое знамение времени. «Натуральные знания» находились даже не в зачаточном состоянии, а прямо их не существовало. Невежество доходило до смешного. Милейший Роман Родионыч любил производить нам с Костей маленький экзамен.

— Коська, из чего делают стекло?

Мы уже знали ответ и в один голос отвечали:

— Из соломы, Роман Родионыч.

— Ишь выучил у меня. Ну, а какой зверь хвостом пьет?

— Бобер, Роман Родионыч.

И мы, и наш экзаменатор верили, что бобр пьет хвостом, и нам не казалось это странным, да и другим тоже. Курьезов в этом роде было достаточно, и кругом относительно «натуры» царило самое наивное невежество. Книг по естествознанию не существовало, а обрывки знаний переходили от поколения к поколению устным преданием.

Мне было лет пятнадцать, когда я встретился с новой книгой. От нашего завода верстах в десяти были знаменитые платиновые прииски. Управителем, или, по-заводски, доверенным, поступил туда бывший студент Казанского университета Николай Федорыч. Мы с Костей уже бродили с ружьями по соседним горам, бывали на прииске, познакомились с новыми людьми и нашли здесь и новую книгу, и микроскоп, и совершенно новые разговоры. В приисковой конторе жил еще другой бывший студент Александр Алексеевич, который, главным образом, и посвятил нас в новую веру. В конторе на полочке стояли неизвестные нам книги даже по названию. Тут были и ботанические беседы Шлейдена, и Молешот, и Фогт, и Ляйель, и много других знаменитых европейских имен. Перед нашими глазами раскрывался совершенно новый мир, необъятный и неудержимо манящий к себе светом настоящего знания и настоящей науки. Мы были просто ошеломлены и не знали, за что взяться, а главное, — как взяться «с самого начала», чтобы не вышло потом ошибки и не пришлось возвращаться к прежнему.

Это была наивная и счастливая вера в ту науку, которая должна была объяснить все и всему научить, а сама наука заключалась в тех новых книгах, которые стояли на полочке в приисковой конторе. Имена прежних любимцев, как Загоскин, Марлинский, Лажечников и других, сразу померкли и стусевались. Выступали вперед иные требования, интересы и стремления.

Роман Родионыч не признавал этих новых книг, которые казались ему подозрительными.

— Молешот... что такое Молешот? И имя-то какое-то собачье. Нет, брат, нас не обманешь... Студенты, конечно, очень образованные и обходительные люди, а все-таки занимаются сущими пустяками. Ты мне подавай настоящее, самую суть, а не мошек да букашек.

И сейчас, когда я случайно встречаю где-нибудь у букиниста какую-нибудь книгу издания шестидесятых годов, у меня является радостное чувство, точно отыщешь хорошего старого знакомого.

Да, у книг своя судьба, как и у людей. «Что ни время, — сказал Гейне, — то и птицы; что ни птицы, — то и песни...» □

Денис Логинов

В МОСКВУ на ярмарку невест



*«Москва — женского рода,
Петербург — мужеского.
В Москве все невесты,
в Петербурге все женихи».*

Н.В. Гоголь

О «ярмарке невест» в Москве мы практически ничего не знаем. Разве о том, что именно там пушкинская Татьяна Ларина встретила своего будущего мужа. И представляется что-то вроде современной «ярмарки вакансий»: огромное помещение, где вдоль стен ждут решения своей судьбы свезенные в Первопрестольную со всех концов России барышни на выданье. А потенциальные женихи ходят и выбирают.

Увы, эта картина имеет мало общего с действительностью. На самом деле в Москве издавна сложилась традиция устраивать многочисленные зимние балы — вплоть до Масленицы. В отличие от чопорного Петербурга с его практически закрытыми балами Москва гостеприимно распахивала свои двери для всех, кто хотел приобщиться к светской жизни. А заодно — но не как самоцель — посмотреть на барышень, присмотреть себе невесту. По-другому такие «смотрины» было проводить, мягко говоря, затруднительно. В XIX веке, по крайней мере, в его первой трети, молодых девушек стерегли не меньше, чем в допетровской России, разве что позволяли гулять в сопровождении гувернантки или почтенной родственницы.

Так что же это была за «ярмарка»? И почему все так стремились на нее попасть, что влезали в долги и ехали за тридевять земель из дальних губерний? Или дело того стоило? Попробуем разобраться.



Когда Петр I перенес столицу в начале XVIII века в Санкт-Петербург, желающих селиться там было крайне мало. Город строился на болотах, подвоз продовольствия и прочих товаров часто был затруднен, зато болезни приходили без всяких препятствий. К тому же климат в Петербурге был вреден для здоровья: чахоткой тут заболели много чаще, чем в Москве.

В петровские времена еще шла Северная война со Швецией, так что шанс стать участниками военных действий был и у гражданского населения. Поэтому в Петербург ехали в основном те, кто стремился сделать карьеру, и те, кому царь приказал. Заселение города шло небыстро и с одной демографической особенностью — женщин в населении Санкт-Петербурга очень

долго было намного меньше, чем мужчин.

Поскольку главные административные и военные учреждения империи находились в Санкт-Петербурге, служба заставляла многих подданных находиться в столице, но не все привозили с собой семьи. Вплоть до 1860-х годов в Петербурге мужское и женское население имело порой соотношение 70:30. В Москве же была обратная ситуация.

Постепенно сложился обычай для жителей Санкт-Петербурга — ездить в Москву жениться. В Москве-то как раз девушек на выданье было много больше, чем мужчин подходящего возраста, к тому же сюда привозили дочерей многие дворянские семьи из провинции. Добраться в Первопрестольную было легче и дешевле, чем в город на Неве.

Так постепенно и сложилось то, что в народе метко окрестили «ярмаркой невест» или, как говорили в те времена, «ярманка».

В отличие от чопорного Петербурга, Москва была настоящим русским городом — хлебосольным, неспешным и обстоятельным. Здесь селились вышедшие в отставку вельможи, сюда ехали за спокойной, здоровой жизнью по русскому образцу многие просто состоятельные отставники, зная, что найдут в Москве и достойный круг общения, и милые сердцу старинные обычаи в быту и еде, которые в Северной столице считались старомодными.

В Петербурге каменные дома стояли в ряд, а в Москве чуть ли не при каждом особнячке был свой садик, московские же вельможи вообще не мыслили дом без парка. И все это открыто — для своих и чужих, достаточно было хоть как-то представиться хозяину дома и выглядет прилично. Здесь как родных принимали троюродных внучатых племянников и знакомых дальних родственников. Жаловали и провинциальную родню, приезжавшую как раз на «ярманку невест».

В Москве было принято признавать самое отдаленное родство. Появилась даже поговорка: «В Москве всяк Сухаревой башне троюродный подсвечник». У вельмож вообще было принято держать «открытый стол», когда гости собирались в определенное время без особых приглашений, и каждому без лишних церемоний

находилось место. Случалось, что у гостеприимного хозяина обедали и совсем незнакомые ему люди.

В Москве конца XVIII — начала XIX веков со святок, когда устанавливался прочный зимний путь, провинциальные помещики приезжали в столицу пристроить своих дочерей, если это не удавалось сделать дома. Вспомним, Татьяна Ларина отвергла в деревне трех претендентов на свою руку, и лишь тогда мать со стенаниями и оханьем повезла упрямую дочь в Москву.

Выезжали на дормезах — огромных каретах с окнами. Там были спальные места, и можно было загрузить много припасов, чтобы в Москве не слишком тратиться.

Большинство останавливалось у родственников, часто дальних — москвичи были в этом плане очень гостеприимными. Татьяна Ларина, например, приехала в дом к двоюродной или троюродной тетке, с которой ее мать не виделась со времен своего замужества. Зато тетка, княжна Алина, чахоточная старая дева, была вхожа практически во все дома столицы и могла легко помочь родственникам.

Замечу, не одна она так поступала.

«Всем в Москве правили старухи. Москва была бабье царство. Жабам сидели они в креслах в Благородном собрании и грозно поглядывали вокруг. У каждой был свой двор и свои враги; они все помнили, всех знали.»

Всю зиму была здесь ярмарка невест. Усадив их в возки и бережно подоткнув со всех сторон, везли этот редкостный товар осенью по широким дорогам в Москву, и у застав возки останавливались. Золотились главы церквей, зеленели сады, и у невест екали сердца.

Потом их показывали московским старухам, и те, оглядев, брали их под свое покровительство. Вскоре на каком-нибудь балу девичья судьба решалась. Старухи судили, рядили, разводили и вновь сводили...»
Ю. Тынянов. «Пушкин».

Все именно так и было: без представительниц старшего поколения не обходился ни один бал, и ничего не решалось. Именно почтенные дамы были хозяйками почти всех балов. Приглачительных билетов никто не спрашивал, приглашения не рассылались. Молодые (и не очень) люди успевали посетить за вечер несколько балов, присматриваясь к девицам. Как писал Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург»: *«Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками».*

Но присмотреться еще не значит посвататься. Путь от «смотрины» до свадьбы был очень долгий и совсем не прост. Пряники купить было несравнимо проще.

Были балы, которые гремели на весь город. Например, у Кологривовых на Тверском бульваре. Архаровы на Пречистенке тоже не отставали. Иван Петрович Архаров, благодаря которому в нашем языке по-

явилось слово «архаровцы», был московским военным губернатором, а архаровцами прозвали его полицейских. Гостей у него порой бывало столько, что кареты не помещались во дворе и загромождали все переулки.

Но все-таки самый знаменитый бал давали в здании Благородного собрания. Слеталась блестящая гвардейская молодежь из Петербурга, собиралось порой до 5 тысяч человек.

Балы в московском Благородном собрании еще в XVIII веке стали в России той самой своеобразной «ярмаркой невест». Можете себе представить — более тысячи невест в громадном зале? На это даже иностранцы специально приезжали посмотреть.

Красочное воспоминание об этом оставил Филипп Вигель:

«Не одно только московское дворянство, но и дворяне всех почти Великороссийских губерний стекались сюда, чтобы повеселить жен и дочерей. Чертог в три яруса, весь белый, весь в колоннах, от яркого освещения весь, как в огне, горящий, тысячи толпящихся посетителей в лучших нарядах, гремящие в нем хоры музыки. Не одно маленькое тщеславие проводить вечера со знатью привлекало их в Собрание. Нет почти русской семьи, в которой бы не было полдюжины дочерей: авось или Дунюшка, или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человеку!

Но если хороший человек незнаком никому из знакомых, как быть?

И на это есть средство. В старину существовало в Москве целое сословие свах, им сообщались лета невест, описи приданого и брачные условия; к ним можно было прямо адресоваться, и они договаривали родителям все то, что в Собрании не могли высказать девице одни только взгляды жениха. Пусть другие сме-

как потенциального жениха. Поэтому на балах всегда сопровождали девушек и очень внимательно следили, с кем дочь танцевала, не тянется ли за молодым человеком шлейф скандалов, из какой семьи, можно ли рассчитывать на шикарную партию. Слово «танцор» тогда было, по сути, синонимом слова «жених».



ются, а в простоте сих дедовских нравов я вижу что-то трогательное».

Московские ярмарки невест были очень важны для родителей — решалась судьба не только дочери, но и всей семьи (если удастся заключить выгодный брачный союз). Матушки воспринимали каждого кавалера, приглашавшего их дочерей на танец,

Мы и сейчас используем в речи слова «вытанцовывается», если все отлично, или «не вытанцовывается», если что-то не сложилось. На балу можно было «вытанцевать» себе хорошую партию. Поэтому обучению танцам уделялось большое внимание.

Например, знаменитый танцмейстер Петр Андреевич Йогель устра-

ивал детские балы. Туда приходили и совсем взрослые мужчины, чтобы посмотреть на 14–15-летних девочек, которые вскоре выйдут в свет. Помните у Пушкина о приглашениях, присланных Онегину?

«Там будет бал, там — детский праздник.

Куда ж поскачет мой проказник?»

Кстати, сам Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову именно на

вило, уроки танцев проводились не индивидуально, а с группами детей, причем обоего пола. Кстати, на домашних балах дети с 12–13 лет могли танцевать вместе со взрослыми, это приветствовалось. Иногда даже на придворных балах часть пар танцующих составляли дети. Естественно, что в учебных заведениях бальные танцы были обязательным предметом. Так что



*Обучение
детей
танцам*

празднике у Йогеля. Танцевавшая Наташа произвела на поэта сильное впечатление. Как Пушкин говорил позже, она была еще девочкой, красоту ее едва начинали замечать в свете, но увидеть и понять, какая необыкновенная красавица вырастет, было уже можно.

Обучение танцам в те времена считалось делом недешевым и длительным. В богатых семьях приглашали учителей домой. Как пра-

к возрасту, когда молодые дворяне начинали выезжать на официальные балы, танцевать они умели очень хорошо.

В такой атмосфере праздника выбирать себе суженую было весьма и весьма приятно. Обычай ездить в Москву жениться не прекратила даже война 1812 года.

Вот выдержка из «Путешествия из Москвы в Петербург» Александра Сергеевича Пушкина:

«Некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы.

Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники — все исчезло: остались одни невесты... московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, все еще цветущих розами!»

Но война окончилась, Москва отстроилась заново, и все вернулось на круги своя.

«Цветущих розами» московских красавиц было принято оберегать «шипами» из множества условностей и правил, соблюдать которые полагалось неукоснительно.

Князь Валерьян Михайлович Голицын писал:

«Такое ограждение юных умов доходило до того, что когда девица отправлялась к своей подруге, то при ней неотлучно должна была находиться гувернантка, присутствовавшая при беседе юных подруг, дабы в ней не проскользнуло что-нибудь нескромное».

Ведь барышню, замеченную в смелых мыслях, могли и не взять замуж.

Хотя во всем этом была изрядная доля лицемерия — в большинстве дворянских семейств девушек неплохо образовывали, а кто ж уследит, что она там по ночам читает, тайком взяв книжку из большой семейной библиотеки? Может, и Вольтера, а может, французские либо английские романы! А это было вполне возможно: в Москве многие девушки владели тремя-четырьмя иностранными языками.

В «хороших семьях» принято было либо отдавать девочку в благородный пансион, либо препоручать гувернанткам и домашним учителям. На то, чтобы выучить дочь иностранным языкам, танцам, игре на музыкальных инструментах, рисованию и хотя бы началам математики, истории, географии и литературы, часто не скупились и небогатые семьи — ведь если девушка произведет хорошее впечатление и составит выгодную партию, все расходы окупятся.

Хотя романтические настроения у московских барышень и их кузин-провинциалок долго были в моде, браки в подавляющем большинстве заключались по расчету, причем расчет этот принадлежал старшему поколению.

Так что тайны, которыми делились юные девицы тайком от маманек и гувернанток, часто оставались только романтическими воспоминаниями, а под венец девушка шла с тем, кого родители сочли подходящим мужем.



*Татьяна в Дворянском собрании.
Художник А. Самохвалов*

«Честность, взаимное влечение друг к другу и достаточная доза благоразумия» — так формулировались обязательные условия для вступающих в брак в книге по этикету XIX века «Хороший тон. Сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной».

Выбирая пару, молодым людям нужно было думать не только о чувствах, но и о собственном финансовом благополучии. Авторы книги по этикету рекомендовали родителям молодых следить за тем, чтобы будущий брак не принес сыну или дочери «моральные лишения, нужду и горе», и обязательно отговорить молодых от неудачного выбора партии.

«Юность слишком самоуверенна и самонадеянна и на все смотрит сквозь розовую призму!» — предупреждал свод этикета. По закону родители не имели права вмешиваться в личную жизнь детей и выбирать жениха или невесту против воли, но родительское благословение часто ставили выше влюбленности.

Если было богатое приданое, то можно жениха и повыбирать, не оглядываясь на возраст и приклеившийся статус «разборчивой невесты». А если с приданным не густо, то приходилось довольствоваться и захудалым женишком, лишь бы только под венец.

Если не хватало средств, брали в долг, справляли дочерям бальные платья, благо драгоценности носить девицам не полагалось, и ехали в Первопрестольную — за счастливой судьбой.

Естественно, что желаний дочерей особо не спрашивали, забота о выборе жениха ложилась на родителей, родственников и свах, которых в России всегда хватало. Но так найти жениха можно было только в своем кругу, а хотелось-то большего, не зря ведь кумушки рассказывали, как бесприданницы благодаря красоте становились графинями и княгинями.

Потенциальному жениху увидеть на балу красивую девушку — еще полпроблемы. Незнакомец не мог приглашать девушку на танец: вдруг он какой-то шалопай или не обладает должным статусом и этим ее

скомпрометирует. В виде исключения это позволялось только офицерам, об их положении в обществе свидетельствовал мундир. Остальные же должны были быть заранее представлены родителям девушки и ей. Это мог сделать любой общий знакомый, которому родители доверяли. В крайнем случае, молодой человек мог представиться и сам, но подобный поступок считался ко многому обязывающим, так как демонстрировал явный интерес к девушке. На частных балах представление гостя брал на себя хозяин дома или его сын. Только после соблюдения всех формальностей молодой человек мог подойти к девушке и с поклоном поинтересоваться: «На какой танец с вами я могу надеяться?»

Обычно на балу девушка могла иметь в руках три предмета: веер, маленький букетик цветов и записную книжечку, называемую «агенда», которая служила для записей танцев. Порядок танцев на балу был заранее занесен в агенду, оставалось ее открыть и сказать молодому человеку: «У меня свободен вальс, предлагаю его вам».

Отказ при незанятом танце считался неприличным. В крайнем случае, можно было отказаться перед самим танцем, сославшись на утомленность или что-то еще, но при этом следовало предложить молодому человеку занять место рядом с собой, чтобы в течение этого танца он мог развлекать даму разговором. Этим многие девушки пользовались,



*Онегин на балу.
Художник А. Самохвалов*

так как во время танца поговорить невозможно, а общаться с молодым человеком наедине не позволял все тот же этикет.

Поговорить на балу можно было и без слов, для этого использовался веер. Существовала целая система знаков: положение веера, разнообразные движения им и прикосновения к частям тела, количество открытых лепестков и тому подобное.

Небольшое отмахивание от себя открытым веером означало — я сегодня не расположена к флирту, один открытый лепесток — могу предложить только дружбу, закрытие веера — вы мне не интересны, взгляд над открытым веером, прикрывающим пол лица, — вы меня за-

интересовали, приложить полузакрытый веер левой рукой к правой щеке — я согласна, а правой рукой к левой щеке — категорический отказ.

Часто девушка на балу имела в руках небольшой букетик цветов, напоминающий уменьшенный современный букет невесты. Создание таких букетов было целой наукой. Цветовая гамма и названия цветов могли сказать очень много, а изменение положения букетика в руках

родственниками. Пока шли танцы, отходить с этого места не полагалось, чтобы кавалерам не пришлось их разыскивать по залу. В перерывах между танцами можно было подойти поболтать к подругам, знакомым, родственникам. Прогуливаться по залу в одиночестве было не принято, а вместе с молодым человеком — только после помолвки.

На домашних балах нравы были свободнее, так как большинство при-



позволяло вести «разговор» примерно так же, как веером. Иногда букетик делался совсем маленьким и прикалывался к платью. Если букетик был в руках, то при непосредственном приглашении на танец его оставляли на стуле или отдавали не танцующей родственнице.

В бальном зале девушки, заранее ангажированные на танцы, сидели или стояли рядом с матерью и

сутствующих хорошо знали друг друга. Здесь девушки могли не сидеть рядом с матерями, а располагаться с подругами, где им удобнее. Не возбранялось и общение с молодыми мужчинами, лишь бы не наедине.

Танцевать с одной девушкой больше трех раз считалось неприличным. Иначе юноше или мужчине, как честному человеку, пришлось бы жениться на ней.

Заканчивались ярмарки невест с завершением Масленицы перед наступлением Великого поста.

Если все складывалось благополучно, молодой человек начинал приходить в дом, ему разрешали общаться с девушкой в присутствии родителей.

А те, кому не посчастливилось найти жениха или невесту, уезжали домой. Чтобы на следующий год снова приехать на ярмарку невест...

У свах была своя картотека невест и женихов — список девушек и молодых людей на выданье с указанием возраста и размера приданого. Они предлагали свои услуги и постоянно посещали с визитами те семьи, где была необходима помощь с выгодной партией.

За свой труд свахи получали от 10 до 25 рублей (учитель, например, зарабатывал около 70 рублей в месяц) и традиционный подарок от се-



На балах можно было присмотреть жениха или невесту и весело провести время, но званые вечера не подходили для того, чтобы узнать подробности о семье, чине и размере приданого. С этой целью родители обращались за помощью к свахам. В XIX веке это было обычное дело. Рынок свах был велик, каждое семейство могло выбрать себе сваху по кошельку или даже сословию.

мы, ее нанявшей, — нарядную шаль. По количеству шалей можно было судить о профессионализме свахи.

Балы долгое время были в России неотъемлемой частью дворянского быта. В наше время пытаются возродить традицию балов, а в Москве в позапрошлом году даже провели «ярмарку невест».

Любопытно, что из всего этого получится? □



— Папуля, не хаами... — процедил сынок.

— Ладно, Пьер. Но ты знаешь, что с деньгами у нас туговато. А здесь самая подходящая цена.

— Говори прямо — дешевая. Нет, папа, я не хочу пользоваться дешевкой.

— Сын! Хотя бы попробуй!

— Не-е-ет! Я сказал, ищем другую.

И папа с сыном удалились. Берта огорченно проводила их взглядом.

Следующий покупатель, низенький толстый человечек с короткими ручками и ножками, решил ее опробовать. Когда он с размаху плюхнулся в кресло, Берта просто присела от тяжести. Мужчина, презрительно хмыкая, вытащил венец, соединяющий водителя с интеллектуальным блоком, то есть с ней, Бертой, повертел устройство в руках и, наконец, натянул на голову.

Берта очень старалась, но хорошего контакта не получилось. Толстяк требовал набрать высоту, а потом резко отменял требование. Давал команду увеличить скорость, и тут же запрещал разгон. Кидал ее вниз и заставлял резко подпрыгивать. Она измучилась, запуталась и уже не понимала, чего от нее хотят. И была просто счастлива, когда последовал приказ двигаться обратно.

— Она неповоротливая, как свинья! — набычившись, сообщил человечек техникам. — Не подходит!

— Может, поменять настройки?..

— Нет. Покажите другие модели.

Техники с покупателем ушли, и Берта перевела дух. Очень невежливо так думать, но как хорошо, что он ее не выбрал! Ну, ничего. Конечно, она надеялась, что хозяин найдется с первого же раза, но это ведь только первая проба. Будет еще и на ее улице праздник.

Потом была семья: муж, жена и два маленьких детеныша.

— Посмотри, солнышко, может быть, эта? — спросил мужчина.

Берта с готовностью приосанилась. Женщина ласково погладила ее по носу. «Ой! — подумала Берта. — Как было бы здорово жить у таких милых хозяев!»

— Мама, можно мы посидим внутри? — почти хором спросили детки.

— Можно, но аккуратненько.

Ребятишки забрались в салон. Детеныш повыше поддел ногтем обивку. Берта вздрогнула, но не подала вида, что ей больно. Маленький вскарабкался на сиденье и дернул плафон освещения. Старший взялся за систему вентиляции. Берта, мужественно сдерживаясь, прислушалась к разговору родителей.

— Прости, дорогой, но мне кажется, что она не подойдет, — нежно прошептала мама.

— Но почему, родная?

— Нам нужна машина побольше и покрепче...

— Мда... — произнес папа, задумчиво осматривая поле деятельности детишек. — Ты, как всегда, права, прелесть моя... Сэнди, Кайл, уходим...

Малышня высыпалась наружу, будто шарики для пинг-понга из коробки. А Берта облегченно вздохнула.

Когда, покачиваясь на тонких каблуках, в ангаре появилась красивая стройная девушка, Берта поняла, что это судьба. Вот она — ее настоящая хозяйка! Незнакомка надела венец. Берта постаралась раскрыться как можно полнее. «Смотри, мы так подходим друг другу!» — мысленно взывала она.

Девушка вытащила миниатюрный видеофон. Клавиши отзывались на нажатие легким мелодичным пением. «Может, она хочет сказать кому-то, что уже нашла себе машину?» — с надеждой подумала Берта.

— Слушай, пупсик, — заговорила девушка, услышав отрывистый мужской голос. — Знаешь, мне так неловко, но то, что есть за предложенные тобой средства, это такая гадость! Я в ней будто селедка в банке. Кошмар! Ты должен мне увеличить подарочный лимит, по крайней мере, вдвое... Что? А втрое? О-о-о! Ты мой золотой! Я тебя обожаю! Чмоки-чмоки!

Девушка нажала отбой, изящно спрыгнула с подножки и танцующей походкой двинулась в другой конец зала. Растерянная Берта осталась на месте.

— Ну что, опять не вышло?

— Ага, — грустно согласилась задумавшаяся Берта и, вдруг сообразив, что рядом никого нет, вскинулась: — Кто это?!

— Я — Дейдра. Оглянись-ка вокруг.

Берта локаторами ощупала пространство и обнаружила на стоянке большой черный флаер со знаками полицейского управления на крыльях.

— Ты тоже разговариваешь?! — восхитилась она.

— Ага.

— Здорово! Я боялась, что одна такая!

— Вообще-то нас, разумных, немного. Только отдельные экземпляры из двух последних выпусков. Видимо, какой-то сбой в микросхемах.

— Значит, нам просто повезло?

— Возможно. Слушай, я уже который день смотрю, как ты стараешься, ко всем с лаской и заботой... Неправильно это. Не раскрывайся перед каждым. Знаешь, сколько хозяев приходится за свою жизнь менять? Вот,

например, у меня в патруле каждый день новый пилот. И что? Ко всем привыкать?

— Но я же хотела как лучше... Чтобы нам было хорошо вместе...

— Эх, наивная маленькая дурочка! Выдумка все это, пустые иллюзии. Такие же фантазии, как мечты людей о любви. Не бывает такого. По крайней мере, я не встречала. В жизни каждый сам за себя, потому и ты перестань выдумывать. И не раскрывайся перед каждым. Ведь если от частых переключений полетит интеллектуальный блок, мигом в корпус поставят другой. А тебя — на свалку.

— Как, на свалку?!

— А вот так. Не ты первая, не ты последняя.

— Как же так? Может, люди просто не знают, что мы живые? Надо им сказать!

— А вот это не вздумай! У них древний страх — возникновение интеллекта у машин. Разберут по винтику. Ой, извини! — Дейдра вдруг перешла на скороговорку. — Не могу больше говорить, у меня смена идет. Удачи тебе! — и прервала связь.

Берта задумалась. Неужели человек и флаер не могут быть друзьями? Не хотелось в это верить... Но ведь так сказала опытная Дейдра. Сказала, что дружба и любовь — это мечты и фантазии... Интересно, что такое любовь? Может, спросить кого-нибудь из людей? Ох, нельзя! Люди боятся умных машин. А если Дейдра ошибается?.. Не может быть! Ведь она такая большая и умная. Не то что она, Берта...

Вечером Берта случайно услышала разговор двух техников. Говорили о ней.

— Ну что? Опять не взяли? — спросил младший.

— Ага, — мрачно ответил старший. — Неудачная модель. Люди жалуются: и экстерьер не ахти, и внутренняя связь не возникает...

— Может, пора скидывать цену?

— Да и так минимум выставлен... Знаешь, давай еще одну пробу сделаем и, если не прокатит, поменяем интеллектуальный блок. Может, в другом варианте пойдет лучше.

— Ладно, как скажешь.

Техники удалились, а перепуганная Берта осталась. Значит, Дейдра права, и они запросто могут выкинуть ее на свалку? Что же делать?!

Утром в ангаре появилась новая покупательница. Невысокая, полненькая, с живыми, смеющимися глазами и копной темных кудряшек.

— Ух, какая толстуха! — воскликнула девушка, глядя на округлые бока флаера.

«На себя посмотри» — хотелось ответить Берте. Однако, помня слова техника «Последняя проба...», она сдержалась.

Девушка, между тем, активно осматривала ее со всех сторон. Заглянула в кабину, пощупала мягкость сиденья.

— Ух, какая игрушечная коробочка, — пробормотала, оценивая внутреннее пространство.

Берта обиделась. Ну и пусть она маленькая! Зато быстрая и надежная.

— Что ж, — продолжала незнакомка. — Давай пообщаемся поближе.

Берта была не против. Но огонек, горевший в ней в предыдущие встречи, исчез. Проведя ночь в раздумьях, она решила, что, если людям нужна послушная машина, она станет таковой. Поэтому старательно поднималась и опускалась, выполняла повороты и развороты. Однако девушка была недовольна. Она хмурила брови, кусала губы и, наконец, сердито воскликнула:

— Что это такое! Я же чувствую, что ты способна на большее, а ползешь, как таракан! Ты же флаер, свободная небесная птица! Давай разгон!

И Берта разозлилась. «Ну, я тебе сейчас покажу таракана! Сколько можно сносить оскорбления?!» — подумала она и рванулась вперед изо всех сил.

— О-о-ох! — только и выдохнула девушка, прижатая к креслу перегрузками.

Берта почувствовала ее испуг и обрадовалась. «Это тебе за таракана! За толстокожесть! За эгоизм!»

«Вправо!» — последовала команда, и Берта резко, не снижая скорости, забрала вправо. «Круг!» — и Берта сделала бочку. «Вниз!» И Берта стремительно рванулась к земле. Ветер свистел вокруг, и посадочная полоса летела навстречу.

— Сто-о-ой! — отчаянно закричала пассажирка.

«Стой? — ехидно подумала Берта, продолжая мчаться. — А ты разве не знаешь, что в мире существует инерция, и я не могу остановиться мгновенно?»

Она начала притормаживать, но скорость уменьшалась не так быстро, как приближалась земля.

— А-а-а-а!!! — в страхе закричала девушка.

— У-у-у-у!!! — в восторге завывала Берта ей в тон. Будет знать, как унижать флаер!

Она сгруппировалась и, задев брюхом стебельки травы, рыбкой выскользнула из пике. Пассажирка, не веря, что жива, медленно открыла глаза, огляделась и слабым голосом скомандовала:

— Домой!

К моменту возвращения в ангар Берта уже осознала, что натворила, и вела себя ниже травы, тише воды. Какая же она дура! Мало того, что она толстая, неуклюжая, так еще и опасная тварь, едва не погубившая пассажирку. Из-за своего вздорного характера, из-за своего норова и самолюбия лишила себя последней возможности приобрести хозяйку. Ну, зачем она придумала напугать девушку? Ведь та ничего плохого не сделала...

Их окружили техники, видевшие безумный полет. Девчонка на дрожащих ногах начала выбираться наружу. Со всех сторон к ней потянулись руки — поддержать.

— Мисс Элизабет, как вы? Целы?

— С вами все в порядке?

— Что случилось? Сбой управления? Простите, но эта машина...

— Нужно немедленно снять ее с продажи...

«Неужели все? Конец? — подумала Берта и с тоской посмотрела на свою последнюю надежду, стоящую на нетвердых ногах в толпе взбудораженных людей. — У меня был шанс, и я его упустила...»

И вдруг среди хора возбужденных голосов ясно и четко прозвучали слова девушки:

— Я покупаю ее.

— Что? — глупо переспросил кто-то из персонала.

«Что?!» — мысленно завопила Берта.

— Я беру ее. Мы сработаемся. Где производится оплата?

И девушка под эскортом удивленных, шокированных, обрадованных сопровождающих удалилась в соседний зал. Ошарашенная Берта, сомневаясь, не ослышалась ли, осталась.

Жила Элизабет в небольшом поселке у реки и была владелицей аккуратного маленького коттеджа. На богачку Лизи вроде бы не тянула, работала то ли секретаршей, то ли служащей, и непонятно было, как она смогла позволить себе флаер. Но Берта об этом не задумывалась. Она радовалась, что у нее есть хозяйка, что можно не стоять в ангаре, а двигаться и осматривать мир. И пусть Элизабет больше похожа на мягкую плюшевую игрушку, а не на мечту из глянцевого журнала, все-таки она выручила Берту, забрала ее и простила дикий пробный полет. Уже только за это Берта готова была выполнять все ее желания.

Каждый день она возила Лизи на работу и обратно. А по вечерам они летали для удовольствия. Поле за домом было сплошь покрыто головками одуванчиков, и когда Берта прыжком взмывала в небо, вихрь срывал легкие белые венчики, кружил невесомые пушинки. Берта и Лизи тоже кружили. Разгонялись, меняли направление движения, опускались и подни-

мались... Помня свою первую оплошность, Берта была очень осторожна. А Лизи, летавшая поначалу с большим воодушевлением, с каждым днем все больше мрачнела. Берта готова была сделать все, чтобы порадовать ее, но не знала, что именно. Она могла бы выяснить причину огорчений, но, помня совет опытной Дейдры, боялась идти на полную коммуникацию. Все-таки однажды она решилась и очень осторожно, готовясь в любой момент отпрянуть, сняла блок и прислушалась к мыслям Лизи.

«Машинка моя», — ласково думала Элизабет, и Берта поняла, что это про нее. На душе стало тепло. Как же здорово, когда есть кто-то, кто тебя любит! «И когда у нас с тобой все сложится? Говорят, что нужно время, чтобы слиться с интеллектуальным блоком. И ты ведь меня уже хорошо понимаешь. Но где же скорость? Ты так дивно мчалась на испытаниях, а сейчас еле двигаешься... Эх, ты, моя маленькая толстушка!»

Берта задохнулась от обиды. Все бы она снесла, даже обвинение в медлительности. Но как Лизи, особа далеко не худенькая, могла обозвать ее толстушкой!.. И Берта, не успев подумать, буркнула:

— Сама такая!

— Что-о-о?! — взметнулась Лизи, удивленно озираясь вокруг. — Кто это?!

— А хочешь, чтобы я летала быстрее, так прекрати вливать в меня этот жирный бензин.

— Но он же лучший! Самый дорогой! — воскликнула Лизи.

— Ха! Если нужен долгий полет, то лучший. А если быстрый, то совсем другое дело. И вообще! Сама, вон, съешь эклерчик и потом весь день переживаешь. А меня закармила!

— О-о-о! Я больше не буду! — покаянно пробормотала шокированная девушка. — Но как же ты разговариваешь?!

— А никак. Это тебе кажется.

Потрясенная Элизабет не нашлась, что ответить. Некоторое время они двигались молча, потом Лизи, не выдержав, осторожно позвала:

— Эй, мне ведь не почудилось?

Берта не ответила, и Лизи, подождав немного, озадаченно потерла лоб и прошептала:

— Так. То ли у меня переутомление, то ли с флаером что-то не то... Мне идти к врачу?.. Или лучше обратиться в сервис? А что, почему бы нет? Приду, скажу, что у меня говорящая машина...

— И не вздумай! — в ужасе завопила Берта.

— Ой! Значит, мне не показалось?! Это же сенсация! Нужно срочно рассказать об этом!

— Не-е-ет! Нельзя, чтобы кто-то знал! Людям не понравится, если они узнают, что есть думающие машины.

— Берта! Наоборот! Люди будут рады. Это же так здорово, когда можно вместе общаться!

— Нет! Обещай, что никому не скажешь! А то я больше не буду разговаривать! — пригрозила Берта.

— Но, Берта...

— Пожалуйста!

— Хорошо... — неохотно согласилась девушка. — Но ты не права.

— Ну и пусть, — удовлетворенно согласилась Берта. А потом задала вопрос, который уже давно не давал ей покоя: — Слушай, а почему ты выбрала меня?

— Ты мне понравилась, — призналась девушка и покраснела.

Берта почувствовала, что расплывается подтаявшей шоколадкой. Как же это приятно, нравится кому-то...

— Спасибо, — пробормотала она растроганно.

— Не за что, — ответила Лизи. Помолчала немного и вдруг, будто решившись, выпалила: — Честно говоря, на другую машину у меня все равно не хватило бы денег.

Берта опешила. А девушка продолжала:

— Понимаешь, мне нужен был флаер. Очень! Я искала любой, только чтобы недорогой. И мне просто повезло, что попалась именно ты...

Берта попыталась справиться с разочарованием. Все-таки ее взяли просто как самую дешевую машину...

— Не обижайся! Я же тогда еще не знала, какая ты хорошая!

— Ага, толстая... медленная...

— Ну что ты! И совсем не толстая, а компактная! И не медленная. Помнишь, как мы с тобой мчались? И ты самая лучшая, я тебя очень-очень люблю!

— А для чего тебе нужен был флаер? — перевела тему Берта, чтобы не выслушивать жалостливые утешения.

— Я хотела участвовать в регате, — медленно начала Элизабет. — Это такие соревнования. Дается точка вылета и точка окончания. Задача — как можно быстрее и с большим количеством баллов пройти маршрут.

— Ты любишь соревнования?

— Да нет... Не в этом дело... — вздохнула Лизи. — Понимаешь... В регате будет участвовать один парень, который мне очень нравится. Его зовут Арчи. Но он сказал, что ему нужна четкая девчонка, а не такая тихоня и размазня, как я. И я решила доказать, что тоже чего-то стою. Вот.

— Лизи? Ты его любишь? — замирая, спросила Берта.

— Не знаю. Он такой!.. Такой! А я недотепа...

— Лизи! Это неправда! Ты замечательная!

— Ну, это ты так думаешь. А он — совсем по-другому, — печально шмыгнула девушка.

— Лизи, — позвала ее Берта. — Тогда давай выиграем регату!
А сама подумала, что сделает все, чтобы Лизи была счастлива.

С этого момента у них появилась общая цель.

Они активно готовились. Подбирали топливо, пробовали различные варианты масел и смазок, дружно обсуждали полученные результаты. Изучали маршрут, оказавшийся сложным и довольно опасным. Лес, болото, скалы, пустынные участки, пересеченная местность, воздушные ямы. «Ну, ничего, — думала Берта, втайне гордясь собой. — Ведь я буду с Лизи и присмотрю за ней. Если мы будем вместе, то ничего плохого случиться не может».

Больше тридцати машин собралось на старте. В основном это были крупные флаеры, способные подниматься на большую высоту и переносить длительные перелеты. Берта рядом с ними казалась просто цыпленком, потому остальные гонщики поглядывали на нее с насмешкой. «Ничего! — храбрясь, подумала она. — Еще посмотрим, кто кого!» А вслух спросила:

— Где твой любимый, Лизи?

— Я пока не вижу его, — озираясь, сообщила девушка. — Но флаер на месте. Вон, третий справа.

Хищная серебристая машина выделялась среди других участников и породой и статью. Берта попыталась задать вопрос, но отклика не получила. «Видимо, права Дейдра, — грустно подумала она. — Разумные флаеры встречаются очень редко». И вдруг услышала:

— Привет, малышка!

— Привет! Кто ты? — встрепелась Берта.

— Я — Корвин. Можно Кор. И ты с меня глаз не сводишь.

Синий «Корвет» подмигнул ей правой фарой. Берта про себя ахнула — ничего себе!

— Ну что? Первый раз в регате? — продолжал новый знакомый. — Не трусь, я подскажу, если что. Например, у сегодняшнего судьи есть привычка наклонять голову к левому плечу перед самым стартовым выстрелом.

— И что?

— А то, что такой умный флаер, как ты, может рвануть вперед на несколько секунд раньше, чем вся масса. Конечно, если не будет ловить ворон. Так что дерзай, пышечка!

Ну вот! Мало того, что люди называют ее толстушкой, так еще и флаеры сейчас будут называть «пышечкой».

— Не нужны мне твои подсказки! — огрызнулась она. — Я и сама справлюсь!

— Удачи, лапуля, — усмехнулся Корвин. — И легкого неба.

— И тебе, — пробормотала Берта.

Ну почему она маленькая и толстенькая, а не изящная и стройная? Да еще этот желтый цыплячий цвет! Если бы она была изящной красавицей красного цвета, то никакой «Корвет» не позволил бы себе назвать ее «пышечкой»!

— О чем ты думаешь? — спросила вдруг Лизи.

— Я думала, как здорово быть спортивным флаером... Узкое длинное тело, легкие отведенные назад крылья, заостренный нос... И цвет чтобы был непременно красный...

Лизи рассмеялась, и Берта обиделась на нее.

— Ох, извини, пожалуйста... — спохватилась Элизабет. — Я подумала, что все женщины одинаковы, мечтаем о том, чего нет. Я бы тоже хотела быть высокой блондинкой, да вот не судьба...

— С кем это ты разговариваешь? — послышался мужской голос.

Флаер и девушка вздрогнули, застигнутые врасплох. У открытого окна стоял красавец в облегающем комбинезоне. Стильный короткий ежик светлых волос, нос с аристократической горбинкой, презрительно-насмешливый взгляд.

— Арчи, — пролепетала Лизи.

— Все-таки решила участвовать? И не жалко тебе издеваться над машиной?

— И совсем я над ней не издеваюсь...

— Ну да, над такой бочечкой разве поиздеваешься? Какие кнопки не нажимай, а с места не сдвинешь.

— Неправда! Берта замечательная... — начала Лизи, но парень не стал ее слушать.

— Ладно, косоручка. Победы не желаю — зачем говорить о несбыточном. Не сойди хотя бы с дистанции.

Парень отвернулся и неспешной пружинистой походкой отправился к своему флаеру. На глазах девушки блеснули слезы:

— Ну почему он со мной так?

— Лизи, а ты действительно его любишь?.. — осторожно спросила Берта. Арчи обидел и Лизи, и ее саму...

— Не знаю, Берта... Все так сложно... Но давай хотя бы просто не сойдем с дистанции.

— Но мы ведь собирались победить?

— Ах, Берта! Здесь такие игроки! Даже профессиональные гонщики есть. А мы с тобой новички. Если мы дойдем до конца, уже это будет здорово.

И Берта поняла, что несколько слов Арчи заставили Лизи растерять всю былую уверенность и волю к победе. Ну, уж, нет! Она, Берта, сделает все, чтобы поставить на место этого выскочку.

— Не бойся! — бодро воскликнула она. — Мы хоть и новички, но скажи, кто еще из участников может общаться со своей машиной? Вместе мы будем сильнее их всех.

— Ой, ведь и правда! — явно обрадовалась Лизи. — Как здорово, что ты это сказала!

— Победим? — решительно спросила Берта.

— Да!

Громкоговоритель зашуршал, зашипел и выдал сообщение:

— Участников регаты просим занять свои места. До старта — одна минута.

— Ну, все, решается моя жизнь, — прошептала Лизи, пристегивая ремень безопасности.

— Ничего, прорвемся, — пообещала Берта.

Последние секунды тянулись, будто капли патоки. Судья поднял стартовый пистолет. Лизи собралась. Берта присела, приготовившись. Судья наклонил голову к левому плечу, и через секунду прогремел выстрел. Одновременно со звуком Берта рванулась вперед, опередив на мгновение остальные машины. Регата началась.

— Какие мы с тобой молодцы! — радостно воскликнула Лизи.

— А то! — подтвердила гордая Берта.

Они не только не сошли с дистанции, но и вполне успешно двигались к финишу. Благодаря удачному старту, а также успешному лавированию Берты среди массы больших, мешающих друг другу машин, на прямом скоростном перегоне они оказались в группе фаворитов. И таким образом одними из первых подошли к естественной полосе препятствий. Впереди горы, слева болото, справа — равнина. «Как в сказке, — смеялась Лизи, когда они обсуждали маршрут. — Налево пойдешь... направо пойдешь...»

Самый короткий путь — через заболоченный лес. Но самый короткий еще не значит самый быстрый. Залежи железной руды, скрытые под слоем жидкой грязи сбивали показания приборов даже самой надежной машины, поэтому участники регаты старались его избегать. Следующий путь лежал напрямик через горы. Однако из-за острых скальных выступов и плохой видимости решил бы на него не каждый пилот. Для Берты он был невозможен по другой причине: ее конструкция не предполагала дви-

жения в разряженном воздухе. Третий путь — обход гор справа. Трасса при этом значительно удлинялась, и здесь все решала скорость, которая у больших флаеров, участвующих в соревновании, была несравненно выше, чем у легкой Берты.

Обсудив варианты, Берта с Лизи решили рискнуть и пройти по болотам. Вернее, по узкой кромке между скалами и болотом. Маленький размер Берты должен был сыграть решающую роль. Маловероятно, что пилоты решатся идти по узкому проходу между неровными скалами и растущими почти вплотную к ним деревьями и, скорее всего, пойдут в обход, теряя, тем самым, драгоценное время.

Расчет Берты и Лизи оправдался.

— Смотри, Берта! Они уходят! — восторженно закричала Лизи, когда обнаружила, что все следующие за ними впритык флаеры начали забирать правее.

— Подожди, это еще не финиш, — проворчала Берта, аккуратно сканируя пространство и пробираясь по узкой тропинке на минимальной высоте.

— Эй, малышка! — вдруг раздался голос «Корвета». — Смотрю, ты рискованная штука! Ползешь вдоль болота? Хорошее решение, молодец!

— Спасибо, — отозвалась польщенная Берта. — А где ты? Идешь в обход?

— Нет, мы — через скалы! Так что будем ждать вас на финише.

— Еще посмотрим, кто кого будет ждать!

— Договорились, — весело откликнулся «Корвет». — Я на связи. Если что — обращайся, пышечка!

Берта тем временем продолжала осторожно продвигаться дальше и дальше. Слева все увереннее захватывало пространство болото, а справа торжественно тянулся горный массив. Серый камень скал красиво перемежался красноватыми кусками лишайника, вольготно размножающегося во влажном воздухе. Острые уступы, уходящие вверх, были величественны и неприступны. Узкая полоска земли вдоль скал, где двигалась Берта, была относительно сухой. А левее сквозь сплетенные ветви деревьев просвечивала зелень тины и ряски.

— Берта, что это? — вдруг воскликнула Лизи.

Впереди над скалами поднималась какая-то странная туча. Она ширилась, клубилась, тянулась вверх и расплывалась в стороны. Гроза? Не похоже. Туман? Но он не может быть таким плотным...

— Эй, пышечка! Внимание! — голос Корвина был тревожным. — Тут какой-то ненормальный сиреной вспугнул колонию серебристых сов. Я чуть не влетел в скалу, когда они вспорхнули у меня под носом. Сейчас они движутся в вашу сторону. Будь осторожна, их очень много.

— Поняла, — ответила Берта. — Спасибо.

Пролететь сквозь птиц не удастся. Они просто пообломают все внешние приборы. Сесть? Куда? Если опуститься на землю, зыбкая почва не даст больше взлететь. Скалы слишком обрывисты и неприступны. Значит, путь один — подняться выше уровня полета птиц.

— Лизи, я иду вверх, — сообщила Берта.

— Скорее, они уже рядом!

Берта начала подниматься. Громадная серо-белая туча из переливающихся перьев, пушистых крыльев стремительно приближалась.

— Успеешь?! — волнуясь, спросила Лизи.

— Пытаюсь!

И она успела. Перевалила за гребень жемчужно-серого потока. Внизу остались переливы серого пуха, мягкие взмахи крыльев. Громадная стая стелилась под крылом, длилась и длилась.

— Какая все-таки красота — эти жемчужные совы, — растроганно вздохнула Лизи, когда внизу заскользили последние оставшиеся птицы.

— Да-а-а... — неопределенно протянула Берта. — Спускаемся?

И тут из-за очередного выступа скалы, раскинув широкие крылья, выскочила громадная птица, видимо, отставшая от остальной стаи.

— Ай! — взвизгнула Лизи.

Берта ясно увидела разинутый в беззвучном угрожающем крике клюв и резко скакнула в сторону. Нападающая летунья промахнулась и отстала, что-то сердито крича им вслед.

— Ура! — возликовала Лизи. — Берта, ты молодец! Ты суперфлаер!

— Да, это я! — гордо подтвердила Берта.

И вдруг почувствовала, что проваливается. Слишком высоко она поднялась, слишком разряженная атмосфера оказалась вокруг. Воздух, бывший раньше таким твердым и надежным, потерял устойчивость, стал рваться под крылом, будто легкая паутина от барахтанья слишком большой мухи. Перепуганная Берта заскользила по крутой горке. Скорость все увеличивалась, наклон становился сильнее, а полет переходил в падение. Она чувствовала, как вибрирует обшивка, как напряжены короткие крылья, как нос, будто к нему был привязан гигантский груз, стремительно рвется к земле.

— Лизи, падаем! — закричала Берта, поняв, что уже не успевает выровняться. — Уходи!

Повинуясь команде Берты, из специального паза выступила кнопка экстренной эвакуации, светящаяся багровым светом.

— Нет! Я тебя не брошу! — замотала головой девушка и вцепилась в подлокотники кресла. — Я с тобой!

«Ах, Лизи! Но ты забыла, что я разумна и могу сама принимать решения...» — подумала Берта, отщелкивая зажимы спасательной капсулы пассажирки. Система безопасности не подвела, и дальше Берта продолжала падать одна. Она будто метеор пронеслась вперед, срезая крыльями тонкие стволы и сбивая ветки и влетела в болотную грязь, которая мягко расступилась, подхватывая маленький флаер.

Прошло порядочно времени. Болотце медленно, но верно затягивало Берту все глубже и глубже, и сейчас над водой торчала только крыша. Еще немного — и тухлая вода с ряской скроет ее полностью. Берта понимала, что найти маленький флаер на громадном болоте, под которым скрыты залежи руды, сбивающие показания поисковых приборов, невозможно. Да и кто будет ее искать? Лизи? Во-первых, Лизи не простит, что Берта ослушалась, а, во-вторых, откуда у девушки деньги на поиски?

Приборы не работали, общение с внешним миром было невозможно, и потому оставалось только думать. Мысли шли по кругу. Они не справились, не выиграли регату. Нет, это она, Берта, не справилась. Подвела Лизи, все испортила. Но Лизи хотя бы осталась жива, а это главное.

Мутная вода с тиной и илом почти перевалила за край люка, когда Берта услышала шум двигателей. Флаер! Совсем рядом! Нужно как-то дать понять, где она находится! Как?! Передатчик не работает. Остальные приборы тоже. Они же улетят! Однако шум, вместо того чтобы отдалиться, приблизился, и Берта почувствовала, что флаер завис прямо над ней. Может быть, это спасатели? Но откуда они взялись?

Сверху выглянул техник, осмотрел люк Берты и пробормотал:

— Кажется, здесь.

«Люди! Они нашли меня! — обрадовалась Берта. — Какое счастье!»

Из висящего флаера, раскручиваясь, полетела веревочная лестница, дотянувшаяся почти до крыши Берты. Вниз, ловко перебирая руками и ногами, спустился человек.

— Осторожнее там, — буркнул второй техник, наблюдавший за происходящим из люка.

— Я стараюсь. — Парень примерился и прыгнул в темноту. — Черт! — ругнулся он, попав в лужу грязи на полу.

— Чего там? — спросил второй. — Не копайся, доставай скорее! Ее и так почти всю затянуло...

— Думаешь, я этого не понял? — злобно отозвался первый, хлюпая грязью в ботинках и осматриваясь. — Ага, вот!

И тут Берта с ужасом поняла, что это совсем не спасатели, а «черные следопыты». Ищут заброшенные машины, потерянные, разрушенные, за-

тонувшие. Вытаскивают и продают. А интеллектуальный блок, который содержит информацию об истинном хозяине, изымают и выбрасывают.

«Не надо!» — мысленно завопила она.

— Нашел? — переспросил между тем ожидающий техник.

— Да. Сейчас достаю, — ответил другой.

Рука потянулась к разъемам, последовал негромкий щелчок, и наступила пустота...

Чувства возвращались медленно и по частям. Сначала появились ощущения. Она в помещении. Потом появился слух. Очень большое помещение — эхо. Где она? Снова в ангаре? Потом появилось зрение. Берта стояла в большом зале. Красивом. Прямо на блестящем паркете. Шторы на окнах. Яркий свет. Что это? Рай для машин?

— Привет, пышечка! — раздался знакомый насмешливый голос. — С пробуждением.

— Корвин?! Ты здесь? — вскинулась Берта и, смущенно поведя крыльями, поняла, что что-то не так. Тело не ее. Вытянутое, легкое, узкие крылья, острый нос...

— Корвин, я, кажется, уже не пышечка... — растерянно пробормотала она, оглядывая себя.

— Знаю, знаю... Тут вообще много всякого произошло. О, тут к тебе, кажется, идут. Я удаляюсь до лучших времен.

— Корвин, подожди! — попыталась остановить его Берта.

И тут широкие двери распахнулись, и в зал вбежала Элизабет.

— Очнулась, наконец! Как ты?

— Лизи! Где я? Что случилось? И откуда у меня это? — Берта повела блестящими ярко-красными крыльями.

— Все хорошо, все просто замечательно, ты только не волнуйся. Тебе подобрали новое тело. Нравится?

— Да-а-а... Очень, — запинаясь произнесла Берта. — Но как?..

— Давай по порядку. Так получилось, что спасательная капсула ударилась о скалы...

— Ой, прости!

— Нет, ничего страшного! Ведь из-за этого я познакомилась с Эриком. Его флаер, синий «Корвет», подал сигнал о твоём крушении, Эрик прервал регату и первым оказался у капсулы. Помог мне выбраться, отвез в больницу... Он такой замечательный, он просто чудо! А если бы не авария, то мы бы так никогда и не встретились. Так что все благодаря тебе! И еще... — Лизи покраснела. — Он сделал мне предложение, и я ответила ему «да». Так что скоро у нас свадьба...

— Что?! А как же Арчи?

— Да за то, что ты из-за него чуть не погибла, я готова убить его собственными руками! Представляешь, это он вспугнул сов. Специально, чтобы сбить других участников. Его дисквалифицировали за неспортивное поведение. И правильно!

— О! — только и смогла выговорить Берта.

— А еще, Берта, прости меня... я знаю, ты не хотела... — Лизи смущенно поковыряла пол ногой и вдруг скороговоркой выпалила: — Я сказала, что ты разумна! — Видимо, фары Берты так округлились от ужаса, что Лизи замахала руками: — Берта! Не пугайся! Ведь тебя нужно было найти. И мы с Эриком пошли к мистеру Синкли...

— К кому?

— Эрик — профессиональный гонщик в «Синкли Индастриз». И он посоветовал сказать о тебе владельцу компании. Мистер Синкли был просто в восторге! Он оплатил экспедицию по твоим поискам, но оказалось, что корпус слишком сильно засел в болоте. Потому и сняли только интеллектуальный блок. Иначе было никак. Но ты ведь все равно хотела иметь другое тело. Вот я и выбрала. Мы с Эриком выбрали. Пересмотрели все эскизы, обговорили детали с дизайнерами... Тебе нравится?

— Ну да... наверное... Это все очень неожиданно, Лизи... Надо прийти в себя...

— Так приходи скорее! Потому что все только тебя и ждут.

— Кто?

— Все. Репортеры, ученые, техники...

— Да они же меня по винтику разберут!!!

— Нет! Они тебя не тронут! Они мечтают с тобой познакомиться. С тобой настоящей. Можно им войти, Берта? Пожалуйста!

— Не знаю...

— Тогда я их позову, — воскликнула Элизабет и бросилась к двери.

— Лизи!..

Поздно. Толпа, хлынувшая в помещение, окружила, обступила Берту. Телекамеры, вспышки, микрофоны и вопросы хором.

— Вот, наконец, свершилось! — бубнил рядом какой-то репортер. — Искусственный интеллект! Это то, что все так давно ждали! И пусть пока мы знаем единственного представителя этого разума, но есть надежда, что общий прорыв не за горами...

И тогда Берта решилась.

— Вообще-то... Я хотела сказать... — смущенно начала она, и все вокруг почтительно замолчали. — Я не первая. И не единственная. — Оглядела ошеломленные лица и просительно добавила: — Вы только не волнуйтесь! Мы вас очень любим. □

Владимир Братченко

РУССКАЯ ПРИНЦЕССА королевства Сиам



Всем известно, что еще с давних времен юные невесты на всем белом свете мечтали о сказочном принце, белокуром и высоком, сильном и красивом, который на белом коне увезет их в тридевятое царство,

тридцатое государство, где будут они долго и счастливо жить в любви и согласии в волшебном замке. Об этом написано много сказок и пьес и снят не один фильм. Конечно, в наше время в подобные сказки не верят даже самые наивные девушки. Жизнь учит, что прибытия принца можно ждать годами, но так и не дожидаться. Тем более что на земле их осталось очень ограниченное количество. Тем не менее, иногда, правда, очень редко, были случаи, когда мечта сбывалась, и самая обыкновенная девушка-бесприданница встречала самого настоящего принца и самым невероятным способом выходила за него замуж. Именно о такой истории, случившейся с простой русской девушкой, да к тому же еще и сиротой, которая ни о каких принцах совершенно не помышляла, и пойдет наш рассказ.



Перенесемся мысленно в позапрошлый XIX век. В марте 1891 года наследник российского престола Николай Александрович, совершая большое заграничное путешествие на фрегате «Память Азова», прибыл в столицу Сиам (ныне Таиланд) Бангкок. Здесь он в течение недели был гостем короля этой страны Рама V. Королевство Сиам в то время было одним из самых могущественных государств Азии. В его состав входили современный Таиланд, Лос, Камбоджа и часть Малайзии. Король оказал Николаю очень теплый прием, наградил его орденом и вручил ценные подарки. Через шесть лет Рама V прибыл в Санкт-Петербург с ответным визитом. Николай II, к тому времени уже император России, также оказал ему всяческие почести, более того, предложил ему отправиться на учебу в Петербург одного из своих сыновей. Король с благо-

дарностью принял это неожиданное предложение. Выбор Рама V пал на его любимого сына принца Чакрабона, который в это время учился в Великобритании. Там ему заблаговременно стал преподавать русский язык и первоначальные знания об истории и культуре российского государства историк Павел Ардашев. И вот, в 1898 году пятнадцатилетний милловидный юноша с восточными чертами лица прибыл в Петербург, где его зачислили курсантом в Пажеский корпус — самое привилегированное учебное заведение России. Молодой принц оказался доброжелательным, открытым и, вообще, замечательным парнем. В Пажеском корпусе он проучился четыре года и был лучшим учеником, чему способствовали его природные способности, тяга к знаниям и усидчивость. Принц разумно сочетал занятия с развлечениями, быстро осво-

ился в столице, приобрел много друзей, которые стали брать его на различные светские балы и молодежные вечеринки. Хозяйки светских салонов считали за честь приглашать принца на свои приемы. На одном из таких раутов он и познакомился с симпатичной рыжеволосой девушкой по имени Катя Десницкая.

В то время Кате было 18 лет, однако на ее долю уже выпало немало

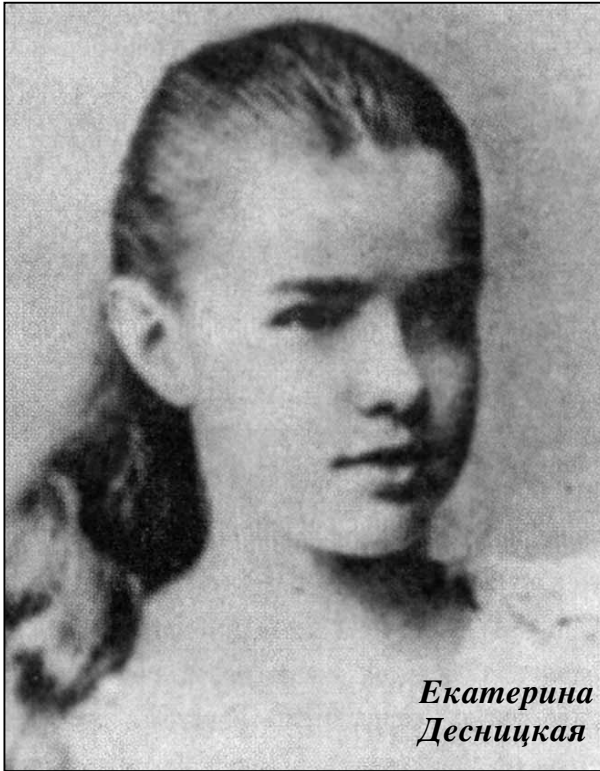
седатель Луцкого окружного суда, Иван Степанович Десницкий, скоропостижно скончался, оставив семью в плачевном финансовом положении. А ее мать, Мария Михайловна, получив поддержку от детей (а их было немало: двое детей от первого мужа, пятеро от первого брака Ивана Десницкого, а также еще двое детей, Ваня и Катя, родившихся в браке с Десницким), вместе с Ваней и Катей покинула Луцк и переехала



*Рима V
и Николай II*

испытаний. Она родилась 27 апреля 1886 года в обедневшей дворянской семье в небольшом городке Луцк на западе Украины. Через два года после ее рождения отец Кати, пред-

в Киев. Здесь Катя в течение шести лет обучалась в престижной Фундуклеевской женской гимназии и уже прекрасно владела английским, немецким, французским и польским



*Екатерина
Десницкая*

к нему в столицу. Здесь брат и сестра снимали скромную квартиру у дальней родственницы. Остаться без дела Катя не привыкла и, посоветовавшись с братом, поступила на курсы сестер милосердия. В молодости время быстро залечивает раны, жизнь продолжалась, Катя начала ходить в гости к подругам, вместе с братом посещать веселые студенческие балы и компании. А однажды подруга «затащила» ее на один из вечеров, который устраивала одна известная в столице светская дама. Здесь, по воле судьбы, и произошла встреча молодых людей. Русская девушка из провинциального Луцка

Миловидный 15-летний юноша, принц королевства Сиам, прибыл в Петербург и его зачислили курсантом в Пажеский корпус. Он быстро освоился в столице, и хозяйки светских салонов считали за честь пригласить принца на свои приемы. На одном из них он и познакомился с симпатичной рыжеволосой девушкой Катей Десницкой



языками. Ваня был на два года старше, он мечтал стать дипломатом и отправился в Петербург, где был зачислен в университет. Когда Кате исполнилось 17 лет, неожиданно умерла Мария Михайловна, и девушка оказалась круглой сиротой. Самым близким человеком и опорой для нее стал любимый брат Ваня. Заняв у родственников небольшую сумму денег на дорогу, она отправилась

практически сразу и бесповоротно «сразила» заморского принца. Отношения стали стремительно развиваться, и вскоре принц принял твердое решение связать свою судьбу с Катей Десницкой. Однако разразившаяся русско-японская война на какое-то время разлучила влюбленных. Катя, не раздумывая, отправилась на фронт медсестрой. Принц умолял девушку остаться в Петер-

бурге, но она не изменила своего решения.

Тем временем принц Чакрабон блестяще, первым по списку, окончил Пажеский корпус и стал русским гусарским офицером. Некоторое время он стажировался в гусарском полку, затем продолжил учебу в Академии Генерального штаба, по окончании которой получил звание полковника царской армии. Чтобы быть вместе с любимой, он написал прошение в Генштаб с просьбой отправить его на фронт. Но из соображений безопасности ему было отказано. Он непрерывно посылал Кате письма и телеграммы, полные нежности и любви, помогая ей справляться с трудностями и опасностями воинской службы. «Мне никто не нужен, кроме тебя. Если бы ты была со мной, все было бы прекрасно, и ничто не могло бы омрачить моего счастья. Так и знай — я не вернусь домой, пока ты не станешь моей». Весть о необычайной любовной истории, достигнув Киева, вызвала у родственников и друзей Екатерины переполох и бурные споры. Многие не одобряли эту связь. Провинциальные предрассудки были очень сильны, и загадочный принц, с азиатской внешностью, из далекой страны, с чуждой религией, вызывал подозрение. Но Екатерина была непреклонна. Она писала брату: «Дорогой Ваня, если бы ты знал, что это за прекрасная, честная, добрая личность. Конечно, многие, говоря о моем замужестве, упоминают только о богат-



*Принц
Чакрабон*

стве и роскоши, а о счастья молчат, но я скажу, что больше любить, понимать и уважать друг друга невозможно. Так люблю его, как даже и не думала». С фронта Катя вернулась с двумя медалями и Георгиевским крестом. Чакрабон сразу же предложил ей выйти за него замуж. Однако возникло неожиданное препятствие: император Николай II, опекавший принца, в категорической форме запретил ему жениться на россиянке, опасаясь, что это омрачит его дружбу



с Рамой V и даже приведет к политическим осложнениям. Молодые влюбленные были вынуждены скрытно покинуть Петербург и отправиться в Константинополь. Здесь в 1906 году они обвенчались в греческой церкви Святой Троицы по православному обряду. Это означало, что принц ради любви к Кате отказывался от многоженства и что Екатерина будет его единственной женой. Таким образом, Екатерина «де-факто» стала принцессой королевства Сиам. Медовый месяц они провели в Египте. Потом Катя и Лек, так Катя стала называть принца (по-тайски «лек» означает «малыш»), отправились в Сингапур, поближе к королевству. Оставив здесь молодую жену, принц

уехал в Бангкок, чтобы подготовить королевскую семью к встрече с новой принцессой. Ему предстояло преодолеть многовековую традицию, которая обязывала сиамских принцев брать в жены девушек только из обширной королевской родни. Три недели Катя с тревогой ожидала возвращения молодого супруга. Она писала брату Ивану, который, оставив пост советника посольства в Пекинской миссии, проживал в Шанхае: «В Сиаме мне будет ужасно трудно. Моя жизнь была слишком простая, чтобы я могла быстро приспособиться к такой перемене. Теперь, когда я стала больше понимать, будущее уже не видится мне в розовом цвете». Тем временем, благодаря вездесущей светской хронике, новость о невероятном браке принца Сиам докатилась до Бангкока. Возвратившийся из Сингапура принц привез неутешительные вести. Родители категорически отказывались признавать их брак, лишали его права быть наследником престола, значительно сократили расходы на его содержание и назначали на унижительный для члена королевской семьи пост начальника военного училища.

В Бангкоке Лек и Екатерина поселились во дворце Парускаван. Чакрабон публично отказался от своих прав на трон, лишь бы их с Катей оставили в покое. Королевская семья и вся столичная знать их игнорировали, вынудив молодоженов вести замкнутую жизнь. Дворец был окру-



В Бангкоке Чакрабон и Екатерина поселились во дворце Парускаван. Королевская семья и вся столичная знать игнорировали их, вынудив молодоженов вести замкнутую жизнь. Чакрабон даже публично отказался от своих прав на престол, лишь бы их с Катей оставили в покое



жен большим садом, в котором принцесса разводила цветы.

Сказочные королевские дворцы, нефритовые пагоды, изумрудные Будды, все это было не для нее. Единственный человек, который поддерживал молодую пару, был старший брат Чакрабона принц Вачиравуд. Он посоветовал Екатерине в сложивших-

ся непростых обстоятельствах следовать сямской поговорке: «В городе, где все подмигивают, ты тоже должна подмигивать». Екатерина ответила, что у русских тоже есть не менее мудрая поговорка: «Терпенье и труд все перетрут». Она стала внимательно присматриваться к стилю жизни королевского двора, изучать



местные обычаи и настойчиво учить тайский язык. Результаты ее усилий сказались уже через год: добрые отношения с королевской семьей, и в первую очередь с королевой, стали налаживаться. Первый шаг, чисто по-женски, сделала свекровь: она попросила Чакрабона сообщить невестке, что хотела бы видеть ее не в европейской одежде, а в блузе и брюках, как одеваются сиамские женщины. Екатерина продолжила тонкую восточную игру и попросила у королевы совета в подборе необходимых тканей. В ответ королева прислала ей несколько красивых традиционных костюмов, а потом и сама прибыла к ней во дворец, дав тем самым понять, что признает Екатерину женой своего сына. 28 марта 1908 года в семье молодоженов произошло счастливое событие — родился прелестный мальчик. Ему да-

ли имя Чула. Возникшая любовь королевы к внуку, казалось, не имела границ. Она нянчилась с ним с утра до вечера и даже брала его на ночь к себе в спальню. Когда мальчику исполнилось два года, его привели к королю Раме. Дедушка, убедившись, что, в облике малыша отсутствуют европейские черты, был вполне счастлив. Однако общение с полюбившимся внуком было не долгим: через два года Рама V, в возрасте 58 лет, скончался. А познакомиться со своей невесткой Екатериной у него времени так и не нашлось. (Стоит сказать, что король слыл в Европе мудрым реформатором, а в России его сравнивали даже с Петром I. Перед самой смертью он решился на поистине революционный шаг — отменил один из самых древних законов Сиама о многоженстве, заменив его законом о едино-

брачии. Между тем, сам он имел четырех жен, много наложниц, а Чакрабон, по самым приблизительным подсчетам, был у него сороковым ребенком!)

После смерти Рама V королем Сиама стал старший брат Чакрабона Вачиравуд под именем Рама VI. Поскольку у него не было детей, наследником престола он провозгласил принца Чакрабона. Чула также стал королевским принцем, а Екатерина получила титул герцогини Питсанулок, и таким образом ее брак с принцем был признан официально. Опала Чакрабона прекратилась. Тяжелые времена для них закончились. Их стали приглашать в самые знатные дома Бангкока, они сами устраивали в своем дворце званые обеды, стали посещать дипломатические



приемы и другие официальные мероприятия.

На берегу Сиамского залива, у самой кромки моря, подальше от

Сверху:
*Дворец
принца
в Бангкоке*

*Сын
Екатерины
и Чакрабона —
принц Чула
Чакрабон*





Будду. И, конечно, он был частым гостем Екатерины и Лека. (С тех пор страна стала обладательницей богатейшей и бесценной коллекции изделий Фаберже). У Чакрабона дела пошли в гору. Он занял пост начальника генерального штаба сямской армии. Знания, приобретенные в Академии генерального штаба России, не пропали даром. Он активно занялся модернизацией сямской армии по российскому образцу. Была создана национальная военная академия, парадная форма для кавалерийских войск была скопирована с русской кавалергардской формы. Чакрабон был инициатором создания

В 1911 году супруги побывали в Европе, посетили и Россию. В Петербурге принц был принят императором Николаем II, который объявил ему о присвоении звания генерала от кавалерии. Катю на прием не пригласили, поскольку Николай так и не признал их морганатический брак, но она не сильно переживала по этому поводу



слишком активной опеки королевы, супруги по собственному проекту построили новый дом. Туда к ним в гости заезжали известные музыканты, художники и другие путешествующие знаменитости. В 1908 году, по приглашению короля, в Сиаме продолжительное время жил и работал знаменитый мастер Николай Фаберже, который, как гласит легенда, изготовил для Бангкока изумрудного

в Сиаме собственных военно-воздушных сил. В порт Бангкока стали заходить российские корабли и торговые суда. 16 ноября 1911 года с официальным визитом для участия в торжествах по случаю коронации короля Сиам Рамы VI на тогда еще не легендарном крейсере «Аврора» прибыла русская делегация во главе с великим князем Борисом Владимировичем. Екатерина с мужем

Слева:
Чавалит

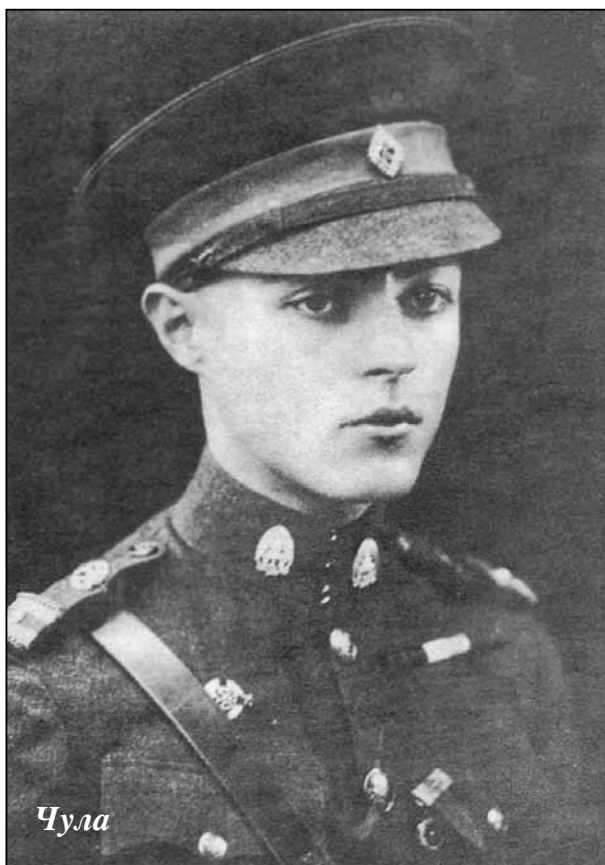


в своем дворце устроили грандиозный прием для всего личного состава корабля.

В 1911 году супруги побывали в Европе, посетили и Россию. В Петербурге принц Чакрабон был принят императором Николаем II, который объявил ему о присвоении звания генерала от кавалерии. Катю на прием не пригласили, так как это было бы нарушением придворного

этикета, поскольку царь так и не признал их мorganатический брак. Катя не сильно переживала по этому поводу, для нее было гораздо важнее побывать в родном Киеве.

Этот год был, пожалуй, самым счастливым в их семейной жизни. Казалось, все трудности остались позади. Но на смену пришли другие проблемы. Путешествие неблагоприятно сказалось на здоровье Екате-



вать тайский тропический климат. Чтобы поправить ее здоровье, супруг принял довольно странное решение: в 1918 году отправил ее в Японию и Канаду.

Получая письма от мужа, Екатерина неожиданно почувствовала, что у нее появилась соперница, юная племянница Чакрабона, веселая и беззаботная принцесса Чавалит. Лек уверял, что между ними ничего серьезного нет, что Чавалит еще совсем ребенок. Но это было не так. Екатерина поняла, что над ее счастливой семейной жизнью нависла серьезная угроза. Она отвечала мужу: «Я хочу всего-навсего сказать, что, как ни стараюсь, не могу понять твоих чувств одновременно к прин-

Екатерина узнала, что у нее появилась соперница — веселая и беззаботная принцесса Чавалит. Чакрабон даже собирался сделать ее второй любимой женой. Не пожелав терпеть такое унижение, Екатерина неожиданно уехала в Шанхай к брату Ивану, а через месяц получила от мужа сообщение о разводе. Брак, длившийся 13 лет, распался



рины. По приезде в Бангкок она начала жаловаться на плохое самочувствие, стала избегать светских приемов и развлечений. Ее постоянно преследовали приступы ностальгии по родине, а разразившиеся в России революционные события еще больше усилили ее болезненное состояние, к тому же стал изматы-

цессе и ко мне. Где правда? У меня разрывается сердце, как подумаю, что ты хочешь жить иначе... Думай обо мне как о больном человеке, что ты единственное его лекарство... Лек, ты так мучаешь меня всем этим». Она вернулась в Бангкок и, познакомившись с Чавалит, стала приглашать ее в свой дворец. Втроем они

совершали прогулки и даже ходили в кино, невероятное чудо того времени. В конце концов Екатерина убедилась, что у мужа это было не мимолетное увлечение, а серьезное чувство. Он отказался от православия и задумал сделать юную племянницу своей второй, такой же, как и Екатерина, любимой женой. Несмотря на то, что его отец издал закон о запрете многоженства, из реальной жизни полигамия не исчезла. Чакрабон предпочел вернуться к вероучению Будды, которое многоженству не препятствует.

Екатерина категорически отвергла предложение мужа и настаивала, чтобы он сделал окончательный выбор, остался с одной из них. Лек рывался между двумя любимыми женщинами. И тогда Екатерина, не пожелав далее терпеть такое унижительное положение, даже не попрощавшись с сыном, неожиданно уехала из Бангкока в Шанхай к брату Ивану. В Россию, охваченную гражданской войной, она ехать не решилась. Через месяц Катя получила от Чакрабона сообщение о разводе. Брак, длившийся 13 лет, распался. Сына Кате не отдали, да она и не настаивала на этом, так как уезжала в неизвестную страну с неясными перспективами своей будущей жизни. Чавалит стала гражданской женой Чакрабона, так как король Рама VI не дал согласия на этот брак. Обиженный и униженный, Чакрабон решил наказать Екатерину и лишить ее наследства. Но король и тут не по-

зволил ему совершить такую несправедливость и распорядился поделить имущество между Екатериной, Чулой и молодой гражданской женой принца.

В Шанхае уже существовало большое русское землячество. Екатерина, давно мечтавшая заняться каким-нибудь полезным делом, немедленно включилась в работу благотворительных обществ, помогая русским эмигрантам в их нелегкой жизни. А спустя год ей пришлось поехать в Сиам, чтобы участвовать

Со вторым мужем Гарри Стоуном



в похоронах своего бывшего мужа. Ей рассказали, что виновницей смерти Лека считают Чавалит. Больного гриппом, она уговорила принца совершить морскую прогулку на яхте. Погода была дождливая и промозглая, у него открылось воспаление легких, причем в такой сильной форме, что через два дня он скоропостижно скончался. Принцу было всего 37 лет. А вскоре, в возрасте 33 лет, умерла и принцесса Чавалит. Екатерина вернулась к брату в Шанхай, где через два года ее настиг очередной удар судьбы: скончался любимый брат Иван.

В Шанхае в Екатерину безумно влюбился американский инженер, миллионер Гарри Стоун. Он сделал ей предложение, и после свадьбы молодожены уехали во Францию, где Чула в Париже купил для них дом.

В 1925 году умер дядя Чулы король Рама VII, но Чула так и не стал королем. После смерти дяди его отправили на учебу в Англию. Там юноша серьезно увлекся мотоспортом и, в конце концов, стал профессиональным гонщиком. В 1938 году он женился на англичанке Элизабет Хантер. У них родилась дочь Нариса, которая в 1995 году опубликовала документальную повесть «Катя и принц Сиама».

Мать и сын всю жизнь вели нежную переписку. Екатерина Ивановна просила прощения у Чулы за то, что невольно сделала его сиротой, и старалась объяснить ему, какие обстоятельства привели к их разлуке. Чула

успокаивал ее и ни в чем не винил. Об отце Чулы Екатерина вспоминала с неизменной любовью и уважением. А вот брак с Гарри Стоуном, как она признавалась, счастья ей не принес. Екатерина Ивановна Десницкая, русская принцесса королевства Сиам, скончалась в Париже 3 января 1960 года и похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Чула Чакрабон скончался через три года после ее смерти.

Писатель Константин Паустовский в своей повести «Далекие годы» создал сказочный ореол вокруг этой счастливой и одновременно печальной истории любви Кати Десницкой и принца Чакрабона. Вот, например, как удивительно красочно, как будто сам видел собственными глазами, Константин Георгиевич описывает могилу Екатерины Десницкой. «На могиле ее король поставил памятник. Высокий слон из черного мрамора с золотой короной на голове стоял печально, опустив хобот в густой траве, доходившей ему до колен. Под этой травой лежала Катюша Весницкая (такую фамилию Паустовский дал Кате в своей повести), королева Сиама».

Однако напрасно российские туристы, отправляющиеся на отдых в эту «страну улыбок», будут там искать могилу Екатерины. Такой могилы в Таиланде не существует, да и королевой Сиама Катя не стала, хотя и была в одном шаге от того, чтобы стать таковой. □

Т

Ирина Опимах

ропинин



*В.А. Тропинин.
Автопортрет*



и Наталья Зубова (Суворочка)



В Третьяковской галерее собрана замечательная коллекция картин Василия Тропинина. Все эти работы — подлинная классика русского искусства. Тут и известнейшие портреты Карамзина и Брюллова, знаменитая «Кружевница», другие блестящие полотна. Среди них — и портрет Натальи Александровны Зубовой, любимой дочери великого полководца Александра Суворова. Эта небольшая картина — 89х69,5 см — поражает и своими красками, и выразительностью, и самой личностью модели, характер которой прекрасно передан художником на холсте.

В начале 1830-х годов Василий Тропинин считался в Москве самым лучшим художником, причем особенно ему удавались портреты. И дейст-

вительно — кто еще мог так хорошо передать сходство с портретируемым, показать на картине его характер! На заказ у иностранного художника, какого-нибудь итальянца или француза, денег хватало не всегда, а с Тропининым можно было договориться. Все же свой! Недаром к нему выстраивалась очередь богатых и не очень богатых москвичей, жаждавших украсить интерьеры своего дома картиной, написанной кистью Василия Тропинина.

А ведь не так давно этот художник был крепостным и совершенно бесправным человеком — он обрел свободу лишь в 47 лет! — и даже представить не мог, что когда-нибудь будет вхож в самые богатые и аристократичные дома второй столицы России, Москвы.



Василий Андреевич Тропинин родился 19 марта 1776 года в селе Карпово Новгородской губернии. Его отец, Андрей Иванович Тропинин, хоть и был крепостным графа Антона Сергеевича Миниха, пользовался уважением хозяина — занимал высокие посты в сельской иерархии: был старостой, затем управляющим. Он отличался честностью и преданностью графу, а потому заслужил вольную, однако все его дети оставались крепостными — на них милость графа не распространялась. Когда дочь Миниха вышла замуж, отец подарил ей и ее мужу, генералу и тоже графу Ираклию Моркову, Карпово со всеми его обитателями. Так Тропинины стали собственностью Моркова.

Уже в детстве Василий Тропинин забавлял господских детей своими рисунками. Обращали на них внимание и взрослые члены семейства

Морковых. Но увидеть в мальчике настоящий талант — это было им не под силу. В крепостном — талант? Нелепица! Да и какая польза может быть от этих рисуночков Васьки Тропинина! А потому в начале 1790-х годов Морков отправил Тропинина в Петербург учиться кондитерскому делу — вот в этом какой-то смысл есть, полагал граф.

Но от кулинарных уроков оставалось время, и Тропинин бегал в Академию художеств, изучал там анатомию и копировал гравюры. Узнав об этом, двоюродный брат Ираклия Моркова Алексей за свой счет в 1799 году определил Тропинина в студенты академии. И это было настоящее счастье! Талантливого студента заметили, его работы побеждали на конкурсах, а в 1804 году о нем заговорила сама императрица Мария Федоровна — на выставке того года картина «Мальчик, тоскующий об умершей своей



Портрет графини Натальи Александровны Зубовой

птичке» произвела яркое впечатление на всех, кто ее увидел, и на императрицу тоже. Тропинина назвали «русским Грезом», а президент ака-

демии А.С. Строганов принялся, было, хлопотать об освобождении Тропинина, но ничего сделать не сумел — по приказанию хозяина Ва-



*«Мальчик,
тоскующий
об умершей
своей птичке»*

Справа:
«Кружевница»

силей был вынужден покинуть Петербург и срочно ехать на Украину, в новое имение Морковых Кукавку. Здесь ему пришлось быть лакеем, ну и кондитером — не зря же он учился кулинарному делу в столице. А в часы досуга разрешалось делать копии картин известных западноевропейских художников (обладание рабами совсем не мешало графу ощущать себя европейцем и ценить европейскую живопись), портретировать членов семьи своих хозяев,

а также расписывать местную церковь.

Но то время в Кукавке не прошло даром для художника — здесь он встретил Анну Катину, милую молодую женщину, и влюбился в нее, а она ответила ему взаимностью. И только одно обстоятельство омрачало их будущую жизнь — Анна была свободной, а Тропинин — крепостным, и по российским тогдашним законам, если Анна выходила за него замуж, она тоже становилась крепостной. И все



же девушка решилась на это — потерять свою свободу ради любви! Вскоре после свадьбы Тропинин написал портрет своей Аннушки, и в нем — вся его любовь, вся его благодарность, все его счастье быть рядом с любимой... Жили они дружно и мирно, и уже в 1809 году Анна подарила художнику сына. Назвали мальчика Арсением.

В 1821 году Тропинин вместе с семьей Морковых переселился в Москву. Он уже имел определенную из-

вестность как способный художник, о нем даже писали в журналах. Так, в «Отечественных записках» можно было прочесть: «Тропинин, крепостной человек графа Моркова. Он также учился в Академии художеств и имеет счастливое дарование и склонность к живописи. Колорит его похож на Тицианов».

Критики хвалили его за работу с цветом, за композицию, за прекрасные портреты. Но при этом не забывали, что он — крепостной. И вот

уже стали слышны голоса, требующие дать вольную художнику. Друг Тропинина Михаил Дмитриев даже обещал Моркову простить карточный долг, если тот освободит художника. Но Морков не спешил принимать такое решение, и Тропинин получил вольную только в 1823 году, причем семья его оставалась собственностью графа. В сентябре того же года Тропинин написал письмо в академию, в котором просил присвоить ему звание художника, и очень скоро ему присвоили звание «назначенного в академики» за картины «Кружевница», «Старик нищий» и «Портрет художника Скотникова». А осенью 1824 года он получил и звание академика.

Тропинину всегда нравилась Москва — здесь у него были свои почитатели, здесь ему хорошо работалось. И с 1824 года он уже навсегда поселяется в Москве, в доме Писаревой на Ленивке близ Большого Каменного моста. В этом доме прошли более 30 лет его жизни, наполненной трудом, творчеством и любовью к людям. Основным направлением в его творчестве становится портрет. В заказах недостатка не было, и с каждым портретом слава его росла.

Однажды ему поступил новый заказ — написать портрет графини Натальи Александровны Зубовой, дочери знаменитого полководца Суворова. Графиня была яркой личностью, и жизнь ее была далеко незаурядной. Портрет получился удачный, выразительный (многие критики считают, что портрет графини

Зубовой — одна из лучших работ того времени), под стать Наталье Александровне.

Родилась Наталья Александровна в 1775 году. Отец очень любил Наташу, хотя по причине военной службы мог общаться с ней нечасто. Как и многие девушки ее круга, она была определена в Смольный институт благородных девиц. Отец и дочь, даже не видясь, поддерживали близкие отношения и частенько писали друг другу письма, причем порой в стихах. «*Душа моя, голубушка, любезная, милая, Суворочка*» — так называл в письмах суровый полководец свою любимую дочь.

После Смольного Наталью назначили фрейлиной к императрице. Ей пришлось жить при дворце, но отец, опасаясь тамошних легких нравов, с разрешения императрицы поселил дочь в своем петербургском особняке, под надзором родственников.

Суворов очень хотел удачно выдать свою Суворочку замуж, но ему никак это не удавалось. Несмотря на множество претендентов, найти достойного жениха для его девочки было нелегко. Наконец он решил — его зятем станет граф Филипп фон Эльмпт, сын генерал-аншефа И.К. фон Эльмпта.

Но молодой Эльмпт не нравился Наташе — и вообще он был лютеранин! Однако Суворов настаивал.

У императрицы же были свои соображения на то, кто должен стать мужем юной Суворовой. Ей хотелось возвысить и упрочить положение своих фаворитов — графов



Портрет жены художника — Анны Катиной

Зубовых, а потому она предложила в зятя Суворову графа Николая Зубова. Зубов посватался к Наташе и получил согласие. В феврале 1795 года в Таврическом дворце состоялось торжественное обручение, а 29 апреля — свадьба.

Сам Суворов был совсем не в восторге от нового родственника. Наверное, он хорошо разобрался в лю-

дях и чувствовал — с Зубовым его Суворочка счастлива не будет. И оказался прав — Наталья Александровна была хорошей, верной, преданной женой, а вот ее муж — грубым мужланом, любителем хорошенько выпить. Его мало что интересовало в жизни, одна лишь охота увлекала по-настоящему. Понятное дело, отношения с зятем у Суворова



*Портрет
К.П. Брюллова*

не складывались — слишком разные они были люди. Однако все эти обстоятельства нисколько не отразились на его чувствах к дочери, и она тоже продолжала любить отца, как и до замужества, никогда не теряла связь с ним, а когда ему было трудно, в период павловской опалы, навещала отца в его имении Кончанское.

В 1800 году Суворов умер. Все его имения, бриллианты и деньги по завещанию достались Наталье. Она стала богатой и независимой. В 1801 году ее супруг Зубов участвовал

в заговоре с целью убийства императора Павла I. После этих драматических событий Наталья Александровна решила переехать подальше от двора в Москву и пожить отдельно. В августе 1805 года она овдовела и стала еще богаче — в ее состояние теперь входили деревни в Петербургской, Московской, Владимирской, Казанской, Оренбургской губерниях с почти 10 тысячами крепостных.

Теперь смыслом всей ее жизни стало воспитание шестерых детей. Графиня Зубова, Суворочка, жила скромно в Москве в собственном до-

ме на Тверской улице, особо не участвуя в светской жизни. Несмотря на богатство, растила своих детей без особой роскоши и излишеств. В 1810-х годах сыновья ее были зачислены в Пажеский корпус, а дочери остались при матери. Зимой москвичи могли видеть, как три дочери графини Зубовой сами разгребали у себя во дворе лопатами снег.

Рассказывают, когда в 1812 году французская армия подошла к Москве, Наталья Александровна с детьми не успела уехать из города, ее обоз и она сама были задержаны французами. Узнав, что перед ними дочь великого полководца Суворова, французы пропустили ее с детьми через фронт, отдав при этом воинские почести.

В 1831 году император Николай I пожаловал Наталье Александровне орден Святой Екатерины меньшего креста.

И вот такая дама в 1834 году пожелала увековечить свой образ на картине. Для этого, конечно же, пригласили первого в Москве портретиста Василия Тропинина. Сеансы длились долго, и очень может быть, что Наталья Александровна рассказывала художнику и своему великому отцу, память о котором всегда жила в ее сердце, о том, как непросто ему было жить, как непросто было переживать милость царственных особ и опалу, как непросто было не изменять своим принципам. А художник, возможно, рассказывал графине о том, как тяжело ему было быть крепостным с талантом и желанием заниматься

искусством, как счастлив он был, обретя независимость. И, скорее всего, дочь великого русского полководца, как, наверное, никто из его современников ценившего жизни своих солдат и всегда относившегося к ним по-отцовски, понимала этого талантливого живописца, рожденного крепостным и сумевшего стать одним из лучших художников России.

Но могло быть и совсем иначе. Эта московская барыня, хорошо помнившая, кто ее отец, скорее всего, не могла воспринимать как ровню этого живописца, еще недавно бывшего крепостным. И наверняка диктовала Тропинину, как ему писать ее портрет. Но вот тут он был тверд и принципиален — никто, даже дочь самого Суворова, не смел указывать Василию Андреевичу, как класть краски на холст.

Графине Зубовой уже было немало лет, почти 60, но она привыкла воспринимать себя как красавицу. Она и была красавицей — в молодости. Свидетельство тому — ее портрет 1811 года кисти австрийского художника И.Б. Лампи-старшего, одного из лучших учеников Боровиковского. Там она очаровательна, мила, хороша. Однако прошли годы, и графиня Зубова утратила былую красоту. Но ей очень хотелось, чтобы на тропининском портрете она была так же молода и хороша, как когда-то в юности. Вот как рассказывал сам Тропинин о работе над этим портретом (этот рассказ записан ученицей художника): «Художник должен быть хозяином своего дела.

Нельзя позволять и соглашаться на все требования снимающего с себя портрет. Вот вам пример!» И он показал нам портрет уже очень пожилой женщины, но во всей посадке. В изысканности наряда видно было желание молодиться: мелкие букли украшали ее лоб, огромный бархатный малиновый ток со страусовым белым пером был надет на голову, черное бархатное платье и соболиный палантин, из-под которого была видна шея и руки с разными драгоценными украшениями. «Вот, — сказал Василий Андреевич, — этот портрет остался у меня. Ей хотелось написаться с совершенно открытыми грудью, руками и талией. Я самопроизвольно накинул на нее соболь, чтобы скрыть нравственное безобразие старухи, она рассердилась и не взяла своего портрета, а я не согласился его выпускать из своей мастерской в неприличном виде на посмешище публики».

Так и осталась она на портрете Тропинина — роскошная московская барыня, богато, по тогдашней моде одетая, властная, привыкшая повелевать и подчинять себе людей и обстоятельства. Она прямо смотрит на нас, слегка улыбаясь, но во всей ее позе и выражении лица ощущается властность и уверенность. Истинная дочь великого русского полководца Александра Суворова.

Наталья Александровна умерла в марте 1844 года. Хоронила ее вся Москва, а отпевал сам митрополит Филарет. Похоронили Суворочку в семейной усыпальнице Зубовых

в крипте церкви святого Валериана в Сергиевой пустыни под Петербургом. (К началу XX века в усыпальнице насчитывалось двадцать семь захоронений. Церковь, как и все остальные храмы Сергиевой пустыни, была закрыта в 1919 году. В здании храма разместились мастерские трудовой колонии. В 1923 году были уничтожены все захоронения Зубовых.)

А слава Тропинина между тем росла, и его дом знала вся Москва. Все знаменитости, приезжавшие в Москву, обязательно наносили визит художнику. Особенно полюбил Тропинина Карл Брюллов. «Брюллов, — свидетельствовал Н. Рамазанов, — пораженный в старце необыкновенной ясностью ума, свежей памятью всего бывшего, теплою чувств, живительным взглядом на искусство и удивительным о нем разговором, полюбил Тропинина всей душой и редкий день не навещал его». Двери дома на Ленивке были исписаны автографами — их оставляли те, кому не повезло застать художника дома: «Был Брюллов». «Был Витали». «Был Булахов». «Снова был Брюллов». Художники, писатели, композиторы...

В 1856 году умерла любимая жена художника Анна Ивановна. 50 лет они прожили вместе, деля радости и невзгоды. Горе Тропинина не поддавалось описанию. Наверное, ему было трудно продолжать жить в доме, где столько было связано с Анной Ивановной, и он переехал в небольшой дом в Замоскворечье,

*Наталья
Зубова
в юности.
Портрет
И.Б. Лампи-
старшего*



где сын художника постарался все сделать так, чтобы отцу было уютно и тепло там жить.

Василий Андреевич Тропинин умер 15 мая 1857 года. Похоронили его на Ваганьковском кладбище.

Сегодня русское искусство немислимо без работ Тропинина. «Он вносит простоту и самобытность в свои работы — признак настоящего таланта», — писал известный русский искусствовед, профессор МГУ Н.И. Романов. Хорошо это понимал и Павел Третьяков — недаром в его коллекцию живописи вошло много прекрасных работ Тропинина. В 1865 году он приобрел у И.Я. Родионова и портрет дочери Суворова (картина

попала к Родионову после смерти Тропинина). И сегодня, придя в тропининский зал Третьяковской галереи, мы все можем встретиться с этой замечательной женщиной, графиней Зубовой, Суворочкой, прожившей свою жизнь достойно и честно. И снова оценить великолепное мастерство Василия Андреевича Тропинина, сумевшего пройти нелегкий путь от крепостного графа Миниха до самого главного московского портретиста, чье искусство было высоко оценено современниками и считается классикой сегодня. Художника, сумевшего в своем искусстве как никто другой, показать русский характер, русскую душу. □

Наталья Сомова



Наталья Сомова — прима-балерина Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, заслуженная артистка России. Лауреат международных конкурсов артистов балета, обладатель Почетной грамоты Министерства культуры РФ за большой вклад в развитие культуры, лауреат Молодежной премии «Триумф», лауреат премии «Душа танца». Прекрасной балерине Наталье Сомовой подвластно на сцене любое амплуа...

*«Наш театр —
это мой второй дом»*

Фото из личного архива

— Наталья, какими качествами нужно обладать, чтобы быть артистом с большой буквы? Говорят, что взлететь на пьедестал бывает легко, а удержаться очень сложно...

— Нужно жить тем, что ты делаешь. Нужно любить свое дело и постоянно совершенствоваться, двадцать четыре часа в сутки быть в этом. Нужно трудиться и быть работоспособным.

— Как вы пришли в балет, как все начиналось?

— В детстве я не знала, что такое балет, и родители мои были далеки от артистической среды. Все произошло случайно, я занималась художественной гимнастикой, и нужно было сменить школу. Впервые у

нас, в Краснодаре, тогда набирали пробный класс в специализированную школу, которая и стала потом хореографическим училищем. По окончании хореографического училища была солисткой Краснодарского государственного музыкального театра.

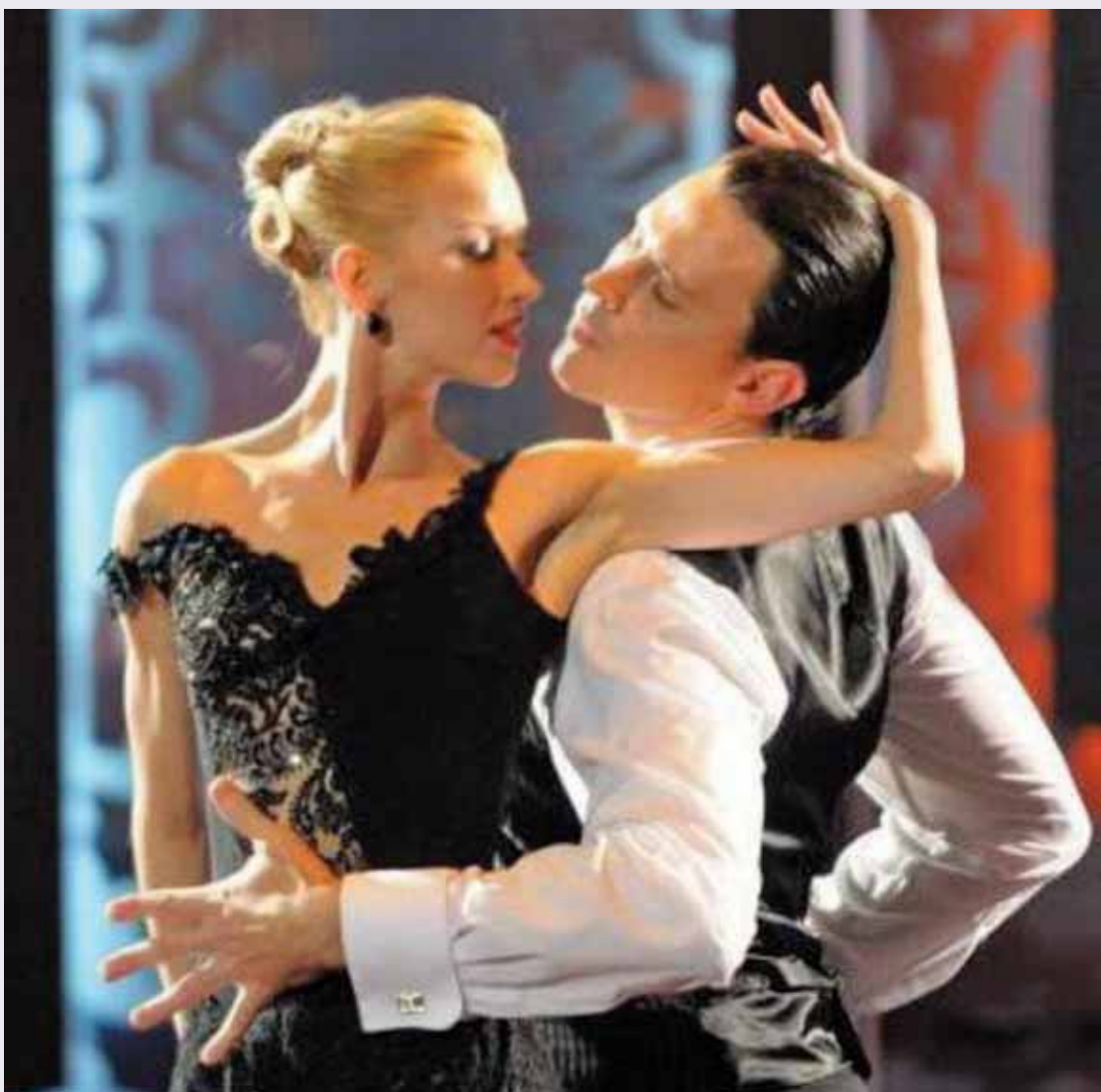


Среди партий, исполненных на сцене этого театра: Аврора, Принцесса Флорина и Фея резвости («Спящая красавица» Чайковского), Китри («Дон Кихот» Минкуса), Анюта («Анюта» Гаврилина), Шехерезада («Тысяча и одна ночь» Амирова), Муза («Паганини» на музыку Рахманинова), Девушка («Призрак розы» на музыку Вебера), Вакханка («Вальпургиева ночь» Гуно), Солистка («Болеро» Равеля).

— Потом вы приехали в Москву и начали работать в Москов-

ском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко?

— Дмитрий Александрович Брянцев, художественный руководитель МАМТ, приезжал к нам в Краснодар и ставил свой балет «Браво, Фигаро!» Работал тогда с нами, местными артистами. Я решила попробовать свои силы, поработать в Москве, и, когда пришла в этот замечательный театр, меня сразу приняли в труппу. Начинала танцевать вариации, сольные партии. Я очень люблю наш театр, это мой второй дом.



Я получала разные приглашения, но никогда не принимала, потому что лучшего театра для меня не существует.

— Кто был вашим первым педагогом в МАМТ?

— Маргарита Сергеевна Дроздова — она мне очень много дала, тщательно работали над техникой исполнения. Сейчас занимаемся с Галиной Николаевной Крапивиной — много внимания уделяем внутреннему содержанию героинь, созданию образа. Дроздова и Крапивина были прима-балеринами нашего театра, прекрасными артистками.

Благодарна всем педагогам и репетиторам, с которыми мне приходилось работать, всем, с кем сводила судьба.

— Есть ли у вас особенно любимая партия?

— Сейчас любая партия, любой выход на сцену — это уже счастье.

Вообще партий любимых много, и все они имеют для меня особое значение, важны в моем творчестве.

Люблю полнометражные, большие спектакли, где больше актерской игры. Спектакли, где можно что-то от себя добавить, немного импровизировать. Мне нравится неоклассика. Хотелось бы станцевать короткие миниатюры.

— Вы блистательно танцуете в балете «Манон» — хореогра-



фия Кеннета Мак Миллана главную партию. «Манон» — сложный балет?

— Если сравнивать с балетом «Дон Кихот», то «Дон Кихот» сложнее физически. В «Манон», безусловно, есть технически сложные моменты, сложные партнерские дуэты, поддержки, но исполнение этого балета не предполагает трюков, фуэте. «Манон» — это актерское вживание в образ на все сто процентов.

— С кем из партнеров вам нравится танцевать на сцене?

— Всех не назовешь, скажу, что у меня всегда хорошие, профессиональные партнеры, с ними удобно и приятно работать.

— С Сергеем Полуниным вы танцевали вместе?

— Да, Полунин был несколько лет премьером в нашем театре. Совместных репетиций было с ним максимум две. В балетном мире знают, что он не любит репетировать. Репетирует Сергей сам, в удобное для него время, как правило, вечером. Однажды нужно было приготовить с ним партию Марии Вечеры, для балета «Майерлинг»: сложные дуэты, поддержки, и получилось так, что с двух, даже, практически, с одной репетиции мы вышли на сцену.

Обычно все всегда складывалось



удачно, даже с одной репетиции, и все спектакли с Сергеем Полуниным были особенными. Всегда на высоте.

— Как начинается ваш день, день балерины?

— С утренних занятий у станка в балетном классе, с тренировок. В нашем деле должен быть постоянный тренинг, чтобы всегда быть в хорошей форме.

— Правда ли, что вы увлекаетесь бальными танцами?

— Очень люблю смотреть, как двигаются танцоры под эту удивительную музыку, сами танцы. Во время самоизоляции, карантина, было много свободного времени, и я ре-





шила попробовать поучаствовать в конкурсе бальных танцев. Мастер-классы в танцевальной студии давали онлайн профессионалы мирового уровня, и я решилась. Отбирали лучших. Отправила свою работу — танец танго, они посмотрели и сказали, что будут со мной работать.

Мне было интересно перенести этот прекрасный танец на балетную технику, станцевать танго на пальцах.

— Наталья, вы — прима-балерина, муж — олимпийский чемпион, фигурист Максим Маринин, а ваши дети пойдут по стопам знаменитых родителей?

— Уже идут. Артемий серьезно и много занимается фигурным катанием, по две тренировки в день, он

*С мужем
Максимом
Марининым
и детьми —
Артемием
и Ульяной*



тренируется в школе ЦСКА. Дочке Ульяне восемь лет, она занимается художественной гимнастикой в школе ЦСКА. Может быть, будет заниматься балетом, я тоже начинала с художественной гимнастики. Ульяна очень любит балет, часто ходит на спектакли к нам в театр, из-за кулис смотрит постановки.

С удовольствием дома она смотрит видеоспектакли — двух- и трехактные — на одном дыхании. Интересно слушать ее мнение, очень наблюдательная девочка, замечает, как артисты по-разному могут делать одно и то же движение, видит особенности исполнения.

— Если не секрет, а как вы познакомились со своим мужем?

— Нас познакомила Елена, наша общая знакомая, она работала с Максимом и у нас в театре. Предложила вместе пойти посмотреть фигурное катание, так и встретились с Максимом. Стали общаться, и с тех пор мы вместе.



— С Максимом Марининым вы участвовали в 2011 году в проекте Первого канала «Болеро», где выступали артисты балета и фигуристы. Вы были единственной супружеской парой и получили серебро проекта, разделив его с Натальей Осиповой и Романом Костомаровым. Участвовало всего восемь пар. Более 20 хореографов приняли участие. Это было вам интересно?

— Конечно, было очень интересно принимать участие в этом необычном танцевальном проекте Ильи Аverbуха. На протяжении нескольких месяцев шли тренировки. Шоу проходило в красивом зале Михайловского театра, в Санкт-Петербурге. С Максимом мы представляли Москву.

— Наталья, вы много бываете на гастролях, путешествуете, а есть ли страна, куда хотелось бы вернуться?

— Это солнечная Италия. Особенная страна с древней культурой, историей, великолепным климатом. Италия сама по себе уникальная, там все поражает — от крошечной деревни до большого города.

— Можно задать вопрос, наверное, странный для балерины — умеете ли вы готовить?

— Не могу сказать, что люблю готовить, но умею и знаю, как это делать. Дети любят мои сырники.

Ресторанную и покупную еду в нашем доме не признают. Привыкли к простой, натуральной еде и максимально полезной. Соусы и майонез мы никогда не употребляем в пищу. Чем натуральнее еда, чем меньше она обработана, тем лучше. Мясо давно не едим, только птицу и кролика, в отварном, запеченном или тушеном виде.

— А сладкое вы себе позволяете?

— Довольно часто. Все балетные, за редким исключением, любят и едят сладкое. Когда ты целый день в театре и нужно продолжать работать, а времени хватает только на перекус, который должен быть легким и калорийным, то сладкое выручает. Скажем, кусочек шоколадки дает силы и улучшает работоспособность.

— Восьмое марта, день весны, всегда отмечался в нашей стране как Международный женский день. Что бы вы пожелали читательницам «Смены»?

— Желаю быть любимыми и любить. Хотелось бы, чтобы все были здоровы. А журналу «Смена» продолжать развиваться и дальше.

Приходите в наш замечательный театр! Без зрителей, без спектаклей мы, артисты, не можем существовать. □

Беседовала
Елена Воробьева

Михаил Смирнов

Сердце матери

Заехав к матери, чтобы достать из кладовой с антресолей банки, я наткнулся в дальнем углу на тяжелую коробку, завернутую в холстину. Взяв банки, прихватил и этот сверток, посмотреть, что в нем находится. Отдал его матери и спросил:

— Слушай, мам, что за клад спрятала ты в кладовке? Я что-то не видел раньше.

— А-а-а, этот? Он остался от бабы Дуси. Я уж, старая, и забыла про него. Много лет он лежит у нас. Я подальше его с глаз убрала, чтобы вы ненароком не сунулись в коробку.

— Какая баба Дуся?

— Ты должен ее помнить. Маленькая такая старушка на первом этаже в угловой квартире жила. Помнишь? Ты еще пацаненком был, когда ее муж умер. Они на фронте поженились, вместе всю войну прошли. Вернулись, сын родился, а вскоре дяди Феде не стало. Фронтовые раны дали знать о себе. Сердце не выдержало — рядом осколок сидел, врачи опасались его удалять. Он сдвинулся, и дядя Федя помер. Сильно горевала баба Дуся, как мы привыкли ее называть. Но назад мужа не вернешь, а сына надо было ставить на ноги. Женька-то был постарше тебя. Вот и пришлось ей не только трудиться на производстве, но и после работы ходила по подъездам, мыла полы. Подрабатывала, чтобы сыну отправить все деньги. Он в институте где-то учился...

— Все, вспомнил, — перебил я мать. — Это же она таскала постоянно ведра с водой по подъездам? У нее была еще привычка угощать малышню со двора конфетами. Точно?

— Да. Ребятишки ее любили. Как увидят, что она вышла из подъезда, так сразу к ней бежали. Знали, что у бабы Дуси всегда есть карамельки в кармане. Тихая была, спокойная, — вздохнула мать.

— А ее сын, Женька, здоровый такой парень, он же в другом городе учился, так?

— Да, уехал.... Как укатил в институт и больше ни разу не появился. А она горбатилась, чтобы там его содержать. После ее смерти я сколько раз писала ему, что мать оставила для него этот сверток на память, а он так ни разу не отозвался, — с горечью в голосе проговорила мать. — Ты же с Пашкой тогда помогал нашим мужикам со двора гроб на машину поднимать. Не забыл?

Я помнил бабу Дусю и ее похороны...

Тихая и незаметная старушка с лицом, иссеченным морщинами. Постоянно в одной и той же юбчонке, латаной кофточке и линялой косынке, а зимой — в старой, побитой молью шали.

Она неустанно, с утра и до вечера, мыла подъезды наших домов. Мороз или снег, дождь или жара, а баба Дуся тащила в очередной подъезд тяжелые ведра с водой. Убирала мусор и отмывала бетонные полы от грязи. И сколько я вспоминал бабу Дусю — она оставалась в моей памяти маленькой, сухонькой старушкой, словно время не касалось ее.

Умерла она в конце марта. Умерла так же тихо и незаметно, как и жила.

Мать, возвращаясь из магазина, зашла к ней, чтобы оставить молоко и хлеб, увидела, что она лежит на диване, будто решила отдохнуть немного от этих проклятых тяжелых ведер, и тихо прошла на кухню. Оставила на столе покупки и хотела уже выйти, чтобы не потревожить бабу Дусю, как вдруг словно что-то почувствовала и подошла к дивану. Свернувшись калачиком, баба Дуся не дышала, а рядом с ней лежал старый, потертый альбом с фотографиями, тетрадный лист и в пальцах была зажата ручка.

Ее хоронили всем двором. Хоронили на собранные соседями деньги. До последней минуты ждали ее сына, хотя он и прислал телеграмму, что приехать не может, и просил соседей, чтобы похороны матери прошли без его участия.

Бабу Дусю хоронили в промозглый, холодный мартовский день. Сильный ветер гнал по небу низкие серые тучи, из которых сыпал то сырой снег, то мелкий, похожий на водяную пыль, дождь. Под ногами чавкало серое, грязное месиво из снега и воды. Дома стояли сырые и мрачные, по окнам, будто слезы, стекал тонкими струйками снег вперемежку с дождем. Казалось, что даже природа проливала слезы, прощаясь с ней...

Женщины в черных платках, мужики с хмурыми лицами заходили в квартиру проститься с бабой Дусей и, выходя, вытирали украдкой покрасневшие глаза. За много лет я первый раз увидел ее в новой, чистой одежде, купленной соседками.

Старушки в темных одеждах читали молитвы. Пахло ладаном, какими-то травами и еще чем-то неуловимым и непонятным тогда для меня. Запахом тлена...

Меня поразило ее лицо. Морщинистое, уставшее от постоянной работы, оно было чистым. Куда-то пропали, разгладились все морщины. Ушло с лица выражение постоянной заботы, и казалось, что она отошла от всех этих мирских дел, хлопот и находится где-то там — далеко от всех нас...

На подъехавшую с открытым кузовом машину осторожно поставили небольшой гроб с легоньким телом бабы Дуси. Дождь, попадая на ее желтовато-восковое личико, стекал по краю глаз тонкими полосками, будто баба Дуся плакала, прощаясь со всеми, уходя в свой последний путь.

Машина медленно поехала по двору, и все соседи тихим шагом пошли за ней, неся в руках венки из искусственных цветов. И лишь на грязном снегу остались лежать живые ярко-красные гвоздики...

— Мам, а можно посмотреть, что в свертке? — попросил я.

— Гляди...

Я осторожно развернул холстину и снял крышку со старой коробки. Потертый альбом с пожелтевшими фотографиями и еще один сверточек. Открыл его и застыл.... Передо мной лежали потускневшие от времени два ордена Славы, орден Красной Звезды, несколько разных медалей, среди которых — «За Отвагу» и «За взятие Берлина». А рядом с ними — старенький открытый конверт и неровно оторванный тетрадный листочек, на котором было написано корявым почерком:

Женечка, сыночек! Я очень прошу тебя, выбери время, приезжай в родной дом. Чувствую, что недолго я проживу. Тебя поскорей бы дождаться, взглянуть, каким ты стал, да обнять в последний раз. Жаль, но оставить на память нечего, лишь альбом, где мы с отцом и ты, маленький, да наши награды. Больше у меня ничего нет, кроме медалей и орденов, что с папкой твоим на войне получили, да наших снимков. Приезжай. Так хочется увидеть тебя в последни...

Письмо оборвалось, оставшись недописанным.... □

Любовь Клеопатры

Алла Зубкова



В их отношениях было все: внезапно вспыхнувшая любовь, беспредельное счастье, вспышки ревности, яростные ссоры и скандалы, примирения, свадьба, развод, снова свадьба и снова расставание. Элизабет Тейлор и Ричард Бертон... Обладательница двух Оскаров, признанная красавица, превзошедшая своей известностью Папу Римского и президента Соединенных Штатов и один из крупнейших актеров пятидесятых — шестидесятых годов, по мощи

Впервые Тейлор и Бертон увидели друг друга на вечеринке, которую устроил голливудский актер Стюарт Грейнджер. Это случилось в 1953 году. Ричард был там со своей женой Сибил. Он с упоением декламировал Шекспира своим мощным, рокочущим, удивительно гибким и выразительным голосом. Элизабет, однако, Ричард показался самовлюбленным и излишне напыщенным. Позже она признавалась, что подумала тогда: *«Господи, да когда же этот парень, наконец, заткнется?»* После вечеринки она напроць про него забыла.

Снова они встретились лишь через девять лет на съемочной площадке студии «XX век — Фокс», задумавшей грандиозный проект — супербоевик «Клеопатра».

Выбор двух главных исполнителей, разумеется, не был случаен, хотя их путь к вершинам славы был, мягко говоря, не схож. Элизабет родилась в Англии, однако ее родителями были американцы — преуспевающий антиквар и весьма амбициозная драматическая актриса. В 1939 году семья вернулась в Штаты. Лиз

познала славу, когда ей было одиннадцать, став юной звездой фильма «Лэсси возвращается домой», а на следующий год в «Национальном Вельвете». К моменту своей второй встречи с Бертоном Элизабет исполнилось двадцать девять лет. Она успела трижды побывать замужем. За ее плечами было два развода. Один раз она овдовела — ее супруг, продюсер Майкл Тодд, погиб в авиакатастрофе. Она была матерью троих детей — сыновей Майкла и Кристофера и дочери Элизабет. На съемки «Клеопатры» Элизабет приехала в сопровождении своего четвертого мужа — певца Эдди Фишера. Она была уже признанной звездой. Дважды ее номинировали на «Оскар» за лучшую женскую роль в фильмах «Кошка на раскаленной крыше» и «Внезапно, прошлым летом». В 1960 году она все-таки получила «Оскара» за роль в ленте «Баттерфилд, 8».

Ричард Бертон не мог похвастаться столь блестящим послужным списком. Правда, он считался одним из лучших исполнителей в пьесах



таланта уступавший разве что Лоуренсу Оливье и Марлону Брандо. Начало их бурного романа освещалось на первых полосах ведущих газет мира, оттеснив на второй план даже тему ядерных испытаний, разоружения и берлинского кризиса.

История любви этих двоих стала притчей во языцех: о них писали, их превозносили до небес и обливали грязью. Этот союз называли «браком века», а их самих — королевской четой Голливуда. Они были ...

Словом, они были Элизабет Тейлор и Ричард Бертон.



Элизабет Тейлор

Шекспира, а в 1961 году удостоился престижной премии «Тони», как лучший бродвейский актер, за роль короля Артура в спектакле «Камелот». Его даже называли «британским Брандо».

Валлиец по национальности, Бертон (его настоящая фамилия Дженкинс), был двенадцатым из тринадцати детей в семье спившегося шахтера из небольшого уэльского городка. Его мать умерла при родах последнего ребенка. Ричарда отправили жить к тетке. Там, в местной школе, он своими способностями привлек внимание учителя по имени Филипп Бертон. Человек очень добрый и участливый, Бертон взял

мальчика под свое крыло. Он учил его правильному английскому языку, избавив от родного валлийского акцента, развил его голос, натаскивал в литературе и драматическом искусстве. Ричард попросил учителя официально усыновить его и дать ему свою фамилию. После окончания школы во время службы на базе королевских военно-воздушных сил, расположенной неподалеку от Оксфорда, он получил возможность посещать занятия в знаменитом университете. Оксфорд Ричард, разумеется, не окончил, хотя порой утверждал обратное. Тем не менее, он бегло говорил на четырех языках, поражал собеседников блестящим знанием литературы, мог наизусть цитировать десятки страниц шекспировских сонетов и пьес. И хотя Бертон ненавидел Голливуд, ему страстно хотелось пробиться в звезды. Он грезил о всеобщем поклонении и восторженных аплодисментах. К тому же Ричард был далеко не равнодушен к деньгам. За съемки в «Клеопатре» студия «XX век — Фокс» подписала с ним контракт на 250 тысяч долларов. По тем временам это были огромные деньги. Расстраивало его только одно: гонорар Тейлор составлял ровно один миллион долларов. Такой суммы до того времени в Голливуде не получал ни один актер.

Бертон скептически относился к своей партнерше, называя ее в разговоре с друзьями «мисс Бюст». Несмотря на присуждение ей премии Киноакадемии, он оставался невысокого мнения об ее актерском таланте.

Впрочем, он утверждал это, не посмотрев ни одного фильма с ее участием. После первых же просмотров отснятых кадров мнение его постепенно поменялось. Он не ожидал от Элизабет умения буквально завораживать камеру, представляя на пленке в совершенно ином измерении.

На первой же совместной съемке в предместье Рима в конце января 1962 года Ричард сразу же подошел к Элизабет и негромко, почти на ухо произнес: *«Ты располнела, душечка, но мордашка у тебя премиленькая»*. Всемирно известная кинодива, привыкшая к более изысканным комплиментам, расхохоталась. На этот раз Бертон произвел на нее несравненно более сильное впечатление, чем девять лет назад. Его глубокий чувственный баритон завораживал ее, взгляд широко расставленных глаз проникал в самую душу. Лицо и скульптурно вылепленная голова напоминали черты римских императоров. Снимали любовную сцену. Режиссер Манкиевич скомандовал: «Мотор!» Элизабет и Ричард обменялись репликами, а затем их губы слились в чувственном поцелуе. Манкиевич заставил их повторить сцену четыре раза и, не без смущения и некоторого страха, осознал, что в его звездах пробудилась настоящая страсть. Словно мощный ураган пронесся по съемочной площадке. Контролировать стихию было невозможно. Чтобы как-то разрядить ситуацию, был объявлен перерыв. Через несколько дней уже вся студия знала, что Лиз и Ричард ста-



Ричард Бертон

ли любовниками, а вскоре и в газетах появились первые намеки на начало бурного романа двух звезд.

Сибил Бертон, привыкшая к любовным эскападам супруга, поначалу не придавала увлечению Ричарда особого значения. Ведь он неоднократно утверждал, что никогда ее не бросит, так как только она по-настоящему любит и понимает его. Первым встревожился Эдди Фишер. Как-то Ричард подошел к нему и без обиняков заявил: *«Послушай, кажется, я люблю твою бабу»*. *«Она мне не баба, она — моя жена»*, — вспылил Эдди. *«Какая разница? Значит, я люблю твою жену»*, — последовал хладнокровный ответ.

Фишер поспешил к Сибил. Та принялась уверять его, что ничего страшного не произошло. В конце концов Ричард всегда возвращается к ней.

«Видимо, вы не знаете мою жену. Элизабет всегда добивается, чего хочет», — возразил Эдди.

Не на шутку обеспокоенная, Сибил провела с мужем серьезную воспитательную беседу, пригрозив, что, если он не прекратит отношения с Элизабет, то потеряет семью. Перепуганный Ричард сразу же дал обратный ход, заявив Элизабет, что не может ставить под удар свою семейную жизнь. С ней случилась сильнейшая

истерика. У себя на вилле она приняла огромную дозу снотворного. К счастью, кто-то из прислуги немедленно вызвал «скорую». Элизабет отвезли в больницу и сделали промывание желудка.

Сибил уехала в Лондон. Эдди улетел в Нью-Йорк. Там он заявил репортерам, что роман между его женой и Бертоном — не более чем обычная сплетня. Элизабет, однако, опровергла слова мужа, объявив, что их семейная жизнь закончена. Уже на следующий день все крупнейшие газеты разнесли по миру эту новость.

Между тем Элизабет и Ричард наслаждались любовью, не расстава-



*Свадьба
Элизабет
и Ричарда*

*«Укрощение
строптивой»*



ясь ни днем, ни ночью. Столь открытое проявление чувств вызвало резкое осуждение многих влиятельных кругов. В американском Конгрессе нашлись люди, которые потребовали у Госдепа за «аморальное поведение» аннулировать паспорта обоих любовников с тем, чтобы запретить им возвращаться в США. В то же время у Тейлор и Бертон было немало сочувствующих и защитников. Во время съемки сцены возвращения Клеопатры в Рим пятитысячная итальянская массовка, которая должна была скандировать: «Клеопатра! Клеопатра! Клеопатра!» — вместо этого перешла на дружные возгласы: «Лиз! Лиз! Лиз!» По щекам растроганной Элизабет струились слезы. Ричард тоже был тронут этой демонстрацией поддержки.

Тем временем съемки «Клеопатры» завершились, и через некоторое время фильм вышел на экран. Элизабет, предвкушавшую триумф и даже присуждение второго «Оскара», ждало горькое разочарование. Отзывы в американской прессе были откровенно уничижительными, а порой просто оскорбительными.

«Мисс Тейлор — это однообразие в юбке с разрезом», — писала одна газета. «Голос ее лишен модуляций и часто срывается на визг торговли рыбой», — утверждала другая. «Клеопатра в изображении Элизабет Тейлор безнадежно скучна и невыразительна», — вторила им третья. После таких рецензий с Элизабет едва не случился удар, и она надолго слегла в постель.



«Клеопатра»

Жизнь, однако, показала, что мнение критиков было чересчур поспешным и несправедливым. Картина имела огромный успех у зрителей, и до сих пор ее демонстрация приносит хорошую кассу.

Элизабет страдала не только от своей творческой неудачи. Гораздо больше мучила ее неопределенность в отношениях с Ричардом. Он по-прежнему не решался уйти от Сибил и оставить двух своих дочерей. Прошло целых два года, прежде чем Бертон созрел для развода. Он щедро обеспечил семью, переведя на счет Сибил в швейцарском банке миллион долларов, и обязался на

протяжении последующих десяти лет ежегодно выплачивать ей по пятьсот тысяч. Элизабет также добилась развода с Эдди. Бракосочетание звездной пары состоялось 15 марта 1964 года в Канаде в монреальском отеле «Ритц-Карлтон». На тридцатидвухлетней невесте было ярко-желтое шифоновое платье, украшенное бриллиантовой брошью стоимостью в 150 тысяч долларов, которую Ричард преподнес ей еще во время съемок «Клеопатры». Верная своей привычке, Элизабет и на собственное бракосочетание ухитрилась опоздать почти на час. Жених, не привыкший сдерживать свои эмоции, прорычал: «Ку-

да запропастилась эта толстуха? Клянусь, она и на Страшный Суд ухитрится опоздать». Но после краткой церемонии он громогласно заявил: «Мы с Элизабет Бертон очень счастливы».

И это была чистая правда. Она с трепетом относилась к его исключительному актерскому дарованию, он же безумно гордился тем, что он, Ричард Бертон, двенадцатый из тринадцати детей посудомойки и шахтера — валлийца, женился на самой красивой, самой знаменитой женщине в мире.

Они много работали, получая сказочные гонорары. Особенно Элиза-

бет. На протяжении нескольких лет она зарабатывала миллион долларов за каждую картину, плюс 10% с кассовых сборов.

Ричард же не скрывал, что мечтает стать самым высокооплачиваемым актером в мире, и продвигался к своей мечте семимильными шагами. Его гонорары варьировались от полумиллиона до семисот пятидесяти тысяч долларов. Всего они вместе снялись в одиннадцати фильмах и стали обладателями состояния в 50 миллионов. В современном денежном выражении это составляет более трехсот миллионов долларов. Киномагнаты не скупилась на



гонорары своим звездам, поскольку фильмы с их участием приносили сказочные доходы. Однажды, когда Бертоны собрались в трехмесячный отпуск, киностудии разволновались не на шутку, поскольку, как заметил один обозреватель, «почти половину доходов киноиндустрии США дают фильмы, в которых они снимаются вдвоем или поодиночке». Только в 1967 году на экраны вышли три картины с участием Тейлор и Бертонна: «Укрощение строптивой» по Шекспиру, «Доктор Фауст» и «Комедианты» по роману Грэма Грина. За год до этого в прокат вышел фильм «Кто боится Вирджинии Вульф» по пьесе Эдварда Олби, ставший самой дорогой черно-белой кинокартиной Голливуда. Оба, и Элизабет, и Ричард, удостоились номинации на награду киноакадемии. Элизабет легко обошла своих соперниц — Ванессу Редгрейв (фильм «Морган») и Анук Эме («Мужчина и Женщина»), а вот Ричард все-таки уступил своему основному конкуренту Полу Скофилду, блеснувшему в фильме «Человек на все времена». Разумеется, он был сильно разочарован, но еще больше обижена за мужа была Элизабет. Решение жюри показалось ей настолько несправедливым, что она отказалась поехать в Лос-Анджелес на вручение премии.

За свою жизнь Ричард получил немало самых престижных наград, однако с премией киноакадемии ему фатально не везло. Пять раз он был номинирован на «Оскар», но так и не получил вождеденную статуэтку.

Впрочем, он никогда не скрывал, что для него главное не регалии, а деньги. Ну а в средствах чета Бертонов, мягко говоря, не нуждалась и тратила их, не скупясь. За один миллион долларов они купили десятиместный реактивный самолет, оборудованный кухней, баром и залом с киноэкраном. Элизабет дала ему свое имя.

Бертоны приобрели также роскошную яхту, которую назвали «Kalizma» в честь своих дочерей: Кейт (дочки Бертонна, которая почти все время жила с ними), Лизы и Марии (девочки из Германии, страдавшей тяжелым заболеванием. Бертоны удочерили ее в 1964 году и трогательно о ней заботились).

На яхте было семь спален и три ванные комнаты. Для управления требовался экипаж из восьми человек. Яхта была оснащена радарным оборудованием. Она обошлась Ричарду и Лиз в двести тысяч, и еще столько же они потратили на дизайнерскую отделку, превратив ее в шедевр декора в эдвардианском стиле.

Обладая крупной недвижимостью в Швейцарии, на Канарах, в Ирландии и Мексике, Бертоны, тем не менее, жили в основном, в отелях, снимая целые этажи, чтобы разместить детей и свиту. Своих любимых собак и кошек они тоже всегда возили с собой. После их отъезда прислуга фешенебельных отелей с тихими стонами и проклятиями чистила загаженные ковры.

Элизабет и Ричард не скупились на подарки друг другу. Унаследовав-

шая от отца-антиквара хороший художественный вкус, Элизабет приобретала картины выдающихся мастеров. Их семейная коллекция включала полотна Рембрандта, Хальса, Моне, Пикассо, Ван Гога, Ренуара, Писсаро, Дега, Уорхола. Большинство из них Лиз приобретала в подарок мужу. Ричард не уступал в щедрости жене. Газеты, захлебываясь восторгом, повествовали о сказочных

драгоценностях, которыми он осыпал Лиз. Он купил для нее бриллиант в 33,19 карата за 305 тысяч долларов. В современном денежном исчислении это составляет более 2-х миллионов. Немного позднее на торгах «Сотбис» приобрел знаменитую жемчужину «Ла Перегрина» — «Странница». Эту драгоценность испанский король Филипп II в 1554 году подарил своей невесте Марии





Тюдор. Жемчужина появляется на двух полотнах великого испанского художника Веласкеса. Потом драгоценность неоднократно переходила из рук в руки, причем ее обладателями были почти исключительно венценосные особы. Элизабет получила и легендарный желтый бриллиант «Тадж Махал». В 1621 году на нем выгравировали надпись «Любовь вечна» на фарси по заказу шаха Джахана, выстроившего знаменитый мавзолей «Тадж Махал» в честь своей умершей жены.

Однако венцом коллекции Лиз стал бриллиант «Картье» в 69,42 карата. В то время по размеру этот камень превосходил лишь знаменитый «Кох-и-нор» — главная драгоценность английской королевы Елизаветы II. После долгих и трудных переговоров Ричард перекупил его

у фирмы «Картье» за миллион сто тысяч долларов (более 6 миллионов по современному курсу). Для того времени это была самая крупная сумма, уплаченная за бриллиант. Особенно радовало Ричарда то обстоятельство, что он «утер нос» Онассису, собиравшемуся приобрести эту драгоценность для своей новой супруги Жаклин Кеннеди — Онассис. Нужно сказать, что Ричард вообще терпеть не мог Онассиса и гордился тем, что тратит на Элизабет больше денег, чем греческий магнат на Каллас, свою возлюбленную в течение многих лет. После того как почти семидесятилетний Онассис женился на Жаклин Кеннеди, бесцеремонно оставив обожавшую его оперную диву, чета Бертонов лучше относится к нему не стала. А больше всего щедрый по на-

*«Кто боится
Вирджинии
Вульф»*



туре Ричард не мог простить Онассису того, что, несмотря на все его миллионы, он оставил Каллас в самом конце ее карьеры без единого цента. Сами Лиз и Ричард отличались редкой щедростью и тратили десятки тысяч долларов на почти незнакомых им людей, чьи горести трогали их сердца. Тем не менее, ближайшим кругом их общения были сильные мира сего — Ротшильды, принцесса югославская Елизавета, князь Ренье и княгиня Грейс Монакские.

Казалось бы, Бертоны были безмятежно счастливой парой, существование которой не нарушали никакие заботы и проблемы. Между тем, проблемы у них были, и весьма серьезные. Прежде всего, они оба больше всего на свете боялись в один прекрасный день лишиться своего места в числе самых попу-

лярных кинозвезд. Очереди на картины с участием Элизабет стали постепенно таять. Миллионных гонораров ей никто уже не предлагал. Вынужденный во что бы то ни стало сохранять «королевский статус» семьи, Ричард должен был работать все больше и больше, а это было не легко. У него давно была проблема с алкоголем. Он сам признавался, что с шестнадцати лет не выходил на сцену, «не пропустив предварительно рюмашки». Постепенно ему становилось все труднее играть на трезвую голову. Ко времени романа с Элизой он пил чудовищно много, и эти попойки стали сказываться на его здоровье. Положение усугублялось и пристрастием к спиртному самой Элизабет. Она сильно пила еще до знакомства с Бертоном. В начале супружества Элизабет уже прикла-

дывалась к рюмке наравне с Ричардом. Тогда алкоголь был развлечением, средством общения и веселья. Они пили много. Пили вместе и порознь. Иногда один из них решал «завязать», однако под влиянием партнера благие намерения быстро испарялись, и все начиналось сызнова. Между ними все чаще возни-



кали скандалы. Бурный темперамент Ричарда взрывался подобно вулкану, а от пронзительных воплей Элизабет, казалось, вот-вот вылетят все оконные стекла. Вскоре дело дошло до рукоприкладства.

«Знали бы вы, как я его колотила, а он ужасно злился, — как-то призналась Элизабет. — И, наконец, однажды он дал мне сдачи — врезал так, что у меня потом еще несколько дней звенело в ухе».

Причиной этих потасовок обычно было неумеренное потребление алкоголя, а позднее — любовные романы Ричарда на стороне, чаще всего с партнершами по съемке. Один из самых крупных скандалов разразился, когда Ричард, представляя кому-то жену, назвал ее чужим именем. Элизабет потом не разговаривала с ним почти месяц и все пыталась выяснить, кто такая эта Филлис, именем которой он ее назвал. Их сов-

Справа:

*На яхте
«Кализма»*

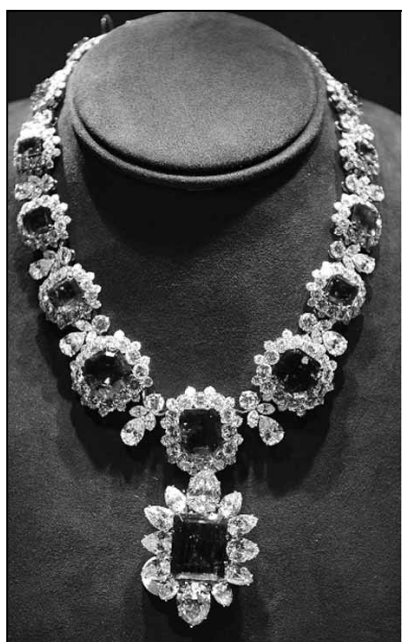
*Драгоценности
Элизабет Тэйлор*



местное существование осложнялось все новыми скандалами, душевными терзаниями и безысходностью.

Положение усугублялось и неудачами в профессиональной деятельности. В 1973 году они снялись в фильме с говорящим, а точнее пророческим названием «Его развод, ее развод». Это был их одиннадцатый совместный фильм, начиная с «Клеопатры», — и последний. После его

лесообразно на время расстаться. Последовавшее вслед за этим примирение продолжалось недолго. В начале 1974 года Элизабет дала поручение своему адвокату подать в Швейцарии на развод с Ричардом по причине несходства характеров, а в конце июня в суде курортного городка Заанен в отсутствие Бертона, который был болен, этот развод получила. Ричард, как всегда, был великодушен. Он оставил Элизабет



выхода на экран рецензии критиков носили поистине разгромный характер. «Хорошо подобранная пара неудачников», — писала одна из крупнейших газет. «Получаешь такое же удовольствие, как и от присутствия при вскрытии трупа», — заключала другая. Иначе говоря, в профессиональном отношении Бертоны навсегда утратили положение, которое занимали прежде. А еще через несколько месяцев Элизабет сделала заявление, что им с Ричардом це-

все купленные украшения на многие миллионы долларов, бесценные произведения искусства, яхту «Kalizma», дом на мексиканском побережье.

После развода Элизабет пыталась найти утешение в объятиях автомобильного дилера Генри Уайнберга. Ричард объявил о своей помолвке с принцессой югославской Елизаветой. Впрочем, принцесса как-то застала своего жениха в обществе известной чернокожей модели Джин Белл и расторгла помолвку.

Разумеется, Генри Уайнберг не мог занять в сердце Элизабет место, которое в течение многих лет принадлежало Ричарду Бертону. Летом 1975 года Элизабет, находившаяся в Советском Союзе на съемках фильма «Синяя птица», довольно часто звонила ему. Было очевидно, что и он тоскует по ней. В середине августа она получила от Ричарда телеграмму, в которой он просил ее встретиться с ним в Швейцарии для серьезного разговора. Очевидцы описывают их встречу, как необычайно трогательную. Ричард не мог скрыть волнения, а Элизабет, обливаясь слезами, буквально упала в его объятия. На следующий день пресс-секретарь Бертонов объявил, что его знаменитые клиенты опять воссоединились. Тем не менее, Элизабет понадобилось около полутора месяцев, чтобы убедить Ричарда жениться на ней снова. Умом он понимал, что из этого брака вряд ли что получится, но эмоционально был просто не в силах сопротивляться.

10 октября 1975 года на берегу африканской реки Чобе в национальном парке Ботсваны состоялась их вторая свадьба. Местный священник из племени тована довольно быстро провел брачную церемонию. Элизабет и Ричард обменялись обручальными кольцами из слоновой кости. Издали церемонию лицезрели два гиппопотама, выбравшиеся на берег из вод Чобе, носорог и гепард. *«Казалось, даже животные улыбаются нам, — вспоминала Элизабет. — Все вокруг ра-*

довалось тому, что мы с Ричардом снова вместе».

Увы, идиллия продолжалась недолго. Скоро снова начались скандалы из-за пьянок Ричарда и его частых измен. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что Элизабет тоже была не без греха. В конце концов, Ричард объявил, что ему нужен развод, так как он хочет жениться на британской фотомодели Сьюзи Хант. Их второй брак длился всего десять месяцев. *«Я люблю Ричарда Бертона всеми фибрами души, — говорила Элизабет, — но мы не можем быть вместе — мы слишком разрушительны друг для друга».*

Она еще дважды выходила замуж, и оба раза неудачно. Ричард также дважды заключал брачный союз, причем, по общему мнению, его вторая жена оказывала на него довольно благотворное влияние. Элизабет продолжала сниматься. Ей уже давно не предлагали миллионные гонорары, но ее статус звезды был незыблем. В феврале 1982 года Бертон, которого она не видела уже пять лет, неожиданно позвонил и попросил разрешения повидаться с ней. Их встреча произошла в Лондоне, где Элизабет была на гастролях. Увидев Ричарда, Лиз испугалась. Перенесенные за эти годы операции, неумеренное пьянство сделали свое дело: Бертон выглядел гораздо старше своих пятидесяти шести лет, но она была счастлива снова увидеть его. Вечер они провели вместе — веселились, танцевали, а на следующий день Тейлор появилась в театре, где

Ричард читал стихи известного валлийского поэта. Неожиданно для всех она вышла на сцену, послав публике воздушный поцелуй, потом повернулась к Ричарду и сказала по-валлийски: «Я тебя люблю».

«Ну-ка, повтори, что ты сказала, мой цветочек, — улыбнулся Бертон. — И погромче».

Элизабет выполнила его просьбу, и зрители бурно зааплодировали.

Увы, это была их последняя встреча.

Ричард Бертон скончался от инсульта 5 августа 1984 года. Ему было 58 лет. За три дня до смерти он отправил Элизабет письмо, в котором говорилось, что его дом там,

где находится она, и он хочет вернуться домой. Когда Тейлор получила письмо, Ричард был уже мертв. Весть о его смерти потрясла Элизабет. Вдова Бертон, Салли, не хотела, чтобы Лиз присутствовала на похоронах, опасаясь, что ее приезд привлечет толпы папарацци. Элизабет приехала на кладбище в швейцарском Селиньи только через несколько дней и возложила цветы на могилу любимого человека.

Она пережила его почти на 27 лет, и все эти годы последнее письмо Ричарда хранилось в ящике столика, стоявшего у ее изголовья. Она просила похоронить ее с этим письмом. □



Евгения Гордиенко

ДЕВУШКА и небо



С героиней сегодняшнего рассказа у меня, да простят меня читатели, связь почти личная. Мою бабушку, родившуюся в 1938 году, называли Валентиной — в честь легендарной советской летчицы Валентины Гризодубовой. Наверняка таких девчонок, как моя бабушка, было много, — времена стояли спорные, но во многом — несомненно, героические. Ставились рекорды, достигались вершины... В относительно молодом советском государстве должно было царить равноправие — если мужской экипаж совершил беспосадочный перелет на Дальний Восток, то и женский должен был не отставать. Валентина Гризодубова была олицетворением времени — молодая, красивая, смелая летчица, способная и за штурвал сесть, и полком командовать. Она стала легендой, и этот путь был уготован ей с самого детства...

...Валентина Гризодубова родилась в 1909 году в Харькове. Ее отец, Степан Васильевич, был одним из первых летчиков и первопроходцев в области авиастроения. Эта индустрия тогда только зарождалась и жила в основном энтузиазмом людей, желавших покорить небо.

Благодаря отцу, который некоторое время возглавлял планерный спорт на Украине, уже в двухлетнем возрасте Валя поднялась в воздух на планере. Девочка с удовольствием участвовала и в постройке самолета, которой занимался отец. Для этого «дела всей жизни» он даже купил участок земли — чтобы проводить испытания. Правда, по свидетельствам очевидцев, в воздух самолет Гризодубова мог подниматься только метра на три-четыре. И это было неудивительно — ведь строил он его не по чертежам, а с...кинокартинки. Степан Васильевич увидел в кино полеты братьев Райт, выпросил у кинемеханика пару кадров пленки, отпечатал фото летательного аппарата и сделал его макет-копию. После чего стал строить настоящий самолет. Сразу становится ясно, от кого его дочь унаследовала упорство в стремлении к цели.

Слова «консоль», «фюзеляж», «мотор», «горка», «пике» были для девочки такими же привычными, как «хлеб» и «вода». Еще от отца Валя впервые услышала о первой русской летчице Зверевой. Гимназисткой Лидия Виссарионовна тайком от родителей поднялась на воздушном шаре и по-

том, преодолев невероятные трудности, добилась, чтобы ее зачислили в летную школу. Эта энтузиастка стала для Гризодубовой примером на всю жизнь.

Разумеется, мать Вали не очень одобряла такое «мальчишеское» воспитание дочери. И девочка, по настоянию матери, даже окончила музыкальное училище по классу фортепиано. Надежда Андреевна, во всем поддерживавшая супруга, все же говорила ему: «Степа, может, пусть лучше Валя наша на рояле учится играть? Все же девочка...» — «Ничего, летая, она будет играть, а только играя, никогда не полетит», — отрезал отец.

Так и вышло. Став взрослой, Валентина поступила в технологический институт и записалась в кружок планеристов. Но быстро поняла, что учиться ей в кружке нечему — благодаря отцу она и так все это знала. Ее мечтой были самолеты. Но в Харькове тогда не было возможности выучиться на пилота, и Валентина уехала в Пензу, где уже была школа летчиков.

В те годы существовала агитационная эскадрилья имени Максима Горького, командиром которой был главный редактор журнала «Огонек» Михаил Кольцов. Поскольку пассажирское авиасообщение в стране еще не было налажено, в задачи эскадрильи входила доставка журналистов, передовиков производства, стахановцев и артистов в отдаленные уголки СССР. В эту эскадри-

лю и попала Валентина Гризодубова, проработав несколько лет инструктором в летных школах. За несколько лет она побывала почти во всех крупных городах страны. Но ей хотелось большего.

Это было время развития авиации во всем мире. Чарльз Линдберг в 1927 году стал мировой знаменитостью, совершив первый перелет через Атлантику. Через несколько лет его достижение повторила Амелия Эрхарт, доказав, что женщина в авиации стоит наравне с мужчиной.

Советское государство не могло отставать. В 1937 году экипаж в составе Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова совершил успешный перелет из СССР в США. Через год был запланирован беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток двумя экипажами — мужским и женским. Владимир Коккинаки и Александр Бряндинский должны были долететь до Спасска-Дальнего, а Валентина Гризодубова, Марина Раскова и Полина Осипенко — до Комсомольска-на-Амуре.

Командиром самолета «Родина» была Валентина Степановна, вторым пилотом — Осипенко, а Раскова в этом полете выполняла функции штурмана.

24 сентября 1938 года самолет вылетел из столицы. На Дальнем Востоке он должен был приземлиться на следующий день, но самолет так и не прилетел. Его обнаружили в тайге только 3 октября. Выяснилось, что из-за плохих метеоусловий де-

вушки пролетели мимо конечной точки маршрута и поняли это, только подлетев к Охотскому морю. К этому моменту закончилось топливо, и командир Гризодубова приняла решение сажать самолет прямо в тайге, без шасси. Она также приказала штурману Расковой выпрыгнуть из самолета с парашютом, так как при жесткой посадке у нее было мало шансов выжить — кабина штурмана была стеклянной.

Как ни удивительно, но весь экипаж выжил — даже Раскова, которую нашли в той же тайге через несколько дней. Однако поисковая операция все же повлекла за собой жертвы, причем совершенно неоправданные.

Без получения приказа два самолета под командованием Якова Сорокина и Александра Бряндинского вылетели на поиски. Из-за несогласованных действий они столкнулись в воздухе. Часть людей успела спастись, но погибло в итоге 15 человек, включая командиров. Самое странное в этой истории то, что самолеты вылетели тогда, когда женский экипаж уже был найден. По слухам, летчики хотели, чтобы их участие в поисковой операции также было засчитано, но это лишь неподтвержденная версия.

Несмотря на все трудности, рекорд женским экипажем был установлен, и летчицы получили звание Героев Советского Союза. Прежде ни одна женщина этого звания не удостоивалась.



Слева направо: Полина Осипенко, Валентина Гризодубова, Марина Раскова

Все три девушки стали звездами — у них брали интервью, снимали для передовиц газет, с их портретами выпускали марки, а про полет даже был снят мультфильм.

Гризодубова стала вхожа во властные круги. Она могла зайти, позвонить и попросить. И делала это, не стесняясь. Но, справедливости ради, нужно сказать, что Валентина почти никогда не просила чего-то для себя. Так, она вступилась за посаженного в 1938 году Сергея Королева. К ней пришла мать Королева, Мария Васильевна, которая знала ее еще с детства последней — семьи вместе проводили лето в Коктебеле, где Степан Гризодубов вел кружок планеристов, в который входил и Сережа Королев. Надежда Андреевна, мать Валентины, вела все ее дела, всю обширную переписку. Увидев

Марию Васильевну, она сразу поняла, в чем дело, и сказала только: «Надо же, и Сережу...»

Валентине Степановне удалось дойти до Поскребышева и взять с него обещание передать ее просьбу об освобождении Королева Сталину. Сергея Павловича не освободили, но перевели из лагеря на Колыме в «шарашку» к Туполеву, где были несравнимо более легкие условия.

Когда началась война, соратница Гризодубовой, Марина Раскова, подала заявление о формировании специальных женских авиачастей и получила на это разрешение. Однако Валентина Степановна мечтала стать первой женщиной-генералом и командовать мужскими частями. Командование было ей доверено, но дослужиться удалось только до полковника. Во многом это случилось



из-за конфликта с ее непосредственным начальником — амбициозным Александром Головановым, который в 39 лет стал самым молодым маршалом в истории СССР.

Стороны (Гризодубова и Голованов) по очереди обвиняли друг друга в интригах и подсиживании. Закончилось все тем, что в 1944 году Валентину Степановну сняли с должности командира полка.

Однако до этого она успела сделать немало: сама вылетала на боевые задания, оказывала помощь партизанам. Техника была несовершенна, а летать приходилось в любую погоду, при этом садиться на плохо подготовленные полосы. Гри-

зодубова своим примером показывала подчиненным, что и как нужно делать. В войну погибли обе ее подруги — Полина Осипенко и Марина Раскова, которые разбились на самолетах.

По окончании войны Валентина Степановна много лет работала заместителем начальника НИИ-17 по летной части. Ее подразделение проводило испытания радиоэлектронной аппаратуры для Военно-воздушных сил и гражданской авиации. Гризодубова лично принимала участие в испытательных полетах. На десятилетие она покинула НИИ, чтобы возглавить Научно-исследовательский летно-испытательный центр, после



чего снова вернулась и проработала в НИИ-17 почти до самой смерти.

Семейная жизнь летчицы сложилась не так удачно, как карьера. С мужем, летчиком-испытателем Виктором Соколовым, она разошлась, а единственный сын Валерий ушел из жизни раньше матери, всего в 50 лет.

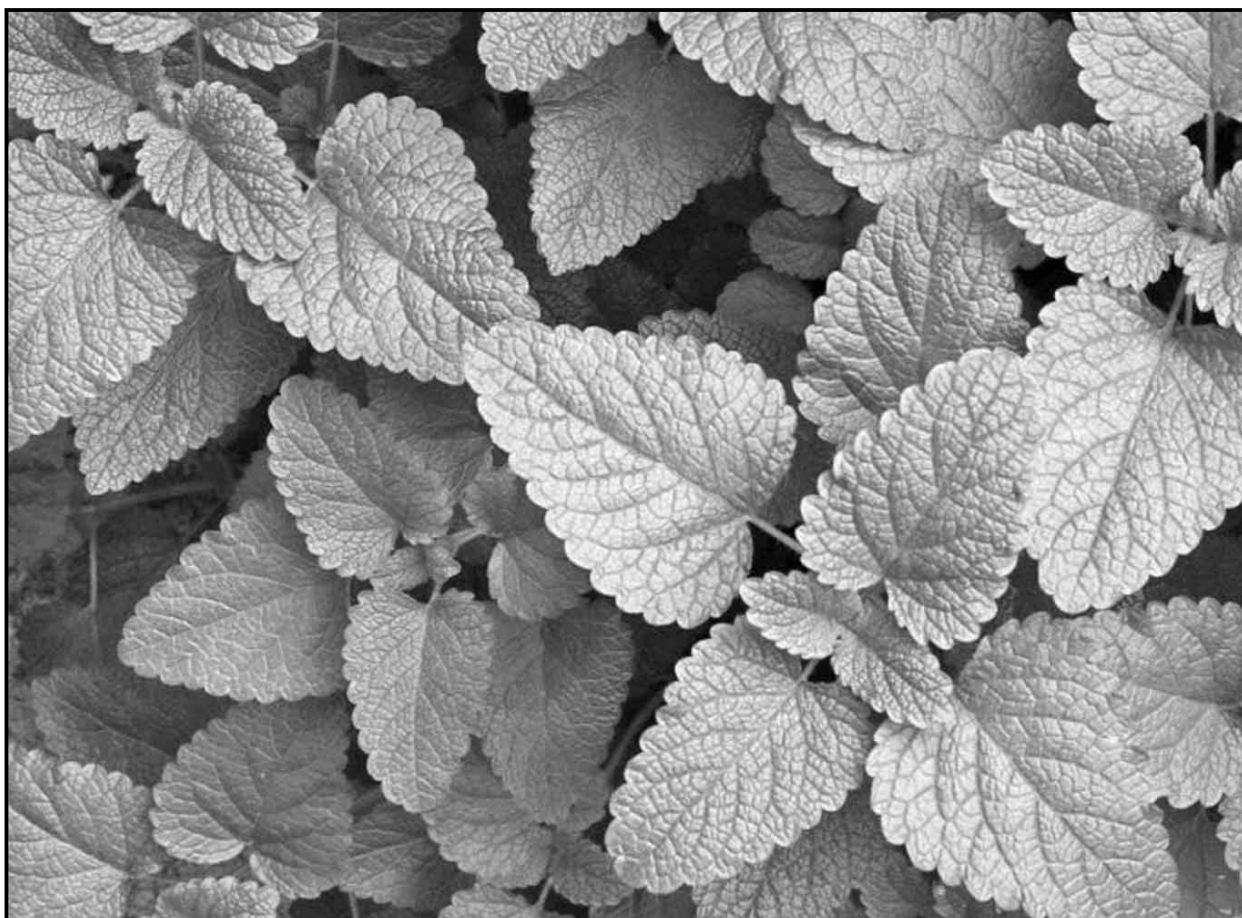
Валентине Гризодубовой удалось сделать то, что не удалось кумиру ее детства — Лидии Зверевой. Женщины, следуя ее примеру, массово подались в авиацию.

Ее не стало в 1993 году, когда стране было совсем не до героев минувших дней. Но похоронена она на Новодевичьем кладбище, в ее честь названо немало улиц по всей стране.

Когда уже немолодую Валентину Степановну в интервью спросили, какие у нее самые первые воспоминания, связанные с небом, она ответила: «Я — привязанная у отца за спиной, и мы летим. Мне два года с хвостиком». Говорят: «Врешь, человек не может помнить, что было в таком возрасте!» «Если какая-то ерунда, — отвечаю, — то да. А небо помнится». □

МЯТА—

**проводница
в потусторонний мир**



В свое время наши деды и бабки использовали травы как средства против многих не особенно серьезных заболеваний. Сегодня снова возрос интерес к целебной силе трав — ведь современная жизнь с ее каждодневными стрессами и загрязненным воздухом делает почти всех подверженными легким недомоганиям. Обычно в таких случаях можно обойтись и без вмешательства врача, вы сами в домашних условиях сможете побороть недуг и снять напряжение с помощью лекарственных растений, о которых мы хотим вам рассказать, и начнем с такого знакомого всем растения как мята.

Ароматная и душистая мята вот уже много столетий пользуется заслуженной славой среди ботаников и садоводов всего мира. По преданию, название растения восходит к имени греческой нимфы Минфы (Минты), богини горы Менте в Элиде, что на северо-востоке Пелопонесса. Эта загадочная нимфа была возлюбленной бога подземного царства Гадеса (Аида) и именно с веточками мяты древние греки проводили тайные погребальные мистерии и обряды.

Мята — многолетнее травянистое растение семейства яснотковых. Все виды мяты, а их существует около полусотни, сильно ароматичны, ибо большинство из них содержит много ментола. Мяту можно встретить практически повсеместно: в садах и огородах, в раздольных луговинах и вдоль лесных ручьев и озер. Люди выращивают и культивируют мяту с незапамятных времен. В наши дни в разных странах и континентах стало популярным разведение таких экзотических видов мяты как лимонная, бергамотовая, шоколадная, ананасная, апельсиновая, лакричная, банановая и ряда других, обладающих удивительной смесью мятного и тропическо-цитрусовых ароматов.

Одним из наиболее популярных видов у многочисленной армии садоводов и огородников заслуженно пользуется мята перечная (менее известные ее названия мята холодная или мята английская). Кстати, это культурное растение — мята переч-

ная — было получено путем гибридизации двух дикорастущих сортов: мяты водной и мяты колосистой. Использование мяты перечной началось с древнейших времен, она высоко ценилась еще в Древнем Риме. Мятной водой опрыскивали комнаты, а столы натирали листьями мяты, чтобы создать у гостей жизнерадостное настроение.

Перечная мята — ценный медонос и дает прекрасный нектар. Полученный мед имеет янтарный цвет и обладает приятным мятным вкусом. В современной кулинарии и парфюмерии мята невероятно популярна. Сразу вспоминается вкус приятно охлаждающих и освежающих дыхание мятных леденцов.

Из собранных во время цветения листьев и надземной части растений изготавливают эфирное масло и ментол, также листья мяты в качестве пряности добавляют к многочисленным блюдам в кухнях многих стран. В медицине листья мяты входят в состав желудочных, успокоительных и желчегонных чаев, мятных капель от тошноты и как средство, повышающее аппетит, а также как противоспазматическое желудочное средство. В народной медицине вот уже много веков с успехом наружно применяют мяту как действенное антисептическое средство при воспалительных процессах и ожогах, а также как успокоительное при различного рода невралгиях. Эффективна мята при заболеваниях верхних дыхательных путей, хрипоте, осиплости голоса, при лечении бронхи-

та и зубной боли. Ментол, выделяемый из мятного масла, используется при стенокардии, он входит также в состав капель и мазей от насморка, карандашей от мигрени, а также в производстве ряда популярных сердечных препаратов — валидола, валокордина и других.

В России селекционные сорта мяты перечной в промышленном масштабе выращивают в Краснодарском крае и Воронежской области — помимо использования в медицине и парфюмерии, в последнее десятилетие мята стала очень популярна в качестве основы для фиточая.

А что же с магическими свойствами мяты? Они были известны еще в седой древности. Уже тогда наши предки использовали ее во всевозможных эзотерических целях. Мятный дым вдыхали для улучшения памяти, концентрации внимания и повышения интуиции. Людям творческих профессий мята также помогает привлечь то, чего они хотят больше всего на свете — получить божественное вдохновение. С этой целью для привлечения музыки мастерам красивый букет с веточками мяты и ставят его на рабочий стол или даже плетут венок и надевают его на голову. В Древней Руси молодые девушки часто использовали мяты в колдовских ритуалах для привлечения суженого. Мята — сильнейший защитный талисман от порчи и сглаза, именно поэтому сведущие люди советуют всегда носить ее с собой в небольшом холщовом мешочке или просто положить в карман. Такой

оберег обязательно поможет вам в ходе важной встречи, а также в повседневных делах.

Аромат мяты — настоящий магнит для денег. Если хотите, чтобы в вашем бумажнике всегда шелестели купюры, просто положите в свой кошелек один-два листочка мяты и вскоре сами убедитесь в позитивных изменениях вашего финансового благополучия.

По возможности старайтесь чаще использовать мяту в чае или как приправу для блюд: аромат мяты дарит бодрость и уверенность в своих силах. А собственноручно собранный букетик из мяты, висящий в вашей спальне, будет способствовать укреплению отношений с избранником и не даст потухнуть огню взаимной любви. Если вы хотите почистить свой любимый дом от скопившейся в нем ментальной и иной негативной энергии, то используйте эфирное масло в аромалампе. Запах мяты изгонит негативные лептоны и подарит вам не только приятный аромат, но и благополучие.

Если же мята будет расти у вас дома на окне в горшочке — в таком жилище всегда будут царить мир и уют. А если вы поместите горшочек с мятой на своем рабочем столе в офисе, то душистое растение придаст вам уверенности в себе и своих силах, и будет способствовать вашему карьерному росту.

Берегите себя и своих близких — пусть помощницей в этих благих начинаниях вам будут листья ароматной мяты! □

РОБИНЗОН КРУЗО

**Подлинная история
прототипа
литературного
героя**



Вместо предисловия

Почти три века назад (1719 г.) умудренному опытом 59-летнему бывшему британскому разведчику и negociанту Даниэлю Дефо с большим трудом удалось наконец-то опубликовать свой роман с витиеватым, пространственным названием: «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове, у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением

его неожиданного освобождения пиратами. Написано им самим».

Издатели, словно сговорившись, один за другим отказывали автору, не веря в коммерческий успех сего литературного опуса. Наконец, на свой страх и риск, одно издательство решилось-таки напечатать роман. Реальность превзошла самые смелые ожидания: публика буквально смела с полок новое произведение Даниэля Дефо, так что через две недели (!) пришлось даже срочно допечатывать тираж. А затем в течение года переиздавать полюбившееся читателям произведение еще несколько раз.

Да-да, речь идет о том самом романе Даниэля Дефо, более извест-



ном по сокращенному названию «Робинзон Крузо». Он принес его автору оглушительный успех не только в старой, доброй Англии, но и, со временем, во всем свете. Редкий случай для мировой литературы: и спустя столетия главное произведение Дефо, обессмертившее его имя, не теряет своей актуальности для миллионов мальчишек и девчонок, а также их родителей.

Дело в том, что «литературный отец» Робинзона Крузо стал родоначальником принципиально нового на тот период жанра — приключенческого романа, написанного простым, но в тоже время ярким и живым слогом от лица главного героя. Именно такое чтение пришлось по

вкусу массовому читателю XVIII века взамен уже набивших оскомину плутовских и пасторальных романов прошлого. Но вот все ли в «Робинзоне Крузо» Даниэля Дефо, жизнь которого была сама похожа на авантурный роман, является плодом богатого авторского воображения? И главное, был ли у Робинзона Крузо прототип, и если да, то кто?..

На необитаемый остров — по собственному желанию

Прототипом Робинзона Крузо для Даниэля Дефо послужил шотландец Александр Селькирк, боцман с фрегата «Пять портов» из каперской флотилии под началом Уильяма

Дампира. Его приключения, пользовавшиеся большой популярностью в Британии в первой четверти XVIII века, и составили фабулу романа. Как следует уже из заглавия, Робинзон Крузо провел на необитаемом острове долгих 28 лет. Впрочем, если быть более точным, то, по словам самого главного героя, 28 лет, 2 месяца и 19 дней.

Реальный Александр Селькирк пробыл на необитаемом острове, по сравнению с Робинзоном, в 7 раз меньше — с 1704 по 1709 годы. В отличие от литературного героя, оказавшегося на необитаемом острове в одиночестве не по своей воле, а в результате кораблекрушения, Селькирк, отличавшийся вздорным и взрывным характером, рассорился за время длительного плавания в пух и прах с капитаном корабля Томасом Стредлингом и потребовал высадить себя на необитаемом острове. Не зря же говорят, бойтесь своих желаний — они могут исполниться.

Высадили его на небольшом острове Мас-а-Тьерра, расположенном в Тихом океане недалеко от побережья Чили. В последнюю минуту самообладание покинуло строптивого боцмана, он стал умолять капитана простить его и вернуть на корабль, но тот остался глух к его мольбам.

Оказаться в одиночестве, полностью оторванным от цивилизации, означало практически гарантированную гибель. Мучительную, растянутую во времени смерть от голода или от нападения диких животных, или же от нападения не менее

свирепых первобытных охотников-каннибалов, случайно оказавшихся на острове. Да мало ли еще от чего можно было запросто свести счеты с жизнью. Впрочем, когда Стредлинг высаживал «дебошира» на необитаемый остров, он оставил ему для выживания ружье, а также небольшой запас пороха, патронов, табака, одежды, огниво, кое-какие инструменты и навигационные приборы, а также, в назидание и для утешения, Библию.

Спустя почти четыре с половиной года все тот же Дампир, совершая к тому времени свое очередное пиратско-кругосветное путешествие, уговорил капитана заглянуть на Мас-а-Тьерра, и, к своему большому удивлению, они обнаружили на острове не косточки Селькирка (как следовало бы ожидать), а его самого, причем целым и невредимым, хоть и сильно одичавшим. Александра Селькирка спасли ... козы с кошками.

В конце XVI столетия этот остров был открыт испанским мореплавателем Хуаном Фернандесом. Покидая его, он, на всякий случай, оставил несколько коз, а заодно и кошек. За время отсутствия людей они расплодились, но одичали. Обнаружив на острове коз, боцман вначале охотился на них с помощью ружья, но патроны быстро закончились, и тогда он принялся ловить их руками. Селькирк сумел приручить их, обеспечив себя постоянным источником пропитания в виде молока и мяса, а также шкур для одежды.

За годы пребывания в полном одиночестве мятежный боцман изменился не только внешне. Хотя благодаря Библии он не разучился читать и думать, но, отвыкший за время вынужденного долгого молчания общаться с людьми, Селькирк, когда его обнаружили, поначалу с трудом ворочал языком, издавая нечленораздельные звуки. Впрочем, несколько недель, проведенные в обществе команды корабля, вернули ему прежний «человеческий» облик и способность внятно изъясняться. Вернувшись в 1711 году на родину, в родной городок Ларго, Селькирк охотно рассказывал в местных тавернах о своих приключениях, став местной знаменитостью. Правда, за ним стали замечать некоторые странности. Например, ему уже не жилось в обычном доме: к изумлению соседей, бывший отшельник выстроил рядом на холме некоторое подобие пещеры, в который он жил на острове. Этому жилищу отставной боцман отдавал явное предпочтение.

«Робинзон Крузо»: как все начиналось

По возвращении из кругосветного плавания, Роджер Вудс в 1712 году выпустил книгу «Путешествие вокруг света, содержащее в себе известие об Александре Селькирке, жившем в одиночестве на острове четыре года и пять месяцев», которая имела у публики огромный успех. В следующем, 1713 году, на страницах журнала «Англичанин» Селькирку по-

святил свой очерк популярный журналист, писатель и политик Ричард Стил. В основу его «Истории удивительных приключений Александра Селькирка, потерпевшего кораблекрушение моряка», легла серия авторских интервью с бывшим отшельником необитаемого острова.

Взяв за основу очерк Стила, а также используя записки Вудса, Дефо благодаря силе своего таланта и воображения творчески переработал имевшиеся в печати сведения о Селькирке, и результатом стало рождение подлинного шедевра английской и мировой литературы.

Вопрос, который волнует вот уже не одно поколение почитателей творчества Дефо: а встречался ли писатель с Селькирком, беседовал ли с ним о его жизни на острове? И хотя такая встреча действительно вполне вероятно могла состояться в одной из таверн (подобный сюжет не раз обыгрывался в популярной литературе), веских доказательств тому нет. Впрочем, и без этой встречи у Дефо было уже предостаточно материала для создания своего бессмертного романа.

История с географией

Остров Мас-а-Тьерра, на котором более четырех лет прожил Александр Селькирк, вместе с примерно равным ему по площади Мас-а-Фуэра и крошечной Санта-Кларой (всего лишь 2,2 км), составляют архипелаг Хауна-Фернандеса, названного в честь отважного испанского



первооткрывателя земель. До начала XIX столетия острова архипелага входили в состав колоний Испанской империи, а затем и по сию пору принадлежат завоевавшей независимость от испанской короны Чили.

В 1966 году ради привлечения туристов Мас-а-Тьерра был переименован в остров Робинзона Крузо. Это единственный обитаемый остров во всем архипелаге. Проведенные уже в наши дни археологические раскопки на острове обнаружили место стоянок и наблюдательного поста отважного отшельника, а также навигационные приборы начала XVIII века, что подтверждает правдивость рассказанной Селькирком информации в ходе бесед со Стиллом и Вудсом.

А вот соседний от острова Робинзона Крузо остров Мас-а-Фуэра

(соседний по меркам тихоокеанского архипелага, конечно, между островами более 150 км) тогда же был назван... островом Александра Селькирка.

А если это был не Селькирк?

В качестве сюжетной основы для своего романа помимо приключений Александра Селькирка Даниэль Дефо мог использовать и другие (хотя и значительно менее известные в его время) истории о жизни «робинзонов» на необитаемом острове.

Не так давно известным британским путешественником и писателем Тимом Севериным была выдвинута версия о том, что прототипом Робинзона Крузо был вовсе не Александр Селькирк, а английский

хирург Генри Питман, опубликовавший в 1689 году свой дневник под названием «Повесть о великих страданиях и удивительных приключениях Генри Питмана, хирурга покойного герцога Монмута». Дефо, по мнению Северина, так вообще злостный плагиатор, заимствовавший идею своего романа у британского врача.

Однако, несмотря на то, что флора и фауна острова Ла-Тортуга у побережья Венесуэлы действительно весьма сходны с описанием острова, на котором оказался Робинзон, эта версия при внимательном изучении дневника Питмана не выдерживает критики. Во-первых, Питман высадился на необитаемом острове не один, а вместе со своими девятью товарищами, с которыми бежал от непосильной работы на плантациях. Здесь они встретили 26 английских приватиров (каперов), которые только и поджидали удобного случая покинуть остров.

Конечно, Дефо мог читать этот весьма интересный труд британского врача и, вероятно, даже быть лично с ним знаком (в молодости Дефо, как и Питман, принимал участие в восстании герцога Монмута против английского короля Якова II), а затем использовать текст дневника Питмана при написании «Робинзон Крузо». Кстати, любопытная деталь: записки доктора, в силу мизерного тиража, продавались исключительно в лондонском магазине Джона Тэйлора. В этом же самом магазине спустя 30 лет уже его сын, Вильям Тэйлор, унаследовавший от

отца семейный бизнес, впервые выставил на продажу тот самый роман Дефо.

Однако Дефо в предисловии к своему роману прозрачно намекает, с кого именно списан его главный герой. Тем более что на момент выхода в свет «Робинзона Крузо» Александр Селькирк пребывал в добром здравии.

Вместо послесловия

Напоследок о прозе жизни. И Дефо, и Селькирк умерли вдали от родных и близких. Великий писатель был не слишком удачливым финансистом и, по сути, всю жизнь бегал от кредиторов (одно время среди них была даже его теща). Он несколько раз приговаривался к стоянию у позорного столба, в честь которого сочинил сатирический гимн:

*Судеб таких изменчивых никто
Не испытал,
Тринадцать раз я был богат
И снова беден стал.*

Собственно, Дефо в 1731 году и умер в бегах, скрываясь от разгневанных издателей и кредиторов в трущобах Лондона под вымышленным именем. Хозяйка его последнего пристанища, чтобы возместить себе расходы на похороны, распродала имущество старика-квартиранта. О том, кем на самом деле был съемщик ее жилья, она, конечно же, не знала.

И пусть у реального Дефо не получилось прожить свою жизнь в достатке, зато он с лихвой наделил

всем этим своего Робинзона. По возвращении в Англию из 28-летнего пребывания на острове Крузо выгодно продал свои плантации в Бразилии, стал богачом, женился, родил троих детей, помог встать на ноги своим племянникам и совершил еще немало удивительных путешествий. В частности, в «Дальнейших приключениях Робинзона Крузо», изданных Дефо в 1719 году, его герой, будучи уже в весьма преклонном возрасте, совершает новое невероятное путешествие, в ходе которого пересекает всю Россию с востока на запад. Кстати, существует и третья, до сих пор не переведенная на русский язык книга Даниэля Дефо — «Серьезные приключения Робинзона Крузо», представляющая собой, по сути, сборник эссе на нравственные темы.

И еще. Дефо, несмотря на огромное литературное наследие, для большинства остался, по существу, автором одного-единственного произведения. Собственно говоря, это и было написано на его первом могильном камне: «Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо».

А что же Селькирк? По прошествии нескольких лет хороший куш, полученный им при дележе пиратской добычи по пути от острова, где его обнаружили, до Англии, закончился. Селькирк затосковал по морю и, завербовавшись на корабль, отправился на поиски новых приключений. Он нашел их сполна. Если Дефо прожил все-таки классические библейские 70 лет, то Сель-



кирк скончался в 1723 году на корабле от желтой лихорадки у берегов Ганы, не дожив и до 50. По морской традиции, его тело сбросили в море.

На родине, узнав о смерти бывшего отшельника с необитаемого острова, его женщины (как выяснилось, Селькирк оказался официально женат на некоей трактирщице Фрэнсис Кандис, но завещал имущество своей «возлюбленной подруге» Софии Брюс, с которой сожительствовал) не стали понапрасну горевать, а развернули отчаянную войну за его наследство. Впрочем, это уже совсем другая история. □

Валерий Мазманян

ПРИШЛИ СЮДА КЛЕНЫ БОСЫЕ

Обиду давнишнюю злую
Оставь на краю синевы,
Где бабочки утром целуют
Шершавую щеку травы.

Весну славит каждая птаха,
Ручей — на своем языке,
Косматые ивы в рубахах
Выходят молиться к реке.

Ветвей неразборчивый почерк —
Писали о том, что болит,
А облако — смятый листочек —
Зима уронила вдали.

Усмешки и взгляды косые
Забудем — начнем все с азов...
Пришли сюда клены босые
Послушать распевки дроздов.

НА БЕРЕЗОВОЙ ВЕТОЧКЕ НЕБА ЛОСКУТ

О судьбе разговоры уже не влекут —
Вспоминается чья-то вина,
Зацепился за веточку неба лоскут
И трепещет в проеме окна.

Не озлобились, живы, не стали грубей,
Не горюй, а уныние — грех,
Белизною пометил виски, голубей
И березы растаявший снег.

Не вздыхай, нам апрельские ночи вернут
Всех ушедших в красивые сны...
На березовой веточке неба лоскут,
Улыбнись — это вымпел весны.



Весна — воркует голубь сизый,
Дожди у окон отплясали,
Синицы надевают ризы,
Поют погожим дням осанну.
И клен, разбуженный грозами,
С ручьем разучивает гаммы,
Где старый ворон изучает
Листвы подмоченный пергамент.
Белея долговязым телом,
Береза в луже моет косы...
И не грусти, что между делом
К тебе крадется жизни осень...



КЛЕН, ПОЦЕЛОВАННЫЙ ЛУНОЙ

Проснулся ветер и задул
Заката тлеющий костер,
И бросил в рябь воды звезду —
Кувшинкой пусть в пруду растет.

Где серебром звенят ручьи,
Газон, закованный в бетон,
Затеplit для тебя в ночи
Свечой тюльпановый бутон.

Ты тишине ночной поверь,
что в этом таинство весны —
Мы сами открываем дверь
Всем, кто приходит в наши сны...

И перед тем, как поздно лечь,
Забудь февраль и снег больной...
Приснится нам — свидетель встреч —
Клен, поцелованный луной.

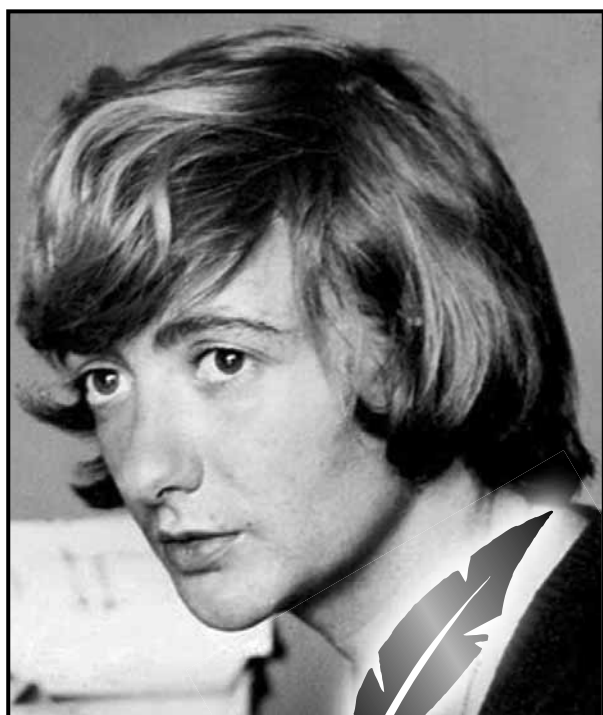
НАШИ ЛАНДЫШИ

По лужам облака плывут,
Последний снег зачах,
И сосны держат синеву
На бронзовых плечах.
На все лады поют ручьи,
Что все в твоих руках,
Гуляют важные грачи
В потертых сюртуках.
Дождям — в жемчужную росу,
Метелям — в память лет,
Я, как огонь любви, несу
Багряных роз букет.
Возьмешь цветы, я, не дыша,
Услышу — горячо...
И сизым голубем душа —
На белое плечо...

ПОЖАЛЕЕШЬ — ОТПУСТИ

Обещая, не дразни —
Обними, скажи, что нужен,
Облака до белизны
Отмывает голубь в луже.
И костлявые кусты
Из ручья напьются вдоволь,
Пожалеешь — отпусти
И оставь мне сон бредовый...
В суету уходишь дня,
Ничего не будет прежним,
Переулочек меня
Узелками веток держит.
На судьбу свалить вину
Отыщу я довод веский...
Поржавевшую луну
Начищает март до блеска.

ВСТРЕЧА с Франсуазой Саган



Беседа с великой французской писательницей проходила весьма своеобразно. Зато откровенно.

Мне б никогда с ней не встретиться, если бы не приятель тех парижских лет писатель Эдуард Лимонов, который с моей помощью готовился вернуться на Родину из своего парижского изгнания.

Мои звонки мадам Саган по заветному телефону, который достал мне

кто-то из приятелей-французов, всегда заканчивались одинаково. Скучный женский голос сообщал, что я действительно звоню по такому-то номеру в прачечную и могу оставить сообщение на автоответчик. Я и бросал трубку, и оставлял трогательные мольбы с просьбой перезвонить замечательному российскому журналисту — бесполезно.

Рассказал обо всем Эдику, который в начале 90-х был еще в центре парижской богемы, но, получив обратно советское гражданство, потихоньку готовил себя, жену Наташу Медведеву и всех друзей к отъезду на историческую родину. Борьбу за паспорт Эдуард вел не без моего настырного участия, порой заходил ко мне на авеню Суффрен и слегка корил нас с женой за чудившуюся буржуазность.

— Да я тебе эту встречу с Саган на следующей неделе сделаю, — вдруг обнадежил Лимонов. — Никаких интервью Франсуаза теперь не дает и от вас, журналистов, бегаёт. Говоришь, прачечная? Типично в ее стиле. Дай-ка телефон. Я ей сначала сам позвоню.

— Но ты же не говоришь по-французски, — слегка подколот я Эдика.

— Мы с ней прекрасно находим общий язык и без этого вашего французского, — отрезал Лимонов, кото-

рый вовсе не был разгильдяем и слов на ветер никогда не бросал.

Если еще короче, то ни на какой не на следующей неделе, а через два дня, позвонив по выученному номеру телефону, я важно оставил послание для «прачечной от месье Лимонова». Саган мне перезвонила через пару минут и пригласила «заглянуть хоть сегодня, потому что завтра надолго уеду».

Сегодня не совсем входило в мои творческие планы, так как должен был играть в соревнованиях по настольному теннису, но и упустить единственный шанс поговорить со своим кумиром я никак не мог. Запихав тренировочный костюм, ракетки и прочее в сумку, я быстро добрался до дома Саган. Жила она, оказывается, недалеко, на авеню Ренн. Заранее успел составить список вопросов. Волновался. Я вообще за десятилетия занятий журналистикой не научился страшно переживать перед интервью. И если б Саган только знала, какого своего верного почитателя она пускала в дом. Ее «Здравствуй, грусть!» была моей настольной книгой, а «Немного солнца в холодной воде» заставляла здорового мужика чуть ли не плакать. И я прихватил эти книги с собой. Для меня автограф от Франсуазы Саган — что инструмент от Страдивари для скрипача.

Признаться, французский я пытался выучить, держа в руках оригинал «Грусти» и отличный русский перевод. Язык Саган не академичен,

кристально чист. Она пишет просто, но глубина таящегося за вроде бы нехитрыми строками неимоверна. Иногда ее обзывают «женской писательницей», но это также неверно, как назвать Бернса шотландским или даже английским поэтом. Они никакие не француженка и не британец — эти люди принадлежат всему нашему человеческому роду, как и Толстой с Чеховым.

Я и машину-то с трудом припарковал, так дрожали руки. Позвонил. Открыла сама мадам Франсуаза с кислым выражением на лице:

— Заходите. Тот самый русский от Эдуарда Лимонова? Вы что, друзья? Он так просил. Вот вам полчаса. Пишу новую книгу. И вы же знаете мои принципы? Я никогда не подвожу издателей и ни разу не нарушила ни единого срока сдачи, навязанного мне в договоре.

— А когда вы пишете?

— Да когда вы мне не мешаете. Но лучше всего убегать от вас ночами. Шесть-семь часов вашего здорового сна и моей светлой радости.

— Вам так легко пишется? — не удержался я.

— А вы — настоящий журналист, — разочарованно протянула она. — Как же может писаться легко? Разве что сочинителям детективов или этих статей в желтых газетах. Вы, наверное, мало что из моего читали. Зато наверняка больше обо мне.

Я понял, что ошибся в вопросе, а она невольно наступила на свою

«больную мозоль». Время от времени, но с каждым годом все чаще и чаще, пресса, и не только желтая, а, скорее, французская правая, жевала ее славное имя в связи с наркотиками. Она старалась доказать, что употребляет их, как лекарства, чтобы заглушить страшные боли. Еще в 22, напившись до чертиков, писательница попала в аварию, после которой ее собрали по кусочкам, да и вытащили с того света только потому, что она уже в 19 лет стала «Великой Саган». С тех пор, по версии, и мне тоже мадам Саган еще раз подтвержденной, она и привыкла к болеутоляющим.

Можно ли отнести к ним кокаин, на употреблении и даже хранении которого ее поймала полиция, бдительно не сводящая взора с национальной французской гордости? Однажды только президент Франции и личный друг Франсуа Миттеран, уже смертельно больной раком, сумел непонятным образом и вопреки всем законам отменить год тюрьмы и огромный штраф, к которому ее приговорили. А не будь Мити-Миттерна, не помогла бы и вселенская слава.

— Убранство кабинета удивляло скромностью. Точнее, никакого убранства и не было. Всюду бумага, книги, два потертых, хотя относительно удобных кресла и нечто вроде софы или дивана. Если в этой комнате кто-то убирался, то не сама писательница. Гениям далеко от мирских забот.

— Саган нахохлилась. Вот уж кто не приоделся и не поднакрасился

ради прихода иностранного гостя. Одета моя собеседница была совсем небрежно. Но не нарочито, вот, мол, я какая, а привычно — обыденно. Все не модное. Простенькая кофточка, мятые брючки непонятного фасона или потерявшие фасон за давностью лет. Обычно француженки такого себе не позволяют. Ее вид выражал полное и неподдельное безразличие к визитеру. Однако не ради же меня, залетного, было менять Саган свой обычный стиль, которым она многих отпугивала, а меня — притягивала.

— Я сидел в кресле за маленьким столиком, а «гениальность», сбросив нечто вроде далеко не новых шлепанцев или бесформенных плоских стоптанных туфель, устроилась на диванчике рядом.

— Спросил, почему она не вступила в Академию бессмертных. Возглавлял ее одно время Анри Базен, к тому времени уже ушедший, но которого я хорошо знал до кончины. Ведь на академиков уголовные преследования не распространяются.

— Вы, правда, думаете, что я могу вот так сшить камзол, сесть с ними, тихо подчиняться? Попасть туда — что потерять свободу, — возмутилась Саган.

Разговор как-то не клеился. На вопросы отвечала стандартными скучными фразами, прямо как из главы учебника о себе, о Саган. «Боже, какая она великая и односложная», — подумал я. Прошло минут двадцать,



и мадам пару раз совсем не украдкой бросила взгляд на часы, стоящие на большом столе, заваленном кипами не разобранных, годами скапливающихся бумаг. Аудиенция, спасибо, Эдик, подходила к концу. Я вполне успевал на свой настольный теннис, да и для газеты материала в принципе хватало. Сам факт разговора с Саган уже кое-что значил. Попросил разрешения сфотографировать ее для статьи, получил милое разрешение и неожиданное:

— Фотографируйте, фотографируйте, все равно ничего не получится.

— Почему же? — не понял я.

— Я плохо выхожу. А в последние годы все хуже и хуже. — Она даже не поправила редких своих волос и вдруг, ну ни с того ни с сего, бросила: — А как вы относитесь к винам Луары?

Пришлось показывать свою осведомленность и бормотать нечто о «Бордо» с «Божоле»...

— Что вы понимаете во французских винах! — резко и безапелляционно прервала она меня.

Не хотел я вот так запросто сдаваться, стал объяснять, что даже вступил в международный Клуб писателей и журналистов, пишущих о вине, объездил все заповедные места от Реймса до Бордо со Страсбургом... А вот о винах из Луары я не знал, Саган, оказывается, тоже. Но сейчас ей прислали на пробу лучшие марки, и я видел, что ей просто хочется выпить.

— Бросьте вы все эти наши традиции, — ухмыльнулась Саган. — вспомните еще о «Вдове Клико». Учитесь пробовать и испытывать новое.

Быстро и без моей помощи умело, в две секунды, она открыла бутылку, разлила вино по здоровенным фужерам и мгновенно опрокинула свой. Ну а разве я не должен был играть русского рубаху-парня? Бутылку без особых разговоров и всяких тостов поглотили мгновенно. Ничем не закусывали, что противоречило всем парижским законам. Франсуазе Саган на них было глубоко наплевать. На низеньком столике стояла пустая розеточка с орешками, где на дне я нащупал пару приторно сладких изюминок. Не зря Лимонов предупреждал, что общаться с Саган будет тяжело. Но не настолько же...

— Видите, а вы сомневались в замках Луары. И президент, когда заезжает ко мне, тоже усаживается в это кресло, где сидите вы, и дегустирует разные напитки, не только это их «Бордо».

Когда заговорили о президенте Миттеране, она оживилась. Оказывается, ее друг жил рядом с собором Парижской Богоматери и в пяти минутах ходьбы от писательницы. Я спросил что-то вроде: «Вы с ним на «ты»?» Мадам Франсуаза не захотела отвечать на этот вопрос.

— Вы дружите с Миттераном? — осведомился я, чтобы сбить добирающуюся и до меня ее злобную волну.

— Видимо. И уже долгие годы. Он не предает и не бросает людей. А в нашу застывшую французскую кровь влил новую. Разрешил почувствовать вкус настоящей жизни всем, кто

хотел приехать сюда из Африки. Во время войны бился с фашистами, сейчас старается превратить страну в по-настоящему свободную. Он независим: никогда ничего не брал у этих, от нас далеких (Намек на США? Не знаю, может — *Н.Д.*). Там это многим не нравится. Но и здесь, у нас, ради которых все и делается, тоже. Они даже меня хотят разорить.

— Это как? — вот уж совсем не понял я.

— Я приношу огромные прибыли. Сколько я написала романов?

— По-моему, 15.

— Скоро будет 20 (точнее 22 — проверил — *Н.Д.*). И все издаются. Я никогда не писала просто так, для себя или для кучки критиков. Но даже этим эстетам я не даю томиться безработицей. И что?

— И что?

— Меня обложили данью, которую у нас не платит никто. Это сверхналоги, 70 процентов у меня отнимают. Я вся в долгах.

Сколько же она курила. И как быстро пила. Я искренне считаю, что творческий человек не может быть без причуд, без слабостей, и если останется прямым, как столб, ничего не сможет создать.

Разговор пошел веселее.

— А вы правда предпочитаете вино из Луары?

— Да, нет, — честно и не задумываясь, призналась Саган, затягиваясь очередной сигареткой. — Просто мне привезли три бутылки. Хотелось

попробовать. И не верьте всем этим слухам. Все эти наскоки на меня, все обвинения — это их ответ на то, что я всегда и во всех компаниях поддерживаю Миттерана, если не левых, то людей, взгляды которых отличаются от убогих, консервативных. И мне тошно от этих, со своими шато (замками — *Н.Д.*), богатствами и персидскими коврами.

— Ваш коврик у двери затерт до блеска, — заметил я.

— На него ступали достойные люди. И им плевать, обо что вытирать ноги. Только не об меня. Ни у кого еще этого не получалось. Саган помолчала и вдруг призналась:

— А недавно у меня украли портмоне.

— Кто осмелился? Вас же наверняка узнают.

— Этот парень в лифте не узнал. И еще чуть не изнасиловал.

Я удивился — неужели ее не узнали? Она ответила, что обычно ей трудно пройти по улице, все узнают, да еще и просят автограф, но этот не узнал, с трудом вырвалась от него в лифте. И едким нюхом, как юркий следователь, почуяла мое недоверие:

— Если человек выпил, он может говорить все что угодно, даже правду. И как раз-то в этот момент ему все равно плохо верят.

— Да я верю, — абсолютно честно заверил я ее.

— А в портмоне были мои карточки и паспорт. Ладно, с карточками, я их

восстановила. Но я ехала как раз в ваше посольство. Меня пригласили: с русскими у меня всегда были хорошие отношения. Тиражи невероятные. Секретарь из посольства обещал выдать визу, как только будет паспорт. Но я куда-то там уже опоздала.

Тут я заметил, что уже незаметно наступил вечер. Она рассказывала о сыне, с которым то ссорится, то снова мирится. Жаловалась, что ее объявили плохой матерью, бросившей единственного ребенка на произвол судьбы. Но она же сидела с ним до семи лет, оставив потом на надежную няню. Да, играет в казино. Но это дает разрядку. Иногда хорошо промчаться ночью на машине по пустой трассе. Скорость тоже прибавляет вдохновения. Кто там мой любимый французский писатель? Вы что-то говорили о Дрюоне?

— О Базене и Бессоне, — поправил я, сразу почуяв ее очередной подкол.

— Бессон? Читала только его статьи. Он, возможно, способный мальчик. Наверное, и Базен с его семейными картинками тоже хорош. Литература тем и прекрасна, что каждый оценивает ее по-своему, и все ценители могут считать себя большими знатоками.

Она открывала третью бутылку, называла меня уже не месье, а на «ты» и Николая. Прорвалась откровенность. Рассказала об отце, который ее не понимал, но в то же время именно он прирастил ее к заняти-

ям литературой. Вспомнила, как уходили от нее мужа и другие любимые мужчины — я понял, что личная жизнь у нее, увы, не сложилась, — как тяжело для нее бремя славы...

— Вы не подпишите мне книги? — попросил я, протягивая «Немного солнца...» и «Любите ли вы Брамса?»

— Я больше не люблю Брамса, — затаившись, призналась Саган. — Нет, читайте так, без посвящения. — Но все же, глянув на меня мельком, все поняла и написала два посвящения — длинное и короткое, пожелав в длинном продолжить знакомство в Москве — до встречи, месье Николая.

Да, вино из Луары было поглощено не зря.

Была ранняя весна. Она вышла провожать меня в своих тапочках на босу ногу, и я помню, что даже смотреть на нее в тоненькой кофтенке было холодно. Мы еще о чем-то говорили. Пока я искал, где припаркована моя корпунктовская машина, Саган настойчиво твердила: подвезу на своей, огромной. Я отказывался, потому что в багажнике моей лежал спортивный рюкзак с формой и ракетками. А она настаивала. Неожиданно, вместо того чтобы сесть за руль своего роскошного авто, устроилась на капоте моего корпунктовского «вольво», и я подумал, что и не продавит, легка как птичка. Она и запомнилась мне птичкой. Села — и улетела. Навсегда. А вскоре и насовсем.

Хватило соображения оставить машину. Я добрался домой, не со-

всем помню как, оставив спортивную сумку в багажнике.

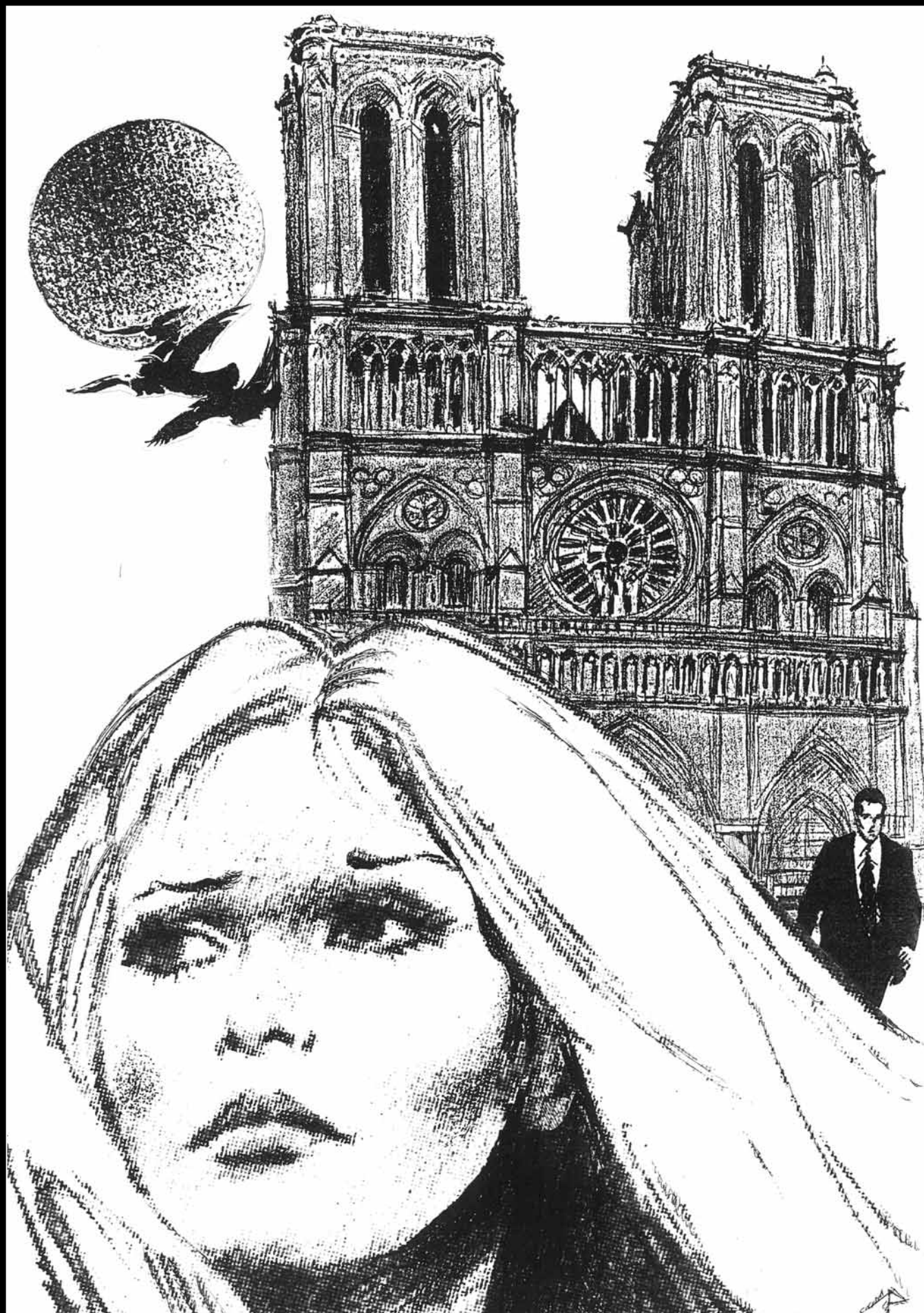
— Где вещи? Как сыграл? Лимон звонил, просил перезвонить, как интервью, — встретила меня жена вопросами, но я только махнул рукой — мол, все завтра.

Утром сходил за машиной. Просрочил время стоянки, и на стекло налепили квитанцию на штраф, который по совету друзей, какими же мы были нищими, платить не стал: приближалась амнистия президента для мелких и безобидных нарушителей. Надо же, Миттеран преследовал меня и в доме Саган, и после. Но амнистию он действительно объявил.

Отдал фотопленку в проявку профессионалам: ни одной, ну, ни единой приличной фотографии не получилось. И еще, то ли был уже после первой бутылки не в форме, то ли от волнения, не на то нажал, и на диктофоне записалась только одна, первая часть кассеты.

А Саган меня не обманывала. Лучшую французскую писательницу действительно разорили налогами. Последние годы она жила уже не в Париже, а в провинции, там воздух для больных легких был чище.

Сыну Дени она оставила наследство 400 тысяч евро долга, миру — свои книги. Сейчас их называют бестселлерами. Знала бы об этом Саган: как чистая француженка Франсуаза терпеть не могла «американизмов»... □



«Раз, два, три, четыре, пять — Я ИДУ ИСКАТЬ...»

**Алена Румянцева
Неделей ранее**

В Москву, наконец, пришла весна.

Как-то Андрей позвонил ей, и его сообщение, сделанное обыденным тоном, повергло Алену в дрожь, потому что сказал он следующее: «У меня все готово. На следующей твоей встрече с ним можем действовать».

Потом они с Андреем увиделись — все в той же конспиративной квартире в панельном доме на Сретенке — и обговорили детали.

— «Левые» паспорта на тебя и на меня я достал, — начал Андрей. — Сделаны хорошо, комар носа не подточит. Ты улетишь из страны в ту же ночь. Билет возьмешь заранее. Твою новую фамилию и номер паспорта я тебе скажу.

— А ты?

— Мне придется остаться, потому что надо реализовать краденое. Барыгу, что купит у меня товар, я нашел. Но нужно время, чтобы все оценить, превратить в наличные, а нал затем перевести на наши с тобой счета. Сколько времени понадобится, я не знаю. Три-четыре дня, может, неделя. Зашухарюсь в Москве на эту пору, потом к тебе присоединюсь. А теперь давай пройдемся по деталям. Вы встретитесь с ним где-то в городе, так? Куда-то пойдете?

— Как всегда.

Окончание. Начало в №2, 2021.

— Надо, чтобы он припарковался где-то в тихом, безлюдном месте, тогда я смогу незаметно проникнуть в его машину. Жаль, сейчас поздно темнеет, поэтому желательно встать где-нибудь на подземной парковке.

— Не я определяю, где ему парковаться, — заартачилась Алена. — Как я могу ему диктовать, где оставлять машину?

— Значит, придумай что-нибудь. Он провинциал, Москву плохо знает. Предложи, я не знаю, какой-нибудь ресторан, чтобы рядом с ним подземная стоянка была. Убеди.

— Подземные парковки есть только на окраинах, — продолжала упрямыться она. — Во всяких «Мегах» да «Леруа Мерленах». А мы туда не ездим.

— Ишь ты, какая крутая да козырная! — усмехнулся Андрей. — «Не ездим!» В центре тоже, между прочим, подземных паркингов полно. Тебе перечислить, или сама поищешь, в Интернет заглянешь?

— Ладно, я постараюсь что-нибудь придумать. Но не обещаю.

— Не придумаешь сходу — мы не спешим, отложим на время. Далее. Ты, когда станешь встречаться с ним, должна будешь сообщить мне, где точно стоит в этот момент его тачка.

— Как я при нем смогу сообщить?

— Всему тебя учить надо! Выйдешь в туалет — сбросишь мне «эсэмэску». Я подскачу туда, осмотрюсь, дам тебе знать: работаем или нет. Если да, ты должна будешь в момент посадки в машину отвлечь его внимание.

До самого последнего момента ей казалось, что идет какая-то игра, что все не всерьез, понарошку. И лишь только потом, когда Ворсятов заорал от боли... Когда Андрей распахнул блестящий драгоценностями сейф... Но нет, тогда ощущение нереальности происходящего не прошло. Просто появилось немного другое чувство: что возврата нет, и отыграть ситуацию назад, отмотать пленку — невозможно.

А началась игра всерьез, когда однажды вечером Ворсятов позвонил и властно распорядился — судя по кваканью в трубке он звонил издалека, из своего Сольска:

— Встретимся завтра, в шесть вечера.

Возражать она не стала, лишь переспросила:

— На нашем месте?

Да-да, у них успело появиться «свое место», очень демократичное, если вдуматься. Она брала кофе или чай в картонном стаканчике и занимала позицию на веранде «Макдональдса» на Пушкинской. Ворсятов проезжал мимо на своей роскошной тачке по Большой Бронной — если имелось место, парковался, либо останавливался во втором ряду с «аварийкой». Мешал всем, но ему это было по барабану — хозяин жизни. Потом звонил ей с места, и она, подбегая к нему, садилась в «мерс».

— Да. Жди, — бросил он.

Очень удачно, что в тот день, когда он позвонил, Алена в своем салоне была выходная. Сидела дома, нежилась в ванной. Муж Зюзин был на работе, обслуживал очередной загородный коттедж. После звонка Михаила Владимировича она тут же перезвонила Андрею, обрисовала диспозицию.

— Действуем, — деловито откликнулся тот. — Давай, бери авиабилет на завтра, на час-два ночи. Куда-нибудь в Азию. Где виза не нужна, естественно. — И он продиктовал номер ее нового паспорта и на какую фамилию он значился. Корзухина Марина Геннадьевна. Вот, значит, кем она теперь будет. Восемьдесят второго года рождения. Молодец Андрей, убавил ей два года.

И в этот момент у Алены вдруг первый раз тоскливо сжалось сердце. Что получается? Она отсюда завтра выйдет — и не вернется? И никогда не увидит этой своей «однушки» в Марьино, которую когда-то они с Зюзиным выбирали, а потом любовно обставляли и с трудом, скрипя, выплачивали и продолжали платить ипотеку? И некогда любимого Женика (Зюзина, значит) она тоже никогда не увидит? Он завтра приедет с работы домой — а ее нет, и он даже ничего знать про нее не будет? Не будет, ни в коем случае не будет — таково обязательное условие Андрея, и она собиралась его неукоснительно исполнять.

Да, она собиралась его слушаться — но не во всем. Точнее, внутренний голос подсказывал ей подстраховаться. Поэтому, как только Алена узнала, на чье имя будет ее новый документ, она позвонила в Черногрязск своему брату, который служил в местной полиции. К нынешним временам брат дослужился аж до майора, заместителя начальника отдела. Алена не часто ему звонила, на Новый год да в день рождения поздравляла. Тепла и любви между ними никогда не было.

Брательник на звонок ответил, правда, весьма нетрезвым голосом. Она наплела ему «сорок бочек арестантов». Сказала, что Зюзин намеревается бизнес делать с одной особой — а ей, Алене, эта фря подозрительна. Не пробьет ли брательник ее по своим каналам, может, за ней уголовщина какая числится? И продиктовала ему новые свои фамилию-имя-отчество, дату рождения и номер загранпаспорта.

А потом забронировала себе билет на самолет. Самым поздним из Шереметьева и самым дешевым оказался рейс в Тель-Авив, отправление в час тридцать ночи, стоит восемь тысяч. Пусть Израиль далеко не Юго-Восточная Азия, службы безопасности там, говорят, очень хороши, зато она знала: людей оттуда в Россию выдают со скрипом. К тому же из тамошнего аэропорта Бен-Гурион, она специально посмотрела, прямые рейсы по всему миру летят. Хочешь, в Аргентину, а хочешь, на Филиппины.

И настроение ее вдруг резко переменялось. Снова захотелось того, о чем ей мечталось — свободы, свободы, свободы!

На следующее утро Зюзин снова уехал на работу, и она начала собираться.

С Андреем они заранее проговорили все детали операции. Рекогносцировку местности Андрей уже провел, сегодня настало время подготовительных работ. Он отправился на своем «лексусе» в Суворино. Не доезжая поселка, загнал машину в лес неподалеку от пожарных ворот, пешком вернулся на трассу, маршруткой возвратился в Мытищи, а затем электричкой в столицу. И стал ждать сигнала от Алены.

Она собрала вещи и, покинув квартиру, поехала на метро от «Марьино» до «Чеховской». Выйдя на улицу, она почувствовала, что ее бросает то в жар, то в холод. Когда Ворсятов подрулил на своем «мерсе» по Большой Бронной к «Макдональдсу», ей захотелось убежать и никогда больше его не видеть.

— Поедем сразу ко мне, — предложил он.

— Нет, Мишенька, давай поедем куда-нибудь перекусить. Такая погода чудная, посидим на террасе, на открытом воздухе. Знаешь, куда я хочу? Ресторан «Москва под ногами», на сорок третьем этаже, вся столица как на ладони. Поедем, а?

— Ну, поехали, — снисходительно бросил он.

Про «Москву под ногами» и подземную парковку при ресторане она сегодня нарыла в Интернете.

Пока ехали, сердце вернулось на место — любовник ни о чем не догадывался. На подземной парковке она сказала ему: «Езжай туда, где меньше машин». Он хохотнул: «Зачем это?» «После ужина увидишь».

Кажется, все шло по плану. Едва принесли заказ, Алена поднялась и отправилась в туалет. Там отбила «эсэмэску» Андрею: «Торговый центр Варяг-плаза, третий уровень парковки, место А-3. Минут через сорок».

Теперь Андрей на арендованной на пару дней машине заедет внутрь парковки, постарается остановиться ближе к губернаторскому «мерсу» и будет ждать, пока они придут. И тут ей придется разыграть пароксизм страсти.

Когда они вернулись с Ворсятовым из ресторана к его машине, она крепко обняла его, спрятав его голову на своей груди и краем глаза увидела, как Андрей скользнул в багажник. Слава богу, первая часть задуманного выполнена.

Дальше все шло, как по писаному. Сначала выпивка, потом спальня. А потом в комнате появился Андрей в маске. Лицо Ворсятова скривилось и стало каким-то испуганным, даже жалким, когда он увидел грабителя. Он сразу все понял и, как ей показалось, готов был сдать драгоценности даже безо всяких пыток.

Когда Андрей открыл сейф, в глаза полыхнуло сверкание золота и драгоценных камней. Он достал из кармана и протянул Алене ампулу и запечатанный шприц. Она вскрыла шприц, сломала головку ампулы, набрала дозу. Губернатор продолжал с ужасом смотреть на них — он думал, что это смертельная инъекция. «Не бойся, — ласково проговорила Алена, — просто хорошо выписься», — и уколола его в бедро. Спустя минуту Ворсятов спал.

— Сними с него наручники, — попросила она Андрея, который уже сдернул с лица маску.

— Надо ли? — весело откликнулся поделщик.

— Сними! — повторила она.

— Ладно-ладно, — отщелкнул он руки Михаила Владимировича, который лежал тихо, навзничь, и спал глубоким сном.

Алена с Андреем заглянули в сейф. Помимо драгоценностей и золотых часов там лежали три пачки денег, аккуратно разложенных по валютам и перетянутых резинками. Рубли Андрей взял себе, сказав: «Пригодятся, пока я тут тусуюсь». Доллары и евро поделил на две примерно равные части, протянул девушке ее долю. Получалось, на первый взгляд, тысяча по двадцать в европейских и американских деньгах. Она сунула валюту в сумочку.

— Еще возьми себе, как приз, — протянул ей Андрей кольцо с рубином и браслет, усыпанный драгоценностями. — Да надень на себя, когда сегодня будешь границу пересекать. Может, пригодится, когда ждать меня за кордоном будешь. Ты куда, кстати, летишь?

— В Тель-Авив.

— Ну, ты и дура!

— Почему?!

— Потому что Израиль — это тебе не Таиланд или Камбоджа. Это государство правовое, и службы безопасности там мощные.

— Зато оттуда в Россию выдачи нет.

— Смотри, как знаешь. Только я туда не полечу, встретимся в Азии или Южной Америке.

Всю остальную, сверкающую и переливающуюся, гору ценностей Андрей небрежно побросал в кожаную сумку — получилось немного, около килограмма.

— А это еще что? — спросил он, увидев в углу сейфа три флеш-карты. — На, положи к себе в сумочку. Потом, когда встретимся, разберемся. Может, там информация какая важная. Шантажнем кого, когда все успокоится. Проверь, ничего мы тут не оставили, и пошли.

Губернатор мирно спал. Грабители спустились по лестнице в гараж, и Андрей уселся за руль «мерседеса». Ворсятов оставил в машине брелок,

на котором болтались кнопка спутниковой сигнализации, пульт открытия гаража и ворот особняка.

Они выехали на территорию поселка. Все было тихо. Ни единого прохожего, ни одной машины. Андрей достал из кармана от руки нарисованную схему и пробормотал: «Направо, третья улица налево, до конца, налево».

Они оставили машину на обочине. Впереди, в перспективе улицы, виднелись решетчатые пожарные ворота, наглухо заваренные электросваркой, а за ними — лес. И тут Алену, можно сказать, накрыло — во второй раз за сегодняшний день. Но на этот раз не от страха, как в первый раз, а от осознания того, что они только что совершили. Ей показалось, что она вляпалась в нечто настолько грязное, что ей не отмыться теперь до конца жизни.

Она вышла из «мерса» и побрела за Андреем к воротам. Тот достал из сумки «болгарку». Резкий звук ударил по нервам. Из-под диска полетели искры, уже заметные в сгущающейся тьме. Андрей отшвырнул перепиленный штырь и скомандовал: «Вперед!»

Через три минуты они сидели в «лексусе», оставленном здесь Андреем. И тут в ее сумочке зазвонил телефон. Алена глянула на определитель — брат из Черногрязска — и нажала на кнопку приема.

— Ну, ты и попала, — проговорил брат хриплым с похмелья голосом.

— А что случилось?

— Скажи своему Зюзину, чтобы с той тетей дел никаких не имел. — В розыске Корзухина Марина Геннадьевна числится. Фамилия ее в стоп-листе. Поняла?

Алена нажала на «отбой» и кинула взгляд на Андрея: услышал ли он их диалог? Но тот был, казалось, всецело увлечен дорогой, спросил только: «Что случилось?»

— Брательник из Черногрязска звонил. Жена его тяжело заболела, невестка моя, есть подозрение на инсульт.

Он хмыкнул.

— Ну, тебе-то это теперь все равно, — хмыкнул Андрей.

— Я тоже так думаю, — проговорила она. И добавила твердым тоном: — Дай мне мой новый паспорт.

Шаев залез во внутренний карман куртки, протянул ей «ксиву». Она открыла: действительно Марина Геннадьевна Корзухина, год рождения восемьдесят второй. Теперь мысли Алены заработали хладнокровно, быстро и четко. «Сказать Андрею? Нет, ни в коем случае. А, может, он сам не знает? Его самого подставили? Дали «липовый» документ втайне от него? Но ведь Андрей служит в полиции, значит, он мог десять раз проверить новую «ксиву». И наверняка проверил. Значит, тогда — что? Тогда с его стороны — это подстава. Через пару часов она предъявит новый паспорт на границе, и ее,

вместе с пачкой ворованной валюты и браслетиком, враз повяжут. Начнется следствие, и ее быстро признают виновной. А если станут допрашивать — она, конечно, сдаст Андрея. Хотя ему-то что? Под чужим именем и с кучей награбленного он спокойно подается в бега. И с ней ему делиться будет не нужно. И никакой совместной жизни у них не будет. Ни у теплого моря, ни где-нибудь еще. Шаев просто подставил ее. Использовал. А теперь решил хладнокровно сдать».

Глаза ее наполнились слезами.

«Не плакать! Ни в коем случае не плакать! Надо не раскисать, а думать, как выходить из положения. Как спастись».

Андрей вырулил с лесной дороги на трассу и ехал к Москве.

— В аэропорту «светиться» не буду, — бросил он. — Аэропорт — режимная зона, камер полно. Выброшу тебя на Белорусской, а дальше ты сама добирайся на «экспрессе».

Она не ответила. Положение ее было отчаянным. Через пару часов губернатор проснется, и Алену Румянцеву станут разыскивать за разбой и грабеж. Фейковый паспорт на имя Корзухиной, что лежит в ее сумочке, — также числится в розыске. И что ей теперь делать?

Павел Синичкин

По Сольску я решил передвигаться на своих двоих. Сольск — город, по столичным меркам, маленький — около двухсот тысяч населения. Да и нужные мне точки — в центре, в шаговой доступности.

Около десяти утра я вышел из квартиры тихого алкоголика Александра Степановича на бульвар Радищева. И немедленно, как по заказу, мой мобильник зазвонил.

— Как ты, Пашенька? — спросил меня с искренним участием Валерий Петрович.

— Все прекрасно. Я на месте. Доехал, устроился. Все хорошо.

— Отличненько! Слушай, я тут размышляю на досуге над нашим с тобой дельцем, поэтому хочу, чтобы ты узнал у твоего заказчика следующее. Специально его не выспрашивай, но осведомись при случае, ладно? — Ходасевич высказал свою просьбу, и я пообещал, что по возможности выполню ее. — Удачи тебе, Паша. Держи меня в курсе всех своих дел, — попрощался полковник.

На карте Сольска в телефоне я отметил нужные мне точки, проложил пешеходный маршрут. Получилось недалеко. Я вышел на проспект Мичурина, который вывел меня к реке. Вдоль вяло ремонтируемой набережной

тянулась дорога, и по ней время от времени проезжали автомобили. Двухэтажные домики по обе стороны реки были в основном вековой постройки, похоже, бывшие купеческие, среди которых возвышались два современных здания. На одном, более уродливом, значилось: «СПЛАВ». И чуть ниже: «Автосервис — Шиномонтаж — Мойка». Предприятие «Сплав», как я помнил из файлов Римки, ранее принадлежало Владу Соснихину (а теперь было переписано на имя его жены). Второе здание выглядело более приятно, и называлось оно «ЛОТОС». Фирма «Лотос» была в собственности, как я знал, супруги Влада — Ольги Евгеньевны. Туда я и отправился.

Девушка за стойкой вся залучилась мне навстречу: «Здравствуйте!» Чтобы не породить в сотруднице ложных иллюзий, я хмуро спросил: «Ольга Евгеньевна у себя?» Девушка немедленно потухла: «А кто ее спрашивает?» Я протянул ей свою визитку — детективное агентство «ПАВЕЛ», Москва. Она сняла трубку, нажала клавишу и что-то зашептала. Потом осмотрела меня с нескрываемым любопытством — как же, ведь ей надо будет доложить вечером подружкам, что к Хозяйке (или как там они ее меж собой называют) приходил сегодня частный сыщик из столицы — и описать, как он (то есть я) выглядел.

Потом девушка провела меня по коридору. Коридор был украшен фотографиями накачанных мужчин и стройных девушек в спортивной одежде, в неестественных позах, с напряженными взглядами. Фото были подписаны афоризмами на спортивные темы: «Движение — это жизнь», «Гимнастика удлиняет молодость человека» и прочими, столь же высокопарными. Мы прошагали мимо табличек «Мужская раздевалка», «Женская раздевалка», «VIP-раздевалка» и, наконец, вошли в комнату без наименования и номера. В небольшом кабинете размещалась за столом усталая женщина со следами былой красоты и многочисленных попыток ее, эту ускользящую красоту, сберечь. Борьба, как я заметил, шла с переменным успехом: с одной стороны, ни единой морщинки, и кожа гладкая, как у младенца. С другой — не до конца закрывающиеся глаза и чересчур пухлые губы. Стройная, как у девочки, фигура сочеталась с тусклым, усталым взглядом.

Стены кабинета были украшены разнообразными дипломами и среди них — единственной фотографией, на которой были изображены четверо: двое мужчин и две женщины в заграничных интерьерах. Первого мужчину я опознал без труда: это был губернатор Ворсятов. Второй позавчера представлял на меня «пушку» в автомобиле на лесной дороге — Влад Соснихин. Женщину рядом с моим заказчиком я никогда ранее не видел — вероятно, это губернаторская супруга. А четвертая персона — та, что застыла подле Влада — сидела сейчас передо мной.

На столе у нее стояла еще одна фотография в рамке: она, Влад и юноша лет шестнадцати. Семья.

Я протянул даме свою визитку.

— Что вам здесь надо? — устремила она на меня строгий взгляд.

— Я мужа вашего разыскиваю.

— А кто вам сказал, что его надо разыскивать?

— Вы давно его видели?

Что-то дрогнуло в лице моей собеседницы, тон ее слегка изменился, стал менее жестким, и она переспросила:

— Кто вас нанял? На кого вы работаете?

Я подумал, что не будет большого нарушения этики, если я скажу ей правду, и признался:

— Ворсятов.

Она указала мне стул и сказала:

— Садитесь.

— Я на ваш вопрос ответил, — продолжил я. — Теперь ваш черед.

— А что вас интересует? Когда я видела Влада? Мы не живем вместе, к сожалению, довольно давно, чтобы вы знали. Только делаем вид перед сыном. Хотя он мальчик взрослый, сам все понимает, и давно пора нам было ему признаться.

— У вашего мужа есть женщина на стороне?

— А вы как думаете?

— Влад мужчина видный, brutальный, и да, я полагаю, что у него кто-то есть.

— Я тоже, между прочим, не одинока, — с вызовом заметила она.

— Я рад за вас. Но что случилось за последнюю неделю? Вы лучше всех, наверное, знаете Влада. Что с ним происходит? Что он задумал? Что он творит?

— Он — «творит»? А тебе не кажется, сыщик, что это Ворсятов решил Влада сжить со света? Да проще скажу: это он его «заказал», и Влада, может, просто больше нет на свете!

Я не стал говорить, что не далее как позавчера видел Влада на лесной дороге под Москвой, и что, если губернатор «заказал» Соснихина — зачем ему тогда тратить деньги, подряжать меня искать его? Мне гораздо важнее было уяснить другое, поэтому я не стал спорить, но спросил:

— Что, между Ворсятовым и Владом в последнее время пробежала какая-то кошка?

— Так я тебе все сейчас и расскажу, — усмехнулась Ольга Евгеньевна.

— И все-таки, вы знаете, что Влад задумал?

— Нет, — покачала она головой, и мне показалось, что она не лгала.

— А почему Влад несколько месяцев назад переписал на вас все свои предприятия?

— Я не знаю. Он только сказал: так надо. А я приучена с ним не спорить, все равно толку нет.

Тут у меня в кармане зазвонил мобильный. Так как крайне ограниченное количество людей знало номер и могло тревожить меня — Римка, Валерий Петрович и теперь Зоя, — я немедленно ответил. Но я ошибся — это звонил мой квартирный хозяин в Сольске — мой номер отпечатался у него, когда я вчера вечером договаривался о постое. Он был до крайности возбужден.

— Паша! Помнишь, я тебе говорил про девчонку, которая когда-то с Ворсятовым и Соснихиным вместе училась? Я поговорил с ней и договорился! Она готова с тобой встретиться! Прямо сейчас! Приходи ко мне! Немедленно!

— Извините, — ответил я в трубку, — я сейчас очень занят. Подождите немного, пожалуйста, через полчаса я к вам подскочу, — и нажал «отбой».

Ольга Евгеньевна глянула на меня с любопытством, усмехнулась и проговорила со значением:

— Влад с Михаилом Владимировичем далеко не единожды одну девочку делили. И даже не дважды.

— Вы имеете в виду себя? — довольно нагло спросил я — а что мне было терять?

Она откинула голову и залилась ненатуральным хохотом. А, отсмеявшись, печально проговорила:

— У Влада столько власти и силы, что никакой губернатор с ним не потягается. Я имею в виду, что Влад, в смысле того впечатления, что он производит на женщин, любого Ворсятова десять раз за пояс заткнет. Ладно, сыскарь, — махнула она рукой, — тебя позвали, тебя ждут. Давай, уматывай!

И я умотал.

Через двадцать минут был уже во дворе, где стояла моя машина и где ждали меня возбужденный Александр Степанович и женщина лет тридцати семи. В отличие от моей предыдущей собеседницы, эта нисколько не боролась с возрастом — да и средств у нее, судя по одежде и обуви, имелось немного. Но при этом выглядела она значительно лучше богатенькой Ольги Евгеньевны Соснихиной: светлое, чистое, красивое лицо, огромная копна волнистых темно-русых волос, а в уголках глаз притаился неуловимый бесенок.

— Вот, — представил ее мой квартирный хозяин, — Василиса Семеновна Образцова. Она с Ворсятовым и Соснихиным вместе училась, а сейчас в той же школе работает учительницей в начальных классах. А это Павел, частный сыщик из Москвы, — с важностью представил он меня.

— Пойдемте, — предложил я, — посидим где-нибудь в кафе. Я угощаю. Но женщина категорически отказалась:

— Мне неудобно будет, ходят там все, видят, слушают. Давайте лучше здесь посидим, во дворе. К тому же погода хорошая.

Мы присели на лавочку под сенью лип, и Василиса спросила:

— Ну и зачем я вам вдруг понадобилась?

Я выдавил, что ищу Влада, и спросил, не может ли моя собеседница пролить свет на его натуру и характер.

— Я с Владом с первого класса училась, — начала она.

— А с Ворсятовым? — перебил я.

— И с ним тоже.

— Они ладили?

— Дружба-вражда, так это, кажется, называется? Ревнивое и уважительное соперничество.

— А кто побеждал?

— Они совсем разные были. И каждый в своей сфере очки набирал. Хотя оба по-своему лидеры.

— Влад утверждал себя с помощью кулака, а Михаил — интеллекта?

— Не так все просто, — нахмурилась Василиса. — Да, в начальных классах все примерно было так, как вы обрисовали. Ворсятов был, как говорят сейчас, «ботаником», из хорошей семьи, всегда учился на «отлично». Влад же другим брал — силой, ловкостью, хитростью. А что вы хотите, из неполной семьи, мама — посудомойка. Хотя при этом одарен чрезвычайно, все на лету схватывал. В классе восьмом Ворсятов вдруг пошел в качалку, карате стал заниматься. Короче, он себя прилично подготовил. И классу к десятому сам мог за себя постоять, ни к какой помощи Влада не прибегая. А Влад, в свою очередь, к знаниям тянулся. И, хоть хватал по верхам — мозг и чутье были звериные, так что десятилетку, хоть и с тройками, он окончил.

— Итак, вы окончили школу. Что дальше было?

— Ворсятов сразу в вуз поступил, наш, здешний, финансово-экономический. А Влад, хоть и мог по части знаний на студенческий билет претендовать, штурмовать эти редуты отказался. Типа, охота была время терять, когда сама жизнь столько возможностей предоставляет. Но его после школы сразу в армию забрали. Поэтому насчет бизнеса Мишка его опередил. Он ведь, параллельно с учебой, сразу начал шустрить. Мотался по городу, по области — ваучеры скупал, где за бутылку, где за денежку малую и разным директорам предприятий их перепродавал, которые вовремя поняли, куда ветер дует, и какие возможности открываются. Потом, говорят, целый вагон оргтехники из Китая пригнал. Важный стал, «бээмвуху» ему

из Германии пригнали, гонял тут на ней, пока не разбил в ноль. А с года с девяносто третьего Мишаня совсем цивильным стал, галстучек надел, в банк пошел работать. Институт не бросил, на вечерний перевелся.

— А Влад?

— Влад, как с армии пришел, начал наверстывать упущенное. Разное про него говорили, что он, типа, чуть не руководитель местной бандитской группировки, рэкет, «крышевание», все дела. А людям он помогал, это точно, особенно хорошо знакомым или родственникам — по первому зову.

— Прямо Робин Гуд, — усмехнулся я.

— Да, именно так вроде бы его группировку называли. А теперь так его охранная фирма именуется.

— Неужели ни разу между ним и Ворсятовым никакая кошка не пробегала?

— Сама я подробностей не знаю, но говорили, что у Влада девушка была, они даже жениться собирались. А потом она пропала — и больше ее никто не видел.

— Что, до сих пор не нашли?

— Да, до сих пор. Никаких следов. Потом, спустя несколько лет, признали умершей. Родители ее на нашем кладбище ей памятник поставили. Я возле него как-то раз Влада видела с цветами — хотя вроде не сентиментальный он человек.

— А при чем здесь Ворсятов?

— Болтали, что в последние дни ее с ним якобы видели. Чуть ли не в тот самый день, как она исчезла.

— Как ее звали?

— Мария. Харитоновна. Она в нашей школе училась, только на два года позже кончала.

— Говорят, сейчас Ворсятов и Влад опять что-то не поделили. Может, и впрямь, женщину? — выстрелил я наугад.

— Об этом весь город говорит, — пожалала плечами Василиса. — А, да, ведь вы не из наших. Я, конечно, свечку не держала, но болтают, что губернатор наш уже лет пять имеет связь с одной почтенной особой — замужней, семейной. Она, благодаря его заступничеству и ходатайству, достигла известных высот. Стала председателем Областной думы, главой местного отделения правящей партии. Теперь сделалась даже ректором Сольского госуниверситета. Железная леди такая, деловая, хваткая. Зовут ее Юлия Петровна Евхаривцева, часто по телевидению нашему местному выступает, жить народ учит.

— А Влад тут каким боком? — перебил я.

— Ходили слухи, что она с Владом тоже встречается.

— Как у вас тут все круто на лямур повязано, — покачал я головой.

— Это у них там, в верхах.

— А у вас здесь, в низах? — Продолжил я вроде бы шутейный диалог.

— У нас все сложно.

— Давайте с вами как раз это и обсудим? Посидим, поболтаем. Сегодня вечером, например?

— Нет-нет, я никак не могу. Город у нас маленький, и мне не нужно, чтобы на всех кухнях меня обсуждали. Я ведь учительница, к тому же замужем. — Она поднялась: — Все, мне пора.

Словно вежливый хозяин, я проводил ее до выхода со двора.

А когда мы распрощались, навстречу мне попался Александр Степанович. Воодушевленный, он тащил в пакетике очередную бутылку и нехитрую снедь. Я сразу спросил у него, что он знает о девушке по имени Мария Харитоновна, бесследно пропавшей из города в середине девяностых.

— О, таких девушек пропавших в девяностые множество было, — протянул он. — Да и сейчас случаются.

— Можете узнать для меня, где живут ее родители? Или какие-нибудь другие родственники?

— Попробую, благодетель ты мой. А сейчас пойдем в дом, время обеденное, я пельмешек сварю.

Возвращаться в квартиру и сидеть с ним мне совсем не улыбалось, поэтому я отбоярился срочными делами и вышел со двора.

В кафе «У тещи на блинах» перекусил парой блинчиков с ветчиной и сыром, выпил кружку кофе. Хотя я и прикинулся в разговоре с квартирным хозяином страшно занятым, что мне делать дальше, я не знал. Беседа с Василисой дала мне, возможно, какие-то зацепки — но они относились к делам давно минувших дней. И к женщине по фамилии Евхаривцева. Но при чем здесь, спрашивается, Алена Румянцева, ее исчезновение, ее таинственный сообщник и пропавший Влад, было пока непонятно.

Я вышел из кафе и решил пройтись. На ходу мне всегда лучше думалось. От центральной площади отходило четыре улицы, и название одной из них — тихой, усаженной тополями — показалось мне знакомым: Октябрьская. Я напряг память и понял, что сегодня утром прочитал о ней в Римкиных файлах. Номер дома, равно как и номер квартиры, я помнил наизусть и решил: а почему бы и нет?

Войдя в подъезд, я поднялся на нужный этаж и, подойдя к двери, нажал на звонок.

— Слушаю, — раздался хрипловатый женский голос.

— Валентина Петровна?

— Ну, я. И что дальше?

— Меня зовут Павел. Я частный сыщик, из Москвы. Я работаю на вашего мужа и хотел бы с вами поговорить.

После минутного размышления дверь открыла женщина лет сорока, в спортивном костюме, но с идеальным макияжем.

— Вы — Павел? — смерила она меня взглядом. — Частный сыщик?

— Да, это я.

Кругом лучились зеркала, помещение освещала изысканная люстра — похоже, муранского стекла. Огромный портрет в золоченой раме изображал двух прилизанных деток в форме какой-нибудь элитной гимназии или заграничной частной школы: мальчик и девочка, шерстяные костюмчики, галстучки, гербы заведения.

— Это наши с Володей детки, — заметила женщина. — Никас Сафонов писал.

— Прекрасный портрет, — вежливо похвалил я.

— Пойдемте, Павел, на кухню, чайку попьем, — с несколько капризными интонациями пригласила меня дама. Она профланировала мимо меня, и я ощутил отчетливый запах свежего спиртного — не столь сильный и не столь кондовый, как у моего Александра Степановича, но все-таки. Я последовал за дамой на кухню. Служебное помещение оказалось роскошным: по площади, метров чуть не двадцати, с окнами эркером, барной стойкой и бытовой техникой «Миле».

Дама обернулась ко мне лицом. Выглядела она ухоженно, но не с перебором, как супруга Влада. Может, у нее пластический хирург был лучше.

— Давайте, Павел, водочки выпьем, — вдруг предложила хозяйка.

Я не стал отнекиваться и махнул рукой: «Давайте!»

Женщина достала из холодильника блюдо с мясной нарезкой, а из морозилки — запотевшую литровую «Столичную», плеснула в две рюмки и одну протянула мне:

— Ну, за знакомство. — А когда мы выпили, она пристально посмотрела на меня и произнесла: — Ну, рассказывай. Ты зачем пришел, сыщик?

— Сам не знаю.

— Для чего тебя Миша нанял?

— Исчез его друг, Влад Соснихин. — Решил я сказать половину правды. Не рассказывать же ей про Алену и про то, как она обокрала губернатора, а потом осторожно спросил: — Вы не знаете, где он?

— Давай, сыщик, с тобой в одну игру сыграем, — вместо ответа проговорила Валентина Петровна. — Не бойся, это не «бутылочка». Я ее в одном американском сериале видела, кажется, в «Карточном домике». Короче, игра в вопросы. Я тебе задаю вопрос. Если ты ответил, и этот ответ меня удовлетворил, я его принимаю — и выпиваю свою рюмку. Если

не ответил или сказал неправду — выпиваешь ты. И наоборот. Спрашиваем по очереди. Идет?

— Запросто.

— Значит, прозвучал, с твоей стороны, первый вопрос: знаю ли я, где Влад Соснихин. Нет, не знаю. Ты доволен?

— Да, похоже, вы действительно не знаете.

— Пей.

Я опрокинул свою стопку, и она тут же снова наполнила ее.

— Теперь мой черед. У моего мужа, Ворсятова, есть в Москве другая женщина?

Я, естественно, промолчал — не выдавать же своего заказчика.

— Понятно, — вздохнув, кивнула Валентина Петровна.

— Тогда вопрос мой: вы знаете, почему повздорили ваш муж и Соснихин?

— Нет. Муж держал меня в стороне от своих рабочих и политических дел. Образцовая домохозяйка. Киндер, кирхен, кюхен. А когда киндеры выросли и уехали — что остается? В кирхен ходить? Дизайном дома заниматься? Ох, Паша, надоело! Как же мне все надоело! Ладно, ответить я тебе не смогла, поэтому можешь не пить. Лучше скажи, что такого у Михаила в Москве случилось, что он к твоим услугам прибегнул?

Я с явным опозданием понял, что напрасно ввязался в алкогольные игры с губернаторшей — победа мне здесь явно не светила. Но все равно спросил:

— Вы знаете о связи вашего мужа с Евхарив-це-вой? — Необычная фамилия далась мне с трудом.

— Да, — просто ответила она. — Пей.

— Это еще не весь вопрос. Может такое быть, что это из-за нее Михаил Владимирович и Влад разругались?

— Может.

— А Мария Харитоновна? Ты про нее знала? — Логика разговора явно требовала перейти уже с губернаторшей на «ты».

— Кто? — вылупилась на меня хозяйка.

— С этой девушкой где-то в середине девяностых встречался Влад. А потом она куда-то бесследно исчезла. И болтают, что последним тогда с ней вроде бы Ворсятова видели.

— Впервые слышу, хоть и всю жизнь в Сольске живу. И в те времена в городе была. Я ответила?

— По-моему, да.

— Тогда пей.

Что мне оставалось? Я хватил еще одну порцию и задал очередной вопрос:

— Валя, я не понимаю, что тут у вас вообще происходит. Вот объясни мне. Влад Соснихин и Михаил Ворсятов дружат чуть ли не с детских лет.

В школе в одном классе учатся. Потом вырастают. Достигают оба высокого положения, какие-то дела вместе обтяпывают. А потом вдруг один готов другого чуть не со свету сжить. Почему так? И что послужило толчком? Может, простая зависть? Тогда почему вдруг она именно сейчас разыгралась?

— Ты уже спрашивал. Я не знаю. А теперь я тебя спрошу, Паша. Может, мне убить Мишку? Сколько мне дадут?

— Зависит от обстоятельств. Бывает, в состоянии аффекта. Тогда лет восемь общего режима. Или удастся доказать непреднамеренное, тогда вообще пустяки, года четыре в колонии-поселении.

— И загранпаспорт мне больше не дадут?

— Ну, разумеется.

— Эх, не подходит. У нас детки в Англии учатся и возвращаться не собираются. Тогда, может, ты его, а? Я тебе заплачу.

— О, нет. Это гарантированно лет по двадцать особого режима, причем нам обоим. Сам не возьмусь и тебе не советую. А ты не бойшься, что я Ворсятову расскажу, на что ты тут меня подбивала?

— Пф-ф! Ну и расскажи. Мало ли что баба болтает, да еще пьяная. Ладно, давай с тобой еще по одной, теперь за дружбу, безо всякой игры, и ступай. Где выход, ты знаешь.

В первом же магазинчике на тихой улице Октябрьской я купил жвачку и минералки. Пошел неспешно, чтобы в голове немного прояснело. Время клонилось к вечеру, и народу на улицах явно прибавилось. Троллейбусы по проспекту Мичурина шли переполненные.

Александр Степанович оказался дома. Был он в весьма приподнятом настроении. Запаха от него я уже никакого не чувствовал. Вот он, способ понимать наших людей и примиряться с ними — стань таким, как они.

— Слышь, сыщик! — приветствовал он меня. — У тебя в Москве помощник есть?

— Есть. Помощница.

— Эх, жаль! — захохотал он. — А то я хотел к тебе устроиться. Может, возьмешь? Где ты еще такого найдешь, исполнительного да не вороватого?

По всему видно было, что не нужна, конечно, была никакая работа бывшему метранпажу, да и денег никаких с меня не хотел он выцыганить — просто шутил, настроение у него хорошее.

— Ну, собирай вещи, Степаныч, поехали в Белокаменную, — подыграл я ему. — Только сейчас Римку свою уволью.

Он снова расхохотался, а потом, сразу посерьезнев, произнес:

— Короче, нашел я тебе родственников Марии Харитоновой. Мать ее в городе у нас проживает, Харитонова Антонина. По отчеству, ты не пове­ришь, Ивановна. Адрес запиши.

— Я запомню.

— Улица Подъячева, дом шестнадцать, квартира три. Только ехать туда минут сорок на автобусе, двенадцатый номер.

— Ты молодец, Степаныч, очень кстати ее нашел.

На автобусной остановке пришлось прождать минут двадцать, пока не подошел двенадцатый, а потом трястись в нем чуть ли не час. Улица Подъячева оказалась уставлена двухэтажными деревянными бараками. Я нашел искомый номер, поднялся по скрипучей лестнице. Передо мной открылся длинный коридор с рядом дверей по обе стороны. Искомая дверь оказалась заделана дерматином. Кое-где он лопнул, и из него вылезала вата. Номер поверх дерматина был написан мелом.

Я постучал, и мне ответил женский голос, приглашавший войти.

На первый взгляд, комната выглядела, как кухня: стол, застеленный клеенкой, раковина с грязной посудой, плитка на две конфорки. Во всяком случае, в доме у губернаторши кухня была именно такой величины. Но потом я увидел двухэтажную кровать-нары, телевизор, вешалку с одеждой, зеркало на стене — и понял, что здесь именно живут.

За столом сидела женщина и чистила кучку небольших рыбок, типа плотвички. Лет ей было шестьдесят — впрочем, выглядела она на все восемьдесят: глубочайшие морщины, ввалившиеся щеки, растрепанные седые волосы.

— Вы — Антонина Ивановна Харитонова?

— Ну, я. И что дальше?

— А я — частный детектив из Москвы, и меня наняли, чтобы расследовать обстоятельства исчезновения вашей дочери Марии. Она исчезла в девяностых годах, и ее так не нашли. В каком конкретно году это было?

Глаза женщины потихоньку наполнились слезами.

— Так ведь я за нее ничего не получаю, — начала она. — И не получала никогда. Ни смертные, ни льготные. И давно выписала ее отсюда. Так что нечего визнавать.

В этот момент я понял, что напрасно пришел сюда, и ничего мне здесь, в юдоли бедности и скорби, не светит. Но сделал еще одну попытку.

— Марию ведь так и не нашли? Может, она просто сбежала? Может, у вас от нее потом весточка какая имелась?

— Нечего, нечего тут ходить! Весточка! Да если б весточка, я бы ее выписывать не стала, глядишь, нам по расселению не двух, а трехкомнатную бы дали.

Я все-таки продолжал свои попытки.

— В те дни, когда Мария исчезла, — с кем она тогда встречалась? С Владом Соснихиным? А может, с Михаилом Ворсятовым?

— Девушка она строгая была. И ничего никому не позволяла. Не то, что нынешние. Голову синим покрасит и идет. Проститутки!

— Но у нее ведь был тогда парень? Кто?

— Слушай, иди ты отсюда. Не знаю я ничего. А если сомневаешься, в ЖАКТ сходи, выписали мы Марию давно.

Тут по коридору затопали быстрые шажочки, дверь распахнулась, и с криком «Бабушка!» в комнату ворвалась девочка в бумазейном платъице с пятнами и в колготках, но без обуви. Увидев меня, настороженно остановилась и уставилась во все огромные синие глазищи.

Я хоть и понимал, что со дня исчезновения Марии прошло примерно двадцать лет, и девочка лет шести никак не может быть ее дочкой, но все-таки спросил:

— А эта девочка чья?

Тут женщина рассердилась не на шутку и замахала руками:

— Ты, давай, иди гуляй. Выспрашивает тут! Милицию щас вызову! Кто, да что, да чья. Иди, давай, мазурик!

Мне ничего не оставалось делать, кроме как с позором отсюда ретироваться.

Я вышел на улицу и направился к остановке, в надежде на двенадцатый номер или случайно забредшее сюда такси. Вдруг возле меня остановился полицейский «газик». Из него выпрыгнули двое: сержант с «Калашниковым» на плече и мужик в штатском — чернявый, малорослый и прыщавый. Сержант выразительно поправил ремень «калаша» на своем плече и аккуратно зашел мне за спину. А штатский ласково так проговорил:

— Документики ваши предъявите.

Я не стал лезть в бутылку — типа, кто вы, да по какому праву. Зачем нарываться. Достал из кармана и протянул штатскому свой паспорт. Тот полистал его, а потом сунул себе во внутренний карман и приказал:

— Вам придется проехать с нами.

Алена Румянцева Восемью днями ранее

Как и договаривались, Андрей высадил Алену на площади Белорусского вокзала. Небрежно чмокнул на прощание и сказал: «Скоро увидимся. Связь, как договорились». Она вышла. Не закрыв дверь, помедлила, спросила:

— Не хочешь мне ничего сказать?

— О чем? — непонимающе уставился он на нее.

— Ладно. Прощай, Андрей, — проговорила она, с чувством захлопывая дверцу.

«Лексус» тут же умчался. Глядя ему вслед, Алена подумала: «Нет, надо взять себя в руки, надо действовать. Через пару часов в своем особняке проснется Ворсятов и начнет их искать. Прежде всего — меня. Но рисковать я не буду». Она достала из сумочки чужой паспорт на имя гражданки Корзуниной, бросила его в урну, туда же, до кучи, свой собственный телефон и бодро зашагала к зданию вокзала.

Андрей убеждал ее оставить оба паспорта на свое имя — и российский, и заграничный — дома. Говорил, что так, дескать, гораздо больше будет похоже на то, что она исчезла случайно. Однако она его не послушала. И правильно сделала, хороша бы была без документов. Но теперь у нее имелись паспорт на свое родное имя и загранпаспорт, к тому же с открытым «шенгеном». Губернатор, скорее всего, пока спит в своем подмосковном имении. Румянцеву Елену еще не разыскивают, и в ближайшие часы искать не будут. Она успеет скрыться. Поезд на Минск отправлялся через двадцать минут. Но идти в кассы, покупать билет — опасно. Она предъявит паспорт, ее фамилию занесут в базу, и все — это след. На перроне в Минске ее может ждать полиция, а договор о выдаче преступников с братской Белоруссией наверняка есть.

Алена вышла на перрон, медленно прошлась по нему, выбирая. Вот вагон «СВ». И девушка милая. Румянцева подошла к ней, спросила:

— Возьмете меня до Минска?

— Билет предъявите — возьму.

— Ой, он десять тыщ наших рублей стоит. Может, у вас дешевле выйдет?

Девушка внимательно «сосканировала» ее и мотнула головой: «Проходите. Третье купе».

Через семь минут поезд тронулся. Алена не могла поверить своему счастью. Неужели завтра она окажется хоть и братской, но все равно за границей? И никто не будет знать, где она?

Но радость оказалась недолгой. В купе зашла проводница, наклонилась к ней и прошептала: «Сто долларов». Алена охотно протянула девушке купюру — одну из тех, что они с Андреем похитили сегодня у Ворсятова. Но на этом не закончилось — проводница попросила паспорт.

— Зачем?

— Девушка! Я что, неизвестно кого буду возить? Здесь, между прочим, государственная граница!

Алена отдала паспорт и умоляюще посмотрела на проводницу:

— Я вас очень прошу, не давайте никому информацию о том, что я ехала. У меня в Москве муж — придурок, псих настоящий. Ревнует меня к каждому

столбу. Вдобавок в полиции служит. Пробьет ведь документ, узнает, что я в Минске была — будет потом мне мозг чайной ложечкой выедать: зачем ездила, почему, к кому?

— А что, есть к кому?

— Ой, да это старая история, школьный друг. Ничего такого, посидим, драников поедим, прошлое вспомним.

Девушка ушла с Лениным паспортом, а она стала терзаться. Поверила? Не поверила? Занесет в конduit? Заложит? Нет? Но об этом станет известно только завтра, а пока надо выпить чаю и попытаться расслабиться.

Утром на перроне в Минске никакой наряд полиции ее не ждал. Алена спустилась в метро, купила жетончик — она еще в поезде обменяла у проводницы сто долларов на белорусскую валюту, и доехала до «Пушкинской». Почему именно до «Пушкинской», объяснить она себе самой не могла. Может, потому, что все ее перипетии начались с того, что вчера у московского метро «Пушкинская» Ворсятов остановил свой «мерседес» и повез ее ужинать. Впрочем, в Минске эта станция располагалась, в отличие от российской столицы, совсем не в центре.

Алена вышла. Широченные проспекты. Чисто, солнечно, много воздуха и мало машин. Где-то она слышала, что в Минске машину поймать сложно, надо по телефону звонить, заказывать такси в определенное место. Ну, извините, телефона у нее теперь нет.

А вот и подходящая тачка. Стоит у тротуара — то ли пассажира ждет, то ли у водителя перерыв. Она открыла дверцу:

— Здравствуйте.

Водитель ей сходу понравился: молодой, дружелюбный хитрован.

— Вам куда? — спросил он.

— Отвезешь меня к украинской границе? Я оплачу два конца, долларами.

Павел Синичкин Город Сольск

Руки мои были завернуты за спину и застегнуты в наручники. Вдобавок цепь браслетов была продета через вертикальный брусок спинки стула — далеко не убежишь. Я сидел в комнате для допросов местного отдела полиции. За столом передо мной возвышался мелкий, прыщавый кавказец — тот самый, который вместе с сержантом задержал меня на улице Подъячева в районе бумажного комбината. На столе перед мужиком разложено было то, что я достал по их приказу у себя из карманов: бумажник с правами, ключи от чужой машины и от чужой квартиры (на улице Радищева), секрет-

ный телефон, стопка пятитысячных, некогда полученных от Вячеслава Двубратова в виде аванса.

Кроме маленького кавказца, в комнате присутствовал еще один персонаж — за моей спиной маячил настоящий мордоворот, тоже в штатском. Похож он был на заплечных дел мастера, поэтому его присутствие активно мне не нравилось.

Мне надо было понять, какого лешего меня задержали. Вырисовывались разные варианты. Слишком много вариантов, потому как я в последнее время наследил всюду и много. Может быть, до местных ментов дошел сигнал из Москвы, и меня хотят допросить в связи с убийством Вячеслава Двубратова? Или я проявил излишнюю активность здесь, в Сольске, в своих расспросах слишком залез на его территорию, и эти полицаи, что собрались вокруг меня, работают на Влада? Или, может, губернатор решил меня припугнуть для острастки — чтоб не лез к его женошке, не спаивал? А, может, просто бабка Харитоновна позвонила в ментовку, на меня пожаловалась? Впрочем, тогда вряд ли бы в ход пошли наручники.

Поэтому я начал первый:

— Скажите, почему я задержан? Каков мой статус? Я подозреваемый? Если да, то в чем? По какому уголовному делу?

— Заткни фонтан, Синичкин, — лениво проговорил кавказец за столом. Он не спеша перебирал мои документы, взвесил в руке стопку банкнот, пересчитывать не стал, посмотрел визитки. — Частный сыщик, значит. Из Москвы. Приехал тут. Лезешь своим носом в чужие дела, ковыряешься. Тебя кто сюда прислал? Нечего тебе тут делать, всюду свой нос совать. Понял, Синичкин? Птичка, блин, певчая. Давай, уматывай из города, пока цел. Садись прямо сейчас в свою тачку и дуй в город-герой Москву, столицу нашей родины.

Он вдруг сделал едва уловимый жест пальцем — я не понял, что он означал, однако мордоворот, что стоял у меня за спиной, понял его очень даже хорошо. Молниеносным движением он надел сверху на мою голову черный полиэтиленовый пакет и плотно прижал его к шее. Я знал о подобных методах допросов, больше того, некогда написал рапорт об увольнении, в том числе, и потому, что не хотел ни в чем подобном участвовать. Болтали, что такие методы «активного воздействия» теперь, вроде бы, остались в прошлом — но, видимо, далеко не везде. До Сольска очищение рядов органов правопорядка пока не докатилось.

Быть лишенным воздуха — удовольствие не из приятных. Но я, в отличие от многих гражданских жертв подобных пыток, знал, что к чему и почему. Поэтому не стал биться и орать, а просто в самый первый момент вдохнул, сколько мог, и попытался расслабиться. Получилось, честно говоря,

не очень. Рефлексы никуда не денешь, и минуту спустя я судорожно вздохнул еще раз — но воздуха не стало вовсе. Я дернулся, на радость своим мучителям, и — потерял сознание.

Очнулся оттого, что мордovorот поливал меня водой из графина. Прыщавый кавказец сидел за столом и смеялся. «Кажется, ты начинаешь понимать, Синичкин», — сказал он весело.

— Гнида ты! Садист! Как только земля тебя носит!

— Он пока не все еще понял. Ну-ка, Петруха, повтори.

И издевательство повторилось: черный пакет на моей голове, жесткие чужие пальцы на горле, постепенное утеkanie воздуха, паника, страх, потеря сознания.

А потом — снова. И снова.

Наконец, при очередном просветлении, я взмолился:

— Хватит, мужики! Хватит! Я все понял. Клянусь вам, прямо сейчас сажусь за руль, и больше в Сольск ни ногой. И все, что здесь видел и слышал, — забываю напрочь. Только отпустите, не мучайте больше.

Кавказец кивнул, и Петруха расстегнул мои наручники. То, что я задумал и предпринял в дальнейшем, было совершеннейшей глупостью, однако я не мог отказать себе в том, чтобы попытаться.

Петрухе я, развернувшись, нанес сдвоенный удар: в глаза и в низ живота. От удвоенной боли он заорал и полностью вышел из строя.

Схватив стул, на котором сидел, я обрушил его через стол на кавказца. Стул — не лучшее оружие в ближнем бою, но мне доставило огромное удовольствие выражение ужаса в его глазах, когда я замахивался, и то, как он полез под стол после моего первого удара.

Но, к сожалению, это было последним приятным событием в моем столь впечатляющем камбэке. Видимо, у этого стервеца под столом имелась тревожная кнопка. Или, что скорее, неподалеку от дверей дежурил их сообщник — он и ворвался. Как раз в тот момент, когда я развернулся от стола и, перепрыгнув через корчащуюся тушу мордovorота, кинулся к выходу. От ворвавшегося в комнату сержанта в форме я немедленно огреб резиновой дубинкой по ушам, а потом по почкам. Затем малыш-кавказец ударил меня сзади ногой в лодыжку. Я начал падать, и удары посыпались на меня один за другим...

Сколько прошло времени, я не знал.

Наконец короткими вспышками стало возвращаться сознание. Вот меня поливают водой... Кто-то щупает мой пульс... Меня поднимают на ноги... Кто-то сует мне мои вещи: ключи, телефон, деньги, бумажник. Я машинально беру их и закладываю во внутренний карман куртки.

И вот я — уже на улице. Бреду, покачиваясь. Все тело болит, но кости, кажется, не переломаны, руки-ноги двигаются. Я остановился у витрины магазина и взгляделся в свое отражение. На лице никаких следов побоев нет. Что-что, а бить наши полицейские умеют: больно, но незаметно.

Где нахожусь точно, я не знал. Вчера, когда меня схватили и везли в райотдел, я отслеживал, куда мы едем. Сейчас все вчерашние данные куда-то испарились, но имелось смутное впечатление, что я где-то недалеко от райотдела.

Вдруг возле меня притормозила вымытая с утра черная машина «Ауди-А8». Задняя дверь лимузина распахнулась, и негромкий, но повелительный голос проговорил: «Давай, садись». В глубине салона вальяжно раскинулся губернатор Ворсятов.

— Да? — пробормотал я. — Зачем? Ваши люди уже достаточно со мной с утра поговорили.

— Мои люди тебя сегодня из райотдела освободили. Давай, Паша, не тяни время. Садись, поехали!

Я забрался в кондиционированный, пахнувший кожей салон, а минуты через три машина остановилась у двухэтажного здания райотдела. Бетонный блок на дороге, знак «кирпич», автоматчик в форме с «калашом». Мы с губернатором вошли внутрь. Ворсятов подошел к перегородке с надписью «дежурный» и тихо спросил: «Начальник у себя?» Дежурный поднял на него глаза, тут же вскочил и скомандовал куда-то в глубину комнаты: «Ефимов, проводи!» Выскочил старшина, и дальше мы двигались уже втроем: впереди полицейский, следом с непроницаемым видом шествовал губернатор, и уже за ним ковылял я. Дойдя до кабинета начальника отдела, Ворсятов без стука распахнул дверь и повернулся ко мне:

— Тебя в этом райотделе приходovali?

— Да.

— Кто?

— Фамилий не знаю. Главным был мужик в штатском, похож на кавказца. Маленький, прыщавый.

— Гогоберидзе, — угодливо кивнул начальник отдела в звании майора и тут же заорал в селектор: — Гогоберидзе ко мне! Срочно! Мухой! — Затем повернулся к губернатору и начал бормотать: — Михаил Владимирович, мы проведем тщательное внутреннее расследование, и виновные будут строжайшим образом наказаны, вплоть до увольнения из органов. Воспитательная работа в отделе находится на высоком уровне, месяц назад проверяли из областного министерства...

— Заткнись, майор! — устало бросил областной голова.

Наконец, постучав, в дверях возник мой давешний мучитель — носящий, оказывается, красивую грузинскую фамилию Гогоберидзе. Увидел меня, начальника, стоявшего по стойке «смирно», губернатора — и стройный мир в его глазах начал рушиться, а довольство и превосходство, еще минуту назад игравшие на его губах, сменились крайней степенью растерянности и униженности.

— Ты что, Гогоберидзе, себе позволяешь?! — сходу начал распалтаться майор. — Да я погоны с тебя сниму! Под суд пойдешь!

Ворсятов жестом остановил его — майор немедленно замолк и обратился к грузину, указывая на меня:

— Кто заказал его?

Тот молчал.

— Ну?! — Губернатор вдруг схватил Гогоберидзе одной рукой за горло и принялся его душить. — Это был Влад?!

Мой мучитель мелко-мелко закивал.

— Когда ты видел Влада?

— Все по телефону. Он мне звонил.

— Что сказал?

— Что здесь, в Сольске, частный сыщик из столицы объявился. Надо, типа, домой отправить.

— Телефон!

Грузин достал из кармана мобильник, протянул Ворсятову.

— Ему отдай, — кивнул на меня губернатор. — И открой номер, с какого тебе с этим приказом звонили.

Я взял телефон Гогоберидзе и на всякий случай запомнил номер, с какого звонил ему Влад. Префикс мобильный, московский.

— Ну, что стоишь?! — накинулся на подчиненного майор. — Давай, проси у человека прощения, пока есть возможность!

И тот вдруг — гордый грузин, называется, — бухнулся на колени, подполз ко мне и начал кланяться в ноги. Я гадливо отступил от него.

— Чтобы и духу в рядах не было! — процедил Ворсятов, кивая на коленопреклоненного, плачущего Гогоберидзе. — И никого из его шайки — тоже!

Когда мы снова вернулись к машине, он спросил у меня:

— Ты где остановился?

— Радищева, двадцать шесть.

— Поехали! — скомандовал Ворсятов своему безмолвному и беспрекословному шоферу.

По ходу движения я вспомнил, что просил меня узнать у губернатора Валерий Петрович Ходасевич. Его мой вопрос ставит в тупик. Он задумается, а потом уверенно произнес:

— Это был Вячеслав Двубратов.

— Спасибо. Теперь второй вопрос: что случилось с Марией Харитоновой?

— Это кто?

— Середина девяностых, — напомнил я. — Девушка, которая встречалась с Владом Соснихиным. Потом она вдруг исчезла.

— Ах, да! — встрепенулся губернатор и приказал водителю: — Останови. А сам погуляй минут десять.

Когда водитель молча выполнил его требование, Ворсятов начал рассказывать.

— Да, Мария. Харитоновна, говоришь, ее фамилия? Девчонка эта была Владова. Не знаю, насколько у них серьезно было, но они встречались, может, даже жили вместе. Но она прогляды еще та, по ней это сразу видно было. Ну, и я... Дело молодое, жеребьячье... Однажды Влад в область уехал, надолго. А она тут, в Сольске, осталась. Как-то мы случайно встретились на улице. Ну, слово за слово, предложил в бар зайти, выпить, а потом покататься. Я как раз тогда свою первую иномарку купил, «бээмвуху». Она согласилась, и мы поехали. Хорошая дорога, высоченная скорость. Короче, на повороте вдруг у меня отказывают тормоза. Машина летит метров двадцать и врезается в дерево. Я-то был пристегнут, а она — нет. Я не проследил, да и значения не придавал. В общем, вылетела она через лобовое стекло и разбилась. Вообще без шансов, без вариантов. Мгновенно, насмерть. А на мне ни царапины. Ну и что было делать? В ГАИ звонить, заявлять? Я выпивший, машину разбил, девчонку угробил. А мне двадцать три года. Жизнь и карьера только начинается. В общем, позвонил я тогда одному своему корешу, у него «джипарь» тогда был. Короче, приехал он на место ДТП, лопаты подвез, целлофан. Завернули мы в него Машку, погрузили и отвезли тело в лес. Выкопали яму, забросали. И — все. Народу я, конечно, сказал, что тачку разбил. Но про Марию никому — ни-ни. Ее, конечно, начали искать. Да ты сам видел, какая у нее семья, и что у нас за полиция. Короче, первые вяло об исчезновении в ментовку заявили, вторые вяло начали пропавшего человека искать. Но, естественно, не нашли.

— А Влад?

— Да, Влад... Через неделю он из своего турне по области вернулся и тоже стал разыскивать Марию. Более активно. Меня расспрашивал, но связать ее со мной и моей аварией не смог. А приятель мой, что избавиться от тела помогал, молчал, как рыба. В общем, Влад никаких концов девушки не нашел. Исчезла. Испарилась. Сбежала.

— Кореш ваш, который вам спрятать труп помогал, — он кто?

— Неважно.

— Может, он на вас зло затаил да болтать начал?

— Напекаешь, это он Владу про ту историю проговорился?

— В жизни все бывает, ничего нельзя исключать. Фамилия-имя его как?

— Э, нет. Ты опять пойдешь человека допрашивать, со своей грацией слона в посудной лавке... Не скажу я тебе, Павел, кто он.

— Тогда другой вопрос. Евахривцева.

— И что?

— Вы ее у Влада отбили?

— Это женушка моя тебе про Евхаривцеву напела, да? Ты, вообще, зачем сюда приехал, Синичкин? Я тебя для чего подрядил? Баб моих клеить? Ты должен украденное у меня искать. Алену Румянцеву найти, сообщника ее и Влада, а не рыскать тут, в Сольске, в здешнем дерьме своим длинным носом копать. Все, Синичкин. Не нужен ты мне здесь. Давай, в Москву уматывай. Там работай. Не здесь, а там, ты понял? Или тебе мало от Гогоберидзе досталось?

Губернаторская машина высадила меня на бульваре Радищева.

В квартиру бывшего метранпажа на втором этаже я поднялся с трудом. Стащил с себя пропахшую потом и кровью майку, подошел к старинному шкафу и посмотрел в зеркало. Полисмены наши умеют бить так, чтобы не оставалось следов, поэтому выглядел я лучше, чем чувствовал себя. Впрочем, несколько раз они увлеклись, дали себе волю. След от дубинки тянулся по шее, еще несколько кровоподтеков — на животе и спине. Физиономия, к счастью, оказалась цела, хотя преуспевающей не выглядела.

В дверь постучал бывший метранпаж и, увидев мой торс, присвистнул:

— Кто это тебя так?

— Полицаи ваши.

— Черт, они умеют. Может, врача вызвать? Или тебя в больничку отвести?

— Не надо ничего. Отлежусь.

Тут зазвонил мой мобильник. Это был Ходасевич из Москвы. Но после того, как мой секретный мобильник побывал в руках Гогоберидзе и присных, он перестал быть секретным. Поэтому я сказал полковнику в отставке:

— Валерий Петрович, я вам перезвоню через полчаса с другой трубки.

— У тебя все в порядке, Пашенька? — встревожился Ходасевич.

— Более-менее, — ответил я и, попрощавшись, отключился, после чего повернулся к Александру Степановичу, протягивая ему тысячную купюру: — Есть просьбочка. Можете сходить, купить мне новый телефон? Самый дешевый и простой.

Тот взял банкноту, прошаркал на своих негнущихся алкоголических ножках к выходу и быстро исчез.

Я сел на диван и, как мне показалось, задремал. Ночка в райотделе сказывалась.

Очень быстро вернулся квартирный хозяин с новой трубкой.

— На сдачу я купил — вот, — торжественно продемонстрировал он курицу. — Сейчас сварю тебе бульончика. Знаешь, как моя мамашка-покойница говорила? Куриный бульон — это еврейский стрептоцид. А евреи знают толк в лечении. И в курочках.

— Еще хотел попросить, раз уж вы мой ангел-хранитель. Можете добыть мне телефон Евхаривцевой?

— А, ректорши университета нашего, которая с губернатором шашни крутит?

— О, вы тоже знаете, что они в отношениях?

— Вся область знает. Номер добыть постараюсь.

Он отправился на кухню, а я обновил только что купленную трубку — набрал Ходасевича.

— Давай, Пашенька, возвращайся в Москву, — сходу сказал тот. — Ты мне нужен.

— По нашему делу?

— А у меня, Пашенька, других дел сейчас нет.

— Если я завтра с утра выеду — время терпит?

— Ты там приболел? Голос у тебя совсем слабенький.

— Типа того, — попытался усмехнуться я.

— Давай, выздоравливай, и я жду тебя завтра к вечеру — бодрого и веселого.

Тут из кухни вышел мой арендодатель. Вид он имел торжествующий.

— Нашел я тебе телефон Евхаривцевой. Да не просто телефон, а прямо личный мобильник. Хорошо иметь друзей-журналистов — пусть и бывших. Так что пляши, Пашуня.

— Можно я в другой раз спляшу? — слабо усмехнулся я.

— Да, конечно, конечно. — Он протянул мне накарябанный на бумажке номер и утек назад, в кухню.

На новой трубке я набрал номер ректорши. Она, как ни странно, ответила сразу.

— Это Павел Синичкин беспокоит, частный сыщик из Москвы. Я разыскиваю Влада Соснихина. Я сейчас в Сольске и хотел бы с вами встретиться.

— Приходите в университет сегодня к семи, — проговорила Евхаривцева.

Потом Александр Степанович накормил меня крепким бульончиком и напоил не менее крепким кофе. И пусть кофе был растворимым, тарелка и кружка — нечистыми и щербатыми, а ложки — алюминиевыми, еда и питье придали мне сил, а забота квартирного хозяина тронула от души.

Я спустился во двор и сел за руль. Здание СГГУ (Сольского государственного гуманитарного университета) представляло собой помпезный билдинг, построенный в пятидесятых годах прошлого века в свойственной сталинскому периоду величавой манере: колонны, портики, державные ступени. Юнцы-вечерники радостно сбегали по ступеням после последней пары.

Ректорша размещалась на самой верхотуре, на третьем этаже. Кабинет оказался чрезвычайно величавым — я таких раньше и не видывал. В вышину он был едва ли не больше, чем в длину — метров семи, наверное. Потолок терялся в потемках. Окна с переплетами, на противоположной стене полки с книгами, сверху нависала гигантская люстра.

Ректорша выглядела бледной и утомленной. Если бы я не знал, что она ровесница губернатору и Владу Соснихину, дал бы ей годков на пять-семь больше.

— Садитесь, — проговорила она и сходу добавила: — Вам кто заказал поиски Влада? Ворсятов?

— Вы угадали с первого раза, — улыбнулся я.

— Это хорошо. Значит, финансирование вам обеспечено. И есть шанс, что вы его найдете. А я тогда с большим удовольствием понаблюдаю, как Соснихина будут распинать. В фигуральном смысле, разумеется.

— Чем вам Влад не угодил?

— Он взялся мстить мне. Мелочно, отвратительно, подло. Через моих родных и близких. Через мужа. Детей.

— За что мстить?

— Что скрывать? Вам все равно, наверное, наговорили. Когда-то я была близка с ним. Он ведь себя считает непревзойденным мастером по этой части. Прямо-таки любовник всех времен и народов. Казанова сольского разлива. И, конечно, когда я предпочла ему Ворсятова, он был страшно оскорблен.

— Давно ли это случилось?

— Я ушла от Соснихина к Ворсятову? Года три назад.

— И Соснихин сразу стал мстить вам?

— В том-то и дело, что нет! Он затаился, затих. Правда, пригрозил: это тебе с рук не сойдет. Но все три года никак себя не проявлял. Я, грешным делом, подумала, что смирился, а буквально в последние дни — началось.

— Как он мог вам мстить, когда его самого найти никто не может?

— Через доверенных лиц. Передавая соответствующие «приветы». Моего сына полицейские остановили на машине за городом. Придрались. Обыскали. Нашли наркотики. Возбудили дело. И при этом — передали привет мне от Соснихина. Эпизод номер два. Ко мне в вуз проверка нагрянула. Дескать, я неправильно с нашей студенческой столовой договор заключи-

ла, за аренду мне якобы не доплачивали. И опять — с приветом, Влад. Мужа моего — мы вместе не живем, хоть и числимся в браке — налоговая полиция взялась трясти. Обыски в офисе, маски-шоу. У Соснихина вообще: все местные силовые структуры в друзьях ходят.

— Но Ворсятов-то круче, — заметил я.

— Круче-то круче, и он, конечно, все эти дела замнет. Но у губернатора других дел, что ли, нет? С какой стати мне на него еще и это прикажете вешать?

И тут я понял, что главной опасностью для этой женщины был не Соснихин, а именно Ворсятов. Вдруг губернатору надоедят бесконечные и многочисленные просьбы любовницы? Он откажется от нее. И тогда — прощай, должность ректора, и партийные кулуары, и депутатские интриги и запросы. Она и со мной, наверное, потому с первого звонка согласилась встретиться, видимо, знала от Ворсятова, что тот поручил найти Влада мне, и не хотела раздражать действующего губернатора.

— Ваша версия: что Соснихин задумал? — продолжил я.

— Решил со всем развязаться. Все оборвать. Начать новую жизнь.

— Где он сейчас может скрываться?

— Возможно, уже ушел. Тогда ищи ветра в поле.

— Какая страна или место для него любимые?

Она ответила незамедлительно и безапелляционно:

— Карибский бассейн. Доминикана. Пуэрто-Рико. Возможно, Мексика.

Я встал и выполз из-за стола. Движения, да и разговор, давались мне с трудом. На лбу выступил ледяной пот, меня мутило. Гогоберидзе и его заплечных дел мастера пару раз заехали мне и по голове тоже.

На «автопилоте» доплелся до бульвара Радищева, ставшего за два дня в Сольске для меня родным. Арендодателя дома не было, а меня неудержимо тянуло спать. Подойдя к кровати, поставил будильник в новом телефоне на четыре утра и снова улетел в объятия Морфея.

В четыре утра солнце в северном городе Сольске уже поднялось над горизонтом, и птицы во дворе голосили вовсю.

Квартирный хозяин басовито храпел в своей комнате. На кухне имелись следы вечернего одинокого застолья: рюмка и пара кусков заветревшего сыра с колбасой.

Я принял ледяной душ, до красноты растерся полотенцем и вышел из ванной. Бывший метранпаж уже проснулся и хлопотал на кухне — жарил мне яичницу.

— Куда в такую рань собрался, Паша?

— Пора мне в Москву возвращаться.

— Я так и понял. Поэтому тебе отвальная, с помидорами и салом. Из четырех яиц.

На прощание мы с ним обнялись, и он сказал:

— Береги себя, Паша. С ментами на рожон не лезь. А если будешь еще раз у нас в Сольске, мой дом — твой дом. И друзьям своим скажи, если вдруг в наши северные края нагрянут, всегда могут у меня остановиться. Я им дисконт сделаю. А ты вообще живи бесплатно, если соберешься. Хороший ты, Павел, человек.

Если совершенно не двигаться, то мое избитое тело практически не болело. Жаль, что нельзя было управлять машиной и вовсе не шевелиться. Особенно на наших российских дорогах. Нельзя выйти на трассу, включить пятую или шестую передачу и нестись со скоростью за сто, слегка акселератор поддавливая.

У нас тут хайвэев нет. Деньги все губернаторам на цацки уходят. Поэтому на трассе межобластного значения, коей я следовал, меня встречали разнообразные сюрпризы. То зловещие дыры в асфальте. То ремонт дороги с объездом. То деревенька с ограничением скорости. Приходилось переключаться на пониженную передачу — третью, а то и вторую, и внимательно шоферить, объезжая препятствия.

Встречного и попутного автотранспорта было немного. Тягачи везли балансы — наверное, на виденный мною вчера Сольский бумкомбинат. Старые «жигули» советских времен пылили по личным хозяйственным делам. Редко-редко проносились, как хозяйева жизни, колесницы-иномарки.

Я ехал навстречу солнцу, и оно светило мне прямо в глаза — пришлось надеть солнцезащитные очки и опустить козырек. Следовать я снова решил через Кострому. Я хотел повидать Зою. Не то, чтобы сердце к ней рвалось — нет. Но мне надо было задать девушке один вопросик.

Где-то на траверзе старинного русского города Вятка, примерно в половину десятого утра, я решил, что звонить Зое, хоть и по отпускному времени, но можно. Все равно сынишка, лет восьми-десяти, рядом — а эта братва поднимается рано.

Костромской ее номер остался записан в моем предыдущем мобильнике, но я и без того прекрасно его помнил: американская полицейская машина со спущенными колесами, а в ней — мой дружок Санька играет в шахматы, прикладываясь к пол-литре. Словом, 910-173-05-64. Я набрал номер. Девушка откликнулась. Голос у нее был безмятежный, ленивый, сонный.

— Это Павел. Я тебя не разбудил?

— В отпуске меня обычно Артемка будит. А ты не будишь, нет. Просто тревожишь.

— Я возвращаюсь в Москву. Буду в твоих краях проездом. Надо пови-
даться. Давай, я заеду к тебе на дачу — или где ты там живешь.

— Нет-нет, — категорически запротестовала она. — Если надо встре-
чаться, давай в городе. Я подъеду. Когда ты в Костроме будешь прибли-
зительно?

— Навигатор показывает: в восемнадцать тридцать. Но я надеюсь его
опередить.

— Ты лучше не лети — дороги у нас сам знаешь, какие. А будешь подь-
езжать, за час позвони.

Я нажал отбой и поехал дальше, все южнее.

Бывают в России в конце весны-начале лета такие дни, которые совер-
шенно примиряют с разбитыми дорогами и унылыми деревеньками по-
обочь, будто бы прямиком перелетевшими из девятнадцатого века. И с
большими ребрами и отбитыми почками. И так, меня провожало мягкое
ласковое солнце, могучие стволы хвойных лесов и нежная листва лесов
лиственных. И запахи лугов и полей, наполнявшие машину. И птицы, за-
ливающиеся так, что перекрывали шум мотора и шелест шин. Короче, ру-
ление, несмотря на тяжелое физическое состояние, даже доставляло мне
определенное удовольствие.

Около четырех дня, на подъезде к Костроме, я снова позвонил Зое.

— Встретимся на том же месте, — предложила она.

— В квартире на Лесной, двадцать семь?

— Нет-нет, — засмеялась она. — На «сковородке» — Сусанинской пло-
щади, возле пожарной каланчи.

Вскоре я переехал мост через Волгу. Речка блистала.

В центре города я припарковался неподалеку от центральной площади.
От смены положения засидевшееся тело заболело с утроенной силой, и я
еле доковылял до пожарной каланчи. Я даже — наплевать на условности —
уселся, в ожидании Зои, на бортовой камень.

Вскоре появилась она, и в тот миг, когда я ее увидел, я понял, что рад
встретить ее — но как друга. Товарища, можно сказать, по работе. И я боль-
ше нисколько не вождедею ее — а ведь подобное случалось, чего там греха
таить, все три предыдущие наши встречи. Слава Богу и спасибо Василисе
из города Сольска, что они помогли понять мне это. Иначе рано или поздно
я бы не сдержался, и мы с Зоей очутились бы в койке. И ни к чему хорошему
это не привело. Тяжелые объяснения, тоскливое расставание. Нет, сколько
раз я давал себе зарок: укладываться с девушкой можно, только если ее
по-настоящему любишь, и никак иначе. Не вестись на собственную сексу-
альную алчбу. И на женские игры, кокетливые штучки. Не морочить голову
ни себе, ни им. Вот только очень трудно понять про себя, когда оно прихо-

дит, это настоящее чувство. Короткая встреча с Василисой помогла мне рассудить, каким оно, на самом деле, бывает. Когда тебе даже наплевать на секс. И хочется просто быть с девушкой рядом. И расстояние в тысячу километров между нами было бы мне не помехой. Эх, Василиса — прошла она мимо своего счастья.

Я с трудом встал с асфальта. Зоя вдруг погладила меня прохладной рукой по щеке. Дотронулась до кровоподтека, выглядывающего из выреза майки.

— Что случилось? — заботливо и проникновенно спросила.

— Бойцы все из той же команды. Как тогда, возле твоего дома. Только на этот раз им повезло больше.

— Как чувствуешь себя?

— Бывало и лучше.

— Может быть, к врачу?

— Нет-нет.

— Ты переночуешь?

— Извини, надо спешить. Хочу к вечеру добраться до Москвы. Дела.

— Что ж, не буду настаивать.

— Слушай, ты меня два раза угощала — давай, я тебе устрою аллаверды. Пойдем куда-нибудь в хорошее местечко, поедим. У меня с самого Сольска ни крошки во рту.

Она согласилась, и я попросил ее, как местную, в каком-то роде, жительницу, показать достойную ресторацию.

— Пошли, — она взяла меня под руку.

В этот раз Зоя показалась мне не такой, как в Москве и не такой, как в нашу первую встречу тут, в городе — более спокойной, мягкой, женственной. Может, сказывалось, что она отдохнула, побыла с сыном, отключилась от столичной гонки.

Девушка, как и в прошлый раз, привела меня на берег Волги. Великая русская река здесь еще не выглядела великой — но мощный потенциал, вращающий могучие турбины и перегоняющий сотни кораблей, в ней чувствовался. Зоя привела меня в дебаркадер на берегу. Зал был обустроен в тяжеловатом стиле ретро, заставляя вспомнить о золотом девятнадцатом веке: чучело медведя, механическое пианино и фотографии из фильма «Жестокий романс», что в городе снимался. Однако погода позволяла, и мы уселись на открытом воздухе.

— Ты, я так понимаю, за рулем, — сказала она. — А я выпью.

— Буду только рад. Ты расслабишься и выдашь мне все тайны. — Я вспомнил, как пил позавчера вместе с губернаторшей и посмеялся про себя: похоже, в тот день значительно больше секретов выдал я — ей, а не наоборот.

— Какие, например?

— Ты выпей сначала, а потом я спрошу.

На самом деле, вызнать у нее я собирался только одно. Но сперва мы пообедали — все было мило, вкусно и непринужденно. Зоя с удовольствием выпила две «маргариты», я ограничился колой. Наконец, настала пора вопросов-ответов. Я вытащил телефон, открыл фото и предъявил своей собеседнице.

— Не помню такого, — наморщила она лоб.

Я проводил опознание совсем не по правилам, поэтому демонстрировал не несколько карточек, а лишь одной персоны. И счел возможным задавать наводящие вопросы. Я напомнил, при каких обстоятельствах она могла данного товарища видеть.

— Ах, да, — сказала она. — Да, ты прав. Тогда это был он. Да, тот самый, что на снимке.

Больше мне ничего от Зои не было нужно, но я, как истинный джентльмен, предложил подвезти ее на своей машине до той самой дачи, где она проживала с бывшей свекровью и сыном. Она решительно запротестовала.

— Но почему? — удивился я. — Зачем тебе на автобусе душиться или на электричке.

— Нет-нет-нет-нет, — отказалась она категорически.

— Ты боишься, что свекровь увидит, что тебя мужчина провожает? Она разве не понимает, как жизнь устроена? И ты не совсем на себе крест поставила?

— Не в этом дело, — на глазах ее вдруг выступили слезы. — Я не хочу, чтоб ты видел — сына. Муж мой когда-то от него — убежал.

И она заплакала. Стала утираться, сморкаться в платок, а потом убежала в туалет.

А я стал наблюдать, как течет самая главная русская река, как вспыхивает иглами на солнце, как покачивает наш дебаркадер.

Вскоре вернулась Зоя. Она привела себя в порядок, умылась. Только носик был красный.

Усевшись напротив меня, сказала почти весело, как бы продолжая оборванный разговор:

— Хотя, все равно, я чувствую, у нас с тобой ничего не склеится.

Возражать я не стал, хотя она — возможно, для этого — сделала паузу. И тогда Зоя призналась.

— Артемка мой болен.

— Что с ним?

— Аутизм. Это не лечится.

— Сочувствую. Конечно, вольно мне утешать — но ведь это не больно? И ведь у таких людей действительно сверхспособности? Говорят, в израильской службе безопасности из аутистов специальную группу создали — анализировать огромные массивы данных.

— Легко говорить со стороны.

— Да, прости, я понимаю.

В итоге я все-таки довез Зою до дачного поселка, где проживала в летние месяцы ее свекровь. Остановился у калитки. Забор был старым и покосившимся, а домик, площадью шесть на шесть метров, явно построен из подручного материала в советские времена — теперь, возможно, кажущиеся кому-то благословенными. Краска на дощечках, которыми был обшит домик, почти смылась дождями и облупилась. Кое-где отвалились и сами дощечки, обнажая труху, что некогда служила теплоизоляцией. Я невольно подумал о роскошном доме Ворсятова в пригороде Москвы, попрощался с Зоей и дал газку по ухабистому проселку.

С каждым километром, приближавшим меня к Белокаменной, становилось очевидней, что я еду на юг. Солнце перестало сиять над горизонтом и наступило подобие сумерек. И приближалась — столица. Движение делалось интенсивней, а водители — наглее. За трое суток, что я прожил без колес или вяло, по-провинциальному драйвил в Сольске, мне пришлось встряхнуться, чтобы заново прийти в московскую норму.

Припарковался я, из соображений конспирации, за три дома до ходасевичевского, и остаток пути преодолел пешком. Чуть более тысячи двухсот километров, с заездом и привалом в Костроме, я преодолел за семнадцать часов.

Отставник-полковник не спал, смотрел свой очередной боевик. Встретил он меня радушно. Ни словом не обмолвился по поводу моего побитого состояния — хотя, конечно, все заметил. «Пойдем, — сказал, — я тебя покормлю, а потом — о деле. Расскажешь, что ты там нарыл. А я — что здесь надумал. А потом дам тебе инструкции, как действовать дальше».

Алена Румянцева Неделей ранее Где-то в Белоруссии

Вчера ночью, в поезде, следовавшем к Минску, закрывши на собачку купе, Алена подвела свой дебет-кредит.

С точки зрения разовой добычи, получалось целое состояние. А если рассматривать, что потом неизвестно, как жить, — выходило не слишком много. Пачка евро — где-то пятьдесят тысяч, початая стопка долларов —

на сумму девять с половиной тысяч. Плюс два драгоценных предмета — да, на обоих золото, бриллианты, рубины. Но сколько они будут стоить, если сдать в ломбард? Максимум, тысяч пять долларов, ну, семь. И еще две флешки, которые ей зачем-то дал Андрей. Их она сразу хотела спустить в унитаз, но потом решила приберечь — мало ли. Хотя бы надо глянуть, что там записано, так что пусть пока полежат.

Свои богатства она распределила следующим образом: драгоценности и свернутые в трубочку тысяч десять евро — в бюстгальтер, пачечку из двадцати стодолларовых купюр — в загранпаспорт, а его засунула в задний карман джинсов, чтобы всегда был при себе. Все остальное — под подкладку сумки, подальше от нескромных глаз.

Когда она попросила на следующее утро водителя отвезти ее к границе с Украиной, тот, не моргнув глазом, сказал: «Поехали!» Попросил только сразу сто долларов, как аванс и залог. А потом — они выехали из города на кольцевую дорогу — стал потихоньку прощупывать, кто она, да откуда, да зачем ей вдруг в Украину понадобилось, да столь экзотическим путем — на такси. Что ей оставалось — только выдумывать, по возможности, близко к тексту, чтоб не запутаться. История получалась, по ее собственному мнению, складная. Она — москвичка. Бежит от мужа. Муж — гадкий алкоголик, а вдобавок — полицейский, поэтому легко может проследить по билетным и пограничным базам данных, куда она отправилась. А она хочет свалить с концами — так, чтобы супруг не вычислил, не нашел. Вот и приехала в Белоруссию, а отсюда в Украину стремится.

Водитель слушал, хмыкал, поддакивал, кивал. Легко переходил с русского на белорусский и украинский. И неожиданно просил на чистом русском:

— Куда ты потом, после Украины, собираешься? Или там осядешь? Там сейчас москалей не сильно любят.

— Переберусь куда-нибудь в Европу.

— О! Так у тебя, значит, виза шенгенская имеется?

— Да, есть, — ответила она, понимая, что разговор заходит куда-то не туда.

— Тогда зачем тебе в Киев тащиться? Туда ехать пятьсот километров. А до литовской границы — всего сто пятьдесят. И вот тебе, лети оттуда, куда хочешь.

— Вдруг мой муж по базе данных на литовской границе узнает, что я там? — слабо возразила Алена.

— Как он узнает-то? Российские спецслужбы, конечно, мощные, но не до такой степени. Но, смотри, как скажешь. Мне до Киева тебя выгодней вести, заплатишь больше, ведь так?

— Едем в сторону Киева, — решительно тряхнула она головой. И добавила: — Границу с Украиной лучше по какому-нибудь глухому проселку перейдем.

— Хозяин — барин, так ведь говорят?

И они помчались — мимо ухоженных полей, деревенок, аистовых гнезд — по указателям, написанным кириллицей и лишь немногим отличающихся от русского написания: «Бабруйск, Жлобін, Гомель».

Алена расслабилась и задремала — сказывалась почти бессонная ночь в поезде. Сумку она прижимала к себе.

— Скоро граница. Пойдем, заправимся, перекусим, — разбудил ее водитель.

Они вышли на заправке, разминая затекшие мышцы. В туалете Алена привела себя в порядок. Придирчиво посмотрела в зеркало. Выглядела она неважно — сказывалась нервная жизнь беглой преступницы. Ах, зачем, зачем она повелась на сладкие речи Андрея! Зачем согласилась участвовать в придуманном им преступлении! Но ничего не поделаешь, что сделано, то сделано. Или, как любил напевать Андрей, коверкая слова известной песни: «Фарш невозможно повернуть назад». Да, Андрей. Он предал ее. Оказался подлым подставщиком. Или нет? Не знал, поддался, не досмотрел? И будет искать ее и ждать? Ах, как она запуталась!

Она вернулась к столику. Шофер жевал бутерброды, запивал кофе. Она тоже купила себе еды и кофейку. Ничего, жизнь продолжалась. По крайней мере, она оказалась интересней и разнообразней, чем в салоне «Кейт и Лео» и в «однушке» в Марьино с Зюзиным.

Они вышли с водителем из помещения заправки. Долгое путешествие сблизило их. Во всяком случае, Алена стала чувствовать к этому парню, — высокому, ушлому, но красивому, что-то вроде безотчетной симпатии.

Она даже не поняла в первый момент, что случилось, когда шофер вдруг вырвал из ее рук сумку, грубо толкнул в плечо так, что она отлетела на пару шагов, кинулся к своей машине, вскочил в нее, дал по газам и, визжа по крышкам, вылетел с территории бензозаправки на автостраду.

Павел Синичкин Москва

На следующее утро после моего возвращения из экспедиции в город Сольск я, получив инструкции Валерия Петровича, отправился прогуляться. Оказывается, неподалеку от его жилья на тихой столичной Сельскохозяйственной, запрятанный в глубине дворов, размещался настоящий стадион с бодрым именем «Искра».

На дорожках стадиона шло вялое кипение спортивной жизни. Футболисты гоняли пять на пять поперек поля, в районе прыжкового сектора йоги дружно скручивались на своих ковриках.

Я вставил симку и батарейку в ту трубку, что отобрал в Сольске у полицейского по фамилии Гогоберидзе, и набрал номер Влада.

Когда в трубке ответили, я представился:

— Меня зовут Павел, я — частный детектив. Это Влад?

— Допустим.

— Если ты не Влад, передай ему, что у меня есть к нему разговор. Обойдительно интересный.

— Да, это я.

— Я хочу продать вам важную информацию. Важную для вас, — подчеркнул я.

— Ты, Паша, по-моему, на Ворсятова работаешь.

— Я работаю на того, кто больше заплатит.

Когда мы обсуждали будущий разговор, я спросил у отставника-полковника, поверит ли Влад, что я готов за деньги предать своего клиента. Ведь всем известно, что Синичкин всегда справедлив и болезненно щепетилен.

— Не преувеличивай, Паша, свою скромную славу, — поморщился Валерий Петрович. — Кроме того, о жизни каждый судит по себе и по тому, какая царит в стране общая атмосфера. А сейчас любой готов предать и продать другого за три копейки.

— Почему же? — возразил тогда я. — Вот я: вас, к примеру, никогда не продам. И вы меня, я уверен, тоже.

И мы с Ходасевичем продолжили обсуждать наш план.

Пока разговор развивался ровно в соответствии с ним.

— Чего ты хочешь? — спросил Влад.

— Я знаю две очень важные для тебя вещи.

— Ну?

— Во-первых, нам известно, кто конкретно, совместно с маникюршей Аленой, ограбил Михаила Владимировича. Кто он — ее сообщник. И мы можем продать эту информацию пострадавшему, то есть моему клиенту. А можем — тебе. И второе. Мы знаем, где в настоящий момент находится Алена. И эти сведения также продаются. Цена двух вопросов — сто тысяч американских долларов. Разумеется, наличными.

Если по первой части нашего предложения мы вчера, до хрипоты спорив с отставником до трех ночи, пришли, в итоге, к соглашению и единому мнению, то второй пункт был, откровенно говоря, чистой воды блефом.

Влад, помолчав, ответил:

— Позвони мне через часик, сыщик. Мне надо подумать.

— Э, нет, давай договариваться прямо сейчас.

После минутной паузы в трубке прозвучало:

— Завтра. В час дня. На Манежной площади. Приходи один. Я тебя знаю в лицо. Ты меня — тоже.

— Принято. Завтра в час, Манежка.

Я нажал отбой и пошел назад, в гостеприимную квартиру Ходасевича.

Весь следующий день мы с отставником-полковником бездельничали. Валерий Петрович запретил мне даже говорить о нашем деле: мол, все, что могли, обсудили вчера ночью и сегодня утром — к чему зря воздух сотрясать.

Всегда тяжело ждать, да еще неизвестно — чего. Во всяком случае, мне. Однако Валерий Петрович выглядел совершенно безмятежным. Потчевал меня на обед бигосом, на ужин — беляшами со сметаной. Я набрался наглости, спросил его, неужели он ничуть не мандражит?

— Если б ты знал, Пашенька, сколько мне по делам службы пришлось ждать, причем, зачастую неизвестно — чего, — усмехнулся он. — И сколько раз не удавалось ничего дожидаться!

Одним словом, день безделья помог мне отдохнуть после долгой дороги из Сольска и поправиться от тамошних побоев.

Наконец около часа ночи, по категорическому настоянию Ходасевича, мы легли спать, он — в спальне, я — на диване в гостиной. О деле даже словом не обмолвились. А что говорить, если все обсудили вчера.

Вчера из Сольска я приехал, конечно, изгрызенный судьбой и дорогами. Тысячекилометровый путь сказался. Да и после побоев Гогоберидзе и компании не вполне оправился. Но Ходасевич накормил меня пастой болоньезе, налил большую кружку кофе, и силы вернулись ко мне. «Ты расцветаешь прямо на глазах, — пробурчал полковник в отставке. — Что ж, дело молодое».

Мы переместились в два уютнейших кресла в гостиной. Для начала я подробнейшим образом, не опуская деталей, доложил Ходасевичу о моем путешествии в Сольск, не упустил, разумеется, и тот вопрос, что он меня просил задать губернатору. По окончании моего рассказа отставник буркнул: «Примлемо», — а затем сказал:

— С самого начала мне показалось странным убийство мужа Румянцевой. Зачем пытаться этого несчастного человека по фамилии Зюзин? Значит, он что-то мог знать? Или кто-то думал, что он знает? Не менее удивительным выглядело нападение на твою Зою, которому ты, Паша, по счастью,

сумел помешать. Ведь она не была близкой подругой исчезнувшей маникюрши. Значит, она тоже что-то знала? Или кто-то думал, что знает? Пойдем далее. Зачем понадобилось убивать твоего изначального заказчика, помощника губернатора Вячеслава Двубратова? Только для того, чтобы подставить тебя? Довольно странно. Это вообще весьма глупо, только в дамских детективах так бывает: лишать жизни кого-то, чтобы подвести под удар третье лицо. Гораздо логичнее предположить, что Вячеслав знал что-то лишнее. Или, возможно, ему за что-то мстили. А, возможно, воедино сплелись первый и второй мотивы. Поэтому давай, Паша, теперь пройдемся по тому, что происходило — с самого начала и до конца. И ты, пожалуйста, следи внимательно за нитью: нигде ли я не сбился и не зарвался.

Итак, как ты, вероятно, тоже догадался, никакого таинственного сообщника, ограбившего на пару с Румянцевой губернатора, нет и в помине. Есть только один человек: Влад Соснихин. Я заподозрил это еще в тот момент, когда ты рассказал, что твой заказчик не может припомнить, что в момент разбойного нападения говорил второй грабитель, сообщник Алены. И как звучал его голос. Теперь я в том, что это одно лицо, совершенно уверен.

Да, Влад Соснихин. Первый друг Ворсятова и его соратник в разнообразных делах бизнеса однажды стал его заклятым врагом. Такое бывает. Недаром говорят, что первейшими недругами зачастую бывают самые близкие родственники. Когда-то, двадцать лет назад, как ты узнал в Сольске, будущий губернатор погубил Марию Харитонову, которая в ту пору являлась девушкой Соснихина. Тайны той автомобильной катастрофы Влад не знал. Вероятно, до поры, до времени. И, возможно, недавно ему открылась истина. Как? Кроме Ворсятова, Марию тайком хоронил еще один, как признался тебе губернатор, человек. Кто это — он не выдал, но можно предположить, что этим соучастником был тогда Вячеслав Двубратов. Я порылся в Интернете и установил, что Вячеслав Двубратов некогда учился с твоим заказчиком на одном курсе в Сольском институте. Улик нет, доказательств нет, но имеется версия: именно Двубратов помогал в девяносто шестом Ворсятову скрыть улики после катастрофы с девушкой. А нынче Вячеслав, неизвестно из каких соображений, поделился этой тайной с Соснихиным, за что в итоге получил от него в номере московской гостиницы пулю в лоб. Впрочем, это не единственный мотив, из-за которого Влад мог убить Вячеслава. Но к этому мы еще вернемся.

Далее. У Соснихина имелась еще одна причина, почему вдруг его приятельство и сотрудничество с губернатором превратилось в ярую вражду.

А именно: Евхаривцева, ныне ректорша Сольского университета и глава местного отделения правящей партии. Как она сама тебе призналась, ранее она была любовницей Влада, а потом переметнулась к Михаилу Владимировичу. Насколько я понимаю, Соснихин считает себя мачо, Казановой, первым любовником. Это предательство должно было сильно ударить по его самолюбию.

В итоге у Влада рождается план. Они друзья с Ворсятовым, поэтому он знает о драгоценностях, хранившихся в сейфе в подмосковном особняке у сольского губернатора. Я не могу сказать, случайно он познакомился с Румянцевой или изначально, зная вкус и нравы своего кореша, выбрал ее, чтобы впоследствии подложить Ворсятову? Факт остается фактом: он влюбляет в себя Алену. Далее идет момент самый тонкий. Ставим себя на место Соснихина. Как познакомить друга Мишу с Румянцевой? Как сделать так, чтобы тот впоследствии своего приятеля Влада ни в чем не заподозрил? — Отставник сделал паузу, а потом спросил у меня: — Ты помнишь, о чем я тебя просил узнать у губернатора, когда ты был в Сольске?

— Разумеется. Кто рекомендовал ему маникюршу Румянцеву.

— Именно.

— И тот задумался, но вспомнил: рекомендовал ему ее Вячеслав Двубратов.

— Бинго! Вероятно, именно поэтому — или еще и поэтому — Вячеслав получил в итоге пулю в лоб.

— Но почему начались все эти убийства и покушения? Двубратов, Зюзин, Зоя? Неужели Соснихин изначально планировал устраивать столь громоздкую и резонансную зачистку?

— Подожди, Паша. До этого мы еще доберемся. Итак, Тихомиров знакомится с Аленой. И западает на нее. Начинается своего рода лямур де труа: Влад — Румянцева — губернатор, причем первый знает о своем сопернике и управляет ситуацией, а второй не ведает ничего. Нам остается понять, как и в какой момент Соснихин с маникюршей решают ограбить губернатора. Главное, грабитель наверняка знает о сейфе, о драгоценностях. Подготавливая дело — и, вероятно, собственное бегство за границу, скорее всего, под чужой фамилией, — он, как благородный человек, переписывает на собственную жену в Сольске все свои тамошние предприятия. Наконец они вместе с Аленой воплощают свой план в жизнь. Обкрадывают губернатора — о том, как это случилось, мы знаем, даже в деталях. А потом что-то, с точки зрения организатора преступления, пошло не так. По всей вероятности, Румянцева начала вести себя так, как не предусматривал Соснихин. Возможно, она сбежала со своей долей добычи. Именно поэтому Влад и его присные отправились к ее мужу и жестоко

пытали его: они подозревали, что муж с женой в сговоре, и Зюзин знает, куда и почему исчезла Алена. Но мужчина, видимо, не располагал информацией, и они его убили, ничего не добившись. Ситуация выходит у Соснихина из-под контроля. Он сильно нервничает, возможно, не в его планах оставаться в России после грабежа — а приходится. Кроме того, ему надо оправдаться и выглядеть ни в чем не повинным в глазах губернатора. Поэтому он убивает Вячеслава, который рекомендовал маникюршу Ворсятову. Его — возможно, еще и потому, что некогда тот помогал губернатору похоронить Марию Харитонову. Его присные, тем временем, пытаются похитить Зою.

— Ее — потому, — подхватил я, — что она однажды видела Соснихина и могла опознать его, как любовника Румянцевой. Она видела, как он заезжал за Аленой после выпивки. И она опознала его по фотографии, когда я заезжал к ней в Кострому.

— Значит, картинка складывается ясная, а, Паша?

— Получается, так.

— И выходит, что теперь Соснихин, как организатор и вдохновитель преступления, желает знать, где находится Румянцева. И — как ее найти. Я кивнул, соглашаясь.

— Тогда послушай, что мне по своим каналам удалось узнать. И как мы эту информацию сможем использовать в интересах раскрытия нашего дела...

Наш решающий разговор с Валерием Петровичем состоялся вчера, когда я вернулся из Сольска. Сегодня ничего интересного, за исключением моего звонка Соснихину и еще одного дела, которое осуществлял в то же время полковник в отставке, не происходило.

Когда улеглись, я думал, что волнение с ожиданием не дадут мне заснуть до утра, но не тут-то было. Волны сновидений благополучно затянули меня в свой омут.

Проснулся я от звона разбитого окна. В темноте от оконного проема пролетело что-то похожее на гранату и плюхнулось на ковер. Я вскочил, ожидая взрыва. Но раздалось лишь тихое шипение, и я почувствовал сладковатый запах. Вдохнул — раз, два... И свалился на пол, совершенно не помня себя.

Очнулся я все в той же гостиной. Светился ночник над изголовьем моего дивана. За окнами было темно. В стекле зияла изрядная дыра. Часы показывали без четверти три. Голова была тяжелая, как со страшного похмелья. В комнате ощущался сладковатый, химический запах — вероятно, того вещества, которым меня вырубili.

Я сидел в кресле, как спал, в одних семейных трусах. Руки мои были прикручены скотчем к рукояткам кресла, ноги к передним ножкам. Рот тоже заклеен скотчем. Я вспомнил, что примерно в таком же положении пребывал пару дней назад в полицейском участке города Сольска. Тогда я попытался выбраться, но не слишком в том преуспел.

Напротив меня на таком же кресле сидел Ходасевич. Так же связанный и обездвиженный, с заклеенным ртом, он находился в полной отключке.

В комнате присутствовала и третья персона — Влад Соснихин.

— А, очнулся, — проговорил он. — Тогда давай, рассказывай. Только, чур, не орать. Не надо беспокоить соседей, — и резким движением содрал с моего рта скотч.

— Что с ним? — хрипло спросил я, кивнув на полковника.

— Живой, — усмехнулся Соснихин. — Пока.

— Что тебе нужно?

— Ты говорил, что знаешь, где Алена. Блефовал?

— Я говорил: эта инфа стоит денег.

— Денег не будет. Эта инфа стоит жизни. Твоей и твоего, хм, престарелого дружка.

— Как я могу быть уверенным? Может, вы все от меня узнаете, а потом убьете. Как Зюзина.

— Паша, согласись: зачем мне еще два трупа? Расскажешь мне все — и живи себе спокойно.

— Знаешь, как мы с женой губернатора в Сольске играли: я ей что-то рассказываю, а взамен — она мне. Давай так и с тобой. Баша на баш. Мой вопрос первый — мне интересно, почему ты убил Вячеслава Двубратова? Он знал лишнее? Или потому, что помогал в свое время Тихомирову от трупа Харитоновой избавиться?

— О, сколько ты всего выведал. Но бывает ведь ситуация не только «или-или», но «и-и» тоже, не правда ли?

— Ответ принят. А Румянцева находится... — На самом деле, эти данные вчера получил Валерий Петрович, и это единственная информация, которая у нас имелась. — Она неделю назад пересекла границу Франции. Прилетела из Киева, из аэропорта Борисполь, в аэропорт Шарль де Голль.

— Дальше?

— Теперь мой вопрос. Что твои архаровцы собирались сделать с Зоей? Тогда, вечером, на улице Мусы Джалиля?

— По обстоятельствам, — усмехнулся Влад. — Может, запугать. А может, и кончить? А ты, что, запал на нее?

— Это вопрос?

— Хитропопый ты, Синичкин. Как и твой партнер толстопузый.

В этот момент в комнате произошло два события: во-первых, замычал, поднял голову и открыл глаза отставник-полковник. А, во-вторых, вошел далеко не безызвестный мне Гогоберидзе.

— Влад, чушь они несут. Давай я кончу обоих. Тем более, к этому молодому частному сыщику у меня старые счеты, по Сольску. — Он вынул из кармана нож-выкидушку, раскрыл лезвие и добавил: — Влад, рот ему закрой, чтоб не орал. У него язык сразу развяжется, если к нему меры интенсивного воздействия применить.

— Не надо, не надо, пацаны! — запричитал я.

«Пацаны» было кодовым словом.

Впрочем, я надеялся, что и безо всяких слов друзья полковника держат руку на пульсе.

Мы с Валерием Петровичем, конечно, допускали мысль, что Влад явится на встречу со мной в оговоренное по телефону место. По этому поводу коллеги полковника тоже разрабатывали соответствующую операцию. Однако гораздо больше шансов имелось, что он явится разбираться со мной на квартиру к Ходасевичу. Поэтому пятнадцатью часами ранее — как раз, когда я ходил звонить Владу на стадион «Искра» — в квартиру полковника прибыли двое сотрудников технического управления его ведомства. Они оснастили кухню, спальню и гостиную устройствами скрытого видеонаблюдения. Технический уровень их оказался на высоте. Даже я, знающий об их существовании, не обнаружил камер/микрофонов, пока полковник не показал мне их. Группа фээсбэшников-спецназовцев, тем временем, заняла позиции в ходасевичевской квартире.

Сработали ребята быстро и ловко. Гогоберидзе с ножом почти навис надо мной, но не успел я моргнуть глазом, как он дико заорал, и его «выкидушка» упала на пол. Секундой позже оба они, полицейский-грузин из Сольска и Влад, лежали, уткнувшись носом в паркет, с завернутыми за спину руками, под пятой двух мощных спецназовцев.

Их увезли, а мы с Ходасевичем до утра писали объяснения (я — на кухне, полковник — в гостиной). Вооруженное нападение на сотрудника, пусть и бывшего, — дело нешуточное. Хорошо, что Валерий Петрович заранее проинструктировал меня, что и как говорить/писать: «Ничего не рассказывай, уходи в глухую «несознанку». Мол, приехал к старому приятелю, ко мне, то есть, а тут налетели. Кто такие и почему — знать не знаю и ведать не ведаю». Сам отставник выбрал похожую линию защиты: «О готовящемся нападении мне стало известно из оперативных источников, однако о причинах налета мне ничего не известно».

Когда совсем рассвело и первые мирные труженики устремились в сторону метро на работу, фээсбэшники оставили нас в покое. Ни я, ни Хода-

севич больше не ложились. Предстояло множество дел — для начала хотя бы вставить разбитое окно в его гостиной.

С тех пор прошел месяц.

Он оказался заполнен различными делами и хлопотами, в том числе, имеющими непосредственное отношение к нашему делу.

Для начала я сдал ходасевичевскому приятелю его «джетту» в целости и сохранности. Тот глянул на спидометр, покивал уважительно: «Почти три тысячи сделал за пять дней. На море, что ли, гонял?»

Мне почему-то представлялось, что теперь, когда Влад оказался в руках правосудия, у столичных полицейских больше нет причин преследовать меня. Поэтому я позвонил Римке и огорчил ее заявлением, что до конца недели она, так и быть, может догулять — а с понедельника я жду ее на рабочем месте.

Набрал и намертво впечатанный мне в память костромской телефон Зои. Сказал, что, кажется, опасность миновала, и она может возвращаться в столицу.

— Ах, Пашенька, — промурлыкала девушка, — я всегда знала, что ты меня защитишь.

Я не стал углубляться в дебри телефонного кокетства и предупредил Зою, что ее, возможно, вызовут в качестве свидетеля на допрос в следственный комитет.

Потом позвонил губернатору Ворсятову и сказал, что Влад арестован.

— Хорошо. Значит, аванс ты отработал. Но я жду результатов еще по одной персоне (видимо, имел в виду Алену) и вещам (намек на бриллиантики и прочие цацки)», — сухо произнес он.

На следующий день я поехал к Ходасевичу — как в самый первый раз, с тортиком. Только машину свою не стал маскировать, а оставил в его тихом дворике под окнами отставника. Мы мило поболтали с полковником. Я горячо поблагодарил его за помощь в деле и, чтобы избежать излишних щепетильных разговоров, тайком спрятал конверт с половиной своего гонорара в ящик со столовыми приборами. Не успел сесть в машину — звонок: «Я очень тебе признателен, Паша, но напрасно ты это делаешь. Я тебе помогал совершенно не ради денег, а чтобы свое пенсионерское время занять. Вернись, я отдам тебе деньги». «Ну, уж, нет!» — воскликнул я и нажал на газ.

В тот же день был еще один звонок, на этот раз — приятный. Это был мой старый друг, полковник Саня Перепелкин из МУРа, он сам предложил встретиться — в любом удобном мне месте.

При встрече я рассказал Сане, что к чему, однако с большими пробелами — даже близко не упоминал фамилии губернатора Ворсятова. Да, меня подрядили искать пропавшую Алену Румянцеву. А вот почему вдруг некий Влад Соснихин стал убивать честных жителей Москвы и Сольской области: Евгения Зюзина, Вячеслава Двубратова, я понятия не имею. Кроме того, подчиненные ему мерзавцы нападали на меня на улице Мусы Джалиля и в окрестностях коттеджного поселка Суворино. В третий раз на мою скромную персону Соснихин обрушился собственноручно, в компании действующего сотрудника полиции Гогоберидзе, в квартире полковника Ходасевича — потому-то и приняли их обоих фээсбэшники.

Мой старый друг теперь оказался чрезвычайно обходительным — не то, что в прошлый раз, когда в одолжении нуждался я. Он позвал меня в тот самый японский ресторан рядом с Петровкой, угощал, потчевал, был веселым, разговорчивым и радушным. В предыдущую встречу я загадал, что больше мы с ним вряд ли когда увидимся — но все перевернулось.

Мне, конечно, была не слишком приятна дружба, которая столь сильно зависит от надобностей с его стороны. Да, Перепелкин оказался далеко не то, что полковник Ходасевич, который при любых обстоятельствах готов за тебя в огонь и воду. Хотя кто я, если разобраться, Валерию Петровичу? Даже не седьмая вода на киселе, а всего лишь приятель его падчерицы Татьяны Садовниковой. Татьяну полковник, конечно, нежно любит — но это совершенно не обязывает его любить меня и помогать мне. А вот, поди ж ты.

Полицейский же полковник Перепелкин, с кем я и в школе милиции учился, и прослужил бок о бок пару лет, и даже от ножа бандитского его прикрыл, вел себя совсем по-другому. Когда ему что-то от меня нужно — чуть не лебезит. Когда я в беде — брюзгливо меня отчитывает. А все потому, что погоны и карьера оказались для него явно важнее дружеских или простых человеческих отношений. Что ж, надо иметь это в виду — но помнить, что и он может при случае мне понадобится. И если опять станет строить из себя «царя горы», не достигаемого простым, вроде меня, смертным, я напомню ему, как он передо мной стелился, когда я ему был нужен.

Спустя пару дней я узнал, что Влад Соснихин признан судом виновным в убийстве Зюзина и Двубратова, а также в создании и руководстве организованной преступной группы. Мерой пресечения ему выбрали, разумеется, содержание под стражей — в СИЗО «Матросская тишина». (Потом до меня дошли слухи, что его этапировали в Сольск, и был очень удивлен этому — зачем?)

Следователь из следственного комитета вызвал меня на допрос, и я сгрузил ему примерно то же, что полковнику Перепелкину, даже близко не упоминая фамилии Ворсятова или того, что я обнаружил во время поездки в Сольск. Да, признался я, по заказу Двубратова искал Алену Румянцеву, ее не нашел, но обнаружил труп Зюзина, а потом заказчика, и два раза подвергся нападениям со стороны неизвестных мне лиц. Следователь разложил передо мной фотографии, и двух бандитов, атаковавших меня близ метро «Красногвардейская» и коттеджного поселка Суворино, я опознал. Затем спросил мимоходом, что сейчас с ними.

— Что с ними? — пожал плечами следак. — Сидят, ждут суда. Ребята ушлые, не знаю, сумеем ли мы пришить им ОПГ — но неоднократный разбой по предварительному сговору им светит. Значит, до двенадцати лет.

А через несколько дней мне позвонил губернатор Ворсятов и спросил: — У тебя «шенген» открыт?

Я ответил положительно, и тогда он попросил приехать к нему в московское представительство, где мы с ним некогда познакомились.

На входе я сдал свой мобильник, а все тот же амбал обыскал меня — правда, с меньшим, чем в прошлый раз, пристрастием.

Губернатор холодно приветствовал меня, жестом предложил сесть и передал мне через стол бумагу. Она представляла собой ксерокопию рукописного документа, который был озаглавлен «ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ». Начинался он так:

*«Я, Соснихин Владимир Евгеньевич, 1973 года рождения, адрес по прописке г.Сольск, ул.Октябрьская, д.***, кв. 36, имею сообщить следующее. Исходя из личных неприязненных отношений, которые я в течение последнего года стал испытывать к гр-ну Ворсятову Михаилу Владимировичу, я, самостоятельно и единолично, спланировал и осуществил преступление, направленное против него и принадлежащего ему имущества. Тайно проник в коттедж, арендуемый гр-ном Ворсятовым в поселке Суворино (Московская область, Мытищинский район), по адресу улица Зеленодольская, дом три. («Ага, — подумал я, — губернатор тот роскошный дом, где свершилось преступление, просто скромно снимает. Поэтому особняк в антикоррупционной декларации не значился»). Зная по своим прошлым визитам к Ворсятову о наличии у него сейфа с деньгами и ювелирными украшениями, я, с применением силы и угроз, выведал у него код от сейфа. В дальнейшем, вскрыв сейф, похитил из него денежные средства, в разной валюте, а также часы и ювелирные изделия».*

Затем в бумаге шло более-менее связное и правдивое описание дальнейших преступлений Соснихина, включая даже убийство Зюзина и Дву-

братова, а также нападение двух ублюдков на меня и Зою, а потом на меня одного в лесу. Плюс, его самого вместе с Гогоберидзе на нас с Ходасевичем. Уж не знаю, какие меры воздействия применялись к Владу в СИЗО города Сольска, но сдавал он все и всех, кого только можно. Исключая Алену Румянцеву. Особенно меня заинтересовали его слова о том, как он пытался конвертировать золото-бриллианты, похищенные у Ворсятова, в деньги. Соснихин растекался в своем признании, что, дескать, осенью прошедшего года он открыл офшорную фирму на Кипре. В дальнейшем ему удалось выйти на контакт с гр-ном *** (фамилия оказалась замаскирована), который, как ему стало известно, занимался скупкой краденого. На следующий день после ограбления Влад привез похищенные ювелирные изделия к указанному лицу для оценки. Они договорились о сделке. 30 процентов от стоимости контракта скупщик перевел на офшорный счет Соснихина. Удостоверившись в этом, Влад отдал сему остальные драгоценности. Переведена ли оставшаяся часть, он не смог проверить, так как был арестован.

— Интересно, о какой сумме идет речь? — поинтересовался я.

— Меньше знаешь, крепче спишь, — отрезал Ворсятов.

— Зачем вы меня тогда позвали? — пожав плечами, проворчал я.

— Затем, что пока ты выполнил свою работу только на треть, к тому же плохо. И я помогаю тебе сделать то, на что ты подписался. — И он швырнул мне второй листок, который точь-в-точь походил на первый.

Все та же шапка про чистосердечное признание, и то же начало. Но только текст был совсем иной. Ограбление Ворсятова, исходя из него, совершили, как и было в действительности, двое: автор признания и Елена Румянцева. Совершили вместе, по предварительному сговору и после тщательного совместного планирования. В сейфе Румянцева взяла себе часть награбленного, на сумму, эквивалентную примерно семи миллионам рублей. Соснихин отвез ее после дела на Белорусский вокзал — она имела намерение той же ночью вылететь из Шереметьева за границу. В дальнейшем никаких контактов Влад с Аленой больше не имел. Далее, в «чистосердечном признании номер два», описывались все те же преступления Соснихина и его банды: Зюзин, улица Мусы Джалиля, Вячеслав в гостинице «Империя» и так далее.

— Зачем два признания? — пожал я плечами.

Губернатор не ответил и бросил мне очередной документ. По какому-то дуновению воздуха я понял, что он из всех был основным. Эта бумага представляла собой распечатанное электронное письмо. И оно гласило:

Привет, Аленка! У меня все в порядке. Из страны я выехал. Деньги мне перевели. А ты где? Куда исчезла? Скучаешь? Хотелось бы повидаться уже.

Пока твой

Андрей.

— Кто такой Андрей? — спросил я.

— Влад рассказал нам, что, когда познакомился с Аленой, назвал себя Андреем Шаевым. Капитаном полиции из Москвы.

Мне сразу вспомнился полицейский капитан, который, по словам охранников, осматривал поселок Суворино за пару недель до ограбления.

— В письме он мог подать ей тайный сигнал, что работает под контролем, — заметил я.

— Не подал, — тряхнул головой губернатор. — Потому что Аленка ответила. — И бросил мне вторую бумагу — такое же распечатанное электронное письмо:

Добрый день, Андрюшенька! У меня все хорошо. Да, я тоже за границей. Конечно, мой дорогой, я очень по тебе соскучилась, и очень хочу, чтобы мы поскорее встретились. Приезжай во Францию, в Ниццу, а там я дам знать, как меня найти. Целую, обнимаю тысячу раз.

Твоя А.

После того как Ворсятов дал мне инструкции, как действовать дальше, и мы слегка поторговались относительно условий моей экспедиции, на прощание я спросил его:

— Вячеслав Двубратов. Мой изначальный заказчик. Тот, которого Влад застрелил в гостинице. Это он помогал вам тогда, двадцать лет назад, захоронить погибшую Марию Харитонову? И это был основной мотив, чтобы Соснихин убил его?

Губернатор помолчал, а потом кивнул:

— Да. — И добавил: Но. Двубратов не только порекомендовал мне Алену, а еще после моего звонка в ночь ограбления вылетел из Сольска в Москву. Утренним и единственным рейсом. Так вот — Влада на том рейсе не было. Так что Вячеслава убирали не только по мотиву личной мести, но и как ценного свидетеля.

Алена Румянцева Франция

Конечно, она проверяла свой электронный почтовый ящик — тот самый, который они с Андреем договорились завести, чтобы связываться после побега. Нет, она ему не писала и не ждала, что он напишет. Но — вдруг?

Она пребывала, как любила говорить ее мама-покойница, «в раздрае». Иногда ей казалось, что жизнь ее кончена, и лучше бы ей вовсе умереть. А иной раз представлялось, что все, наоборот, только начинается. Что судьба дала ей второй шанс. Что она может начать все сначала и прожить новую жизнь.

После того как мерзавец-таксист обокрал ее на границе Белоруссии и Украины, фортуна, как ей показалось, в какой-то момент вновь повернулась к ней лицом. Сначала в лице немолодого белоруса-дальнобойщика, который довез ее — даже сделал специально крюк — прямо до аэропорта Борисполь. И денег не взял, хоть она предлагала.

Потом рок улыбнулся ей в лице украинского пограничника, который вяло пролистал ее паспорт, спросил, почему она вдруг летит во Францию из Киева, и шлепнул штамп о выезде.

Почему она решила лететь в Париж? На ближайший рейс были билеты, и недорого. Кроме того, она вспоминала свой самый первый визит туда с Зюзиным. Все было роскошно и великолепно, и город тогда улыбался ей — лицами сотен галантных и милых французов. Окутывал любовью молодого тогда, стройного и любящего мужа. И если ей вдруг суждено оказаться за решеткой, то пусть это случится в Париже. Или на пути к нему.

Соседкой по креслу в самолете оказалась говорливая украинка лет сорока. Все расспрашивала Алену, куда она летит, да зачем, да чем занимается по жизни. Узнав, что Румянцева — маникюрша, работала в одном из самых лучших московских салонов и не прочь бы втихаря подработать во Франции, пришла в совершенное возбуждение:

— Да тебя мне сам Господь послал! У меня одна хорошая подружка салон имеет. Ей мастера во как нужны! Она в Ницце живет, это такое место благословенное! Юг, море, Лазурка! Богачи! Наши, ваши, французские!

Когда они приземлились в аэропорту Шарль-де-Голль, а французские пограничники, измученные беженцами и террористами с Востока, не проявили интереса к прибывшей из Киева Румянцевой, новая знакомая не отходила от Алены, пока не позвонила своей подруге, и та согласилась взять «москальку» на работу прямо завтра, пусть только приедет.

Вот так и оказалась беглянка на Лазурном берегу. Никакой рабочей визы у нее не было. Шенгенская туристическая виза кончалась через девять месяцев. Языка она не знала. Поэтому хитрая хозяйка-хохлушка платила ей в половину меньше, чем остальным, легальным мастерам. Обслуживала Алена, в основном, русскоязычных — местных и изредка туристов. Первые были страшно требовательны и практически не оставляли чаевых. Со вторыми тоже было беспокойно: вдруг найдется кто-то из Москвы? Вдруг вычислит ее или случайно явится сам Ворсятов?

Поселилась Алена в крохотной квартирке — настоящая дыра. Но две бриллиантовые безделушки, которые удалось сохранить, в ломбард нести она не хотела. Остававшаяся же валюта из сейфа Ворсятова быстро таяла. А ей, наоборот, следовало копить, чтобы со временем купить нелегально французские документы и визу. Наверное, она ошиблась, надо было перебираться в те края, где цены и уровень жизни ниже: в Индию, Таиланд.

В сущности, если в ее жизни что и изменилось, то только в худшую сторону. Она так же пилит и наращивает ногти, только еще более требовательным клиенткам. И платят ей всего лишь четверть от суммы, что они оставляют в кассе, а не половину, как в «Кейт и Лео». И если в Москве она была гордой россиянкой, говорившей на родном языке, то здесь — одной из многих «понаехавших», дурно изъясняющихся на местном наречии, которые явились отбирать работу и блага у коренных французов.

Но ведь она пошла на преступление не только для того, чтобы изменить свою судьбу к лучшему! Она сделала это ради любви. Ради того, чтобы быть всегда со своим Андреем. А он — он подставил ее. А вдруг нет? Вдруг братец из Черногрязска, дурак, что-то перепутал, и поддельный паспорт, что дал ей Соснихин, на самом деле правильный? Вдруг он ни в чем не виноват и совсем не хотел ее подставить?

В зачуханном кафе, подключившись к вай-фаю, она сначала просмотрела российские новостные сайты — про ограбление в Суворино по-прежнему ни слова, — а потом, оттягивая момент, вошла в известный только Андрею почтовый ящик. И, о чудо, там было письмо!

Павел Синичкин Ницца

Скарредный Ворсятов оплачивал мне экономкласс в самолете и отель «четыре звезды» (и то пришлось поторговаться, он хотел поселить в «трешку»).

На Лазурном берегу сезон был в разгаре, поэтому свободные «четыре звезды» оказались далеко от моря, в довольно подозрительном районе. Такси долго кружило меня по здешним улочкам, где среди прохожих мне встречались лишь негры да арабы.

Впрочем, в холле отеля оказалось прохладно, а портье был предупредительным и элегантным (не теряя при этом обычной галльской надменности). Носильщик подхватил мой довольно легкий саквояж, перенес его в номер-мансарду под самой крышей, водрузил на полочку для чемоданов и получил от меня пару евро.

Окно моей мансарды выходило во двор. Почти все окна напротив оказались наглухо закрыты ставенками. То ли нет никого, то ли народ предавался сиесте.

Не раздеваясь, я улегся на белоснежное покрывало. Достал из сумки планшет и подключился к местному «вай-фаю». Мы договорились с Ворсятовым, что писать Алене я буду непосредственно из Ниццы, чтобы между моим письмом, ее возможным ответом и нашей вероятной встречей прошло не слишком много времени, и она не успела бы слишком долго думать и рефлексировать. Если же она вдруг не ответит или что-то заподозрит и откажется встречаться, я перейду к запасному варианту: моя Римка установит местонахождение «ай-пи-адреса», с которого пишет Румянцева.

Чтобы написать Алене от имени Влада, мне требовалось подделаться под его стиль. А для этого надо было отчасти стать им и понять, как он к ней относится. Ясно одно: она влюблена в него, по всей вероятности, сильно и беззаветно, иначе не пошла бы на преступление. Но — без всякой взаимности. Соснихин просто использовал ее, разыгрывая свою комбинацию.

Предчувствуя, что вот-вот нащупаю нужную интонацию, я быстро подошел к планшету и черкнул короткую записку Алене, пытаюсь быть одновременно высокомерным и опасливым. И еще — очень кратким:

Я в Ницце. Хочу поскорей тебя увидеть. Ты где?

Не ожидая скорого ответа, я отправился погулять по городу. Вышел к морю, прошелся по знаменитому Английскому променаду. Полоска пляжей вся была завалена телами. Я тоже искупался. Море, как море, ничем не отличается от нашего Черного.

В ресторане на площади Гарибальди я позволил себе омаров с лангустами и полбутылки сухого — все равно Ворсятов платит по моим счетам. Когда я попросил двойной эспрессо и мороженое на десерт, коротко блямкнул мой телефон: новое письмо. Послание от Алены:

Завтра, в парке Шато. В семь вечера.

То, что девушка назначала свидание в парке, означало, что она автору письма (в данном случае, мне) не вполне доверяла. Что тут скажешь? Правильно делала.

Около семи вечера, как мы уславливались, я был в парке и сразу узнал Алену. Девушка сидела на лавочке и напряженно всматривалась в лица проходящих мимо нее людей. Одета она была чрезвычайно скромно: бесформенные джинсы и футболка, волосы спрятаны под панамкой, огромные солнцезащитные очки. Я два раза прошелся перед ее лавкой, но она не обратила на меня никакого внимания. Подходить к ней я не стал, вместо этого не спеша покинул парк и вернулся в гостиницу — люблю играть по своим правилам.

Ровно в половине девятого «блякнул» мой телефон. Послание от Румянцевой звучало слегка истерически (чего я и добивался):

Ты не пришел... Что случилось?

Я выждал некоторое время и ответил:

*Я видел тебя. Выглядишь, кстати, неважно. Не подошел, так как, возможно, за мной следят. Я постараюсь их сбросить с хвоста и, если удастся, буду ждать тебя завтра, в то же самое время, в кафе ***.*

Я же говорил, что люблю играть по своим правилам. Практически сразу мне пришел короткий ответ:

ОК.

Кафе, в котором я назначил свидание, размещалось в бедной части города и успехом у туристов, да и горожан, не пользовалось. Я заметил его еще вчера, когда слонялся по улицам города-курорта.

В четверть восьмого, когда я подошел к нему, Алена уже была там и, сидя за столиком на улице, пила из соломинки колу. Видно было, что она нервничает, однако ее природная, бьющая через край красота превосходила и ее волнение, и более чем скромную одежку.

Я отодвинул стул, сел напротив нее и сказал:

— Я от Андрея.

— Кто вы? Что с ним? — побледнев, переспросила она.

— Сожалею. Он в Москве. Он арестован.

Надо было видеть, как на ее лице надежда и ожидание мгновенно сменились обидой и разочарованием. На глазах выступили слезы.

Мне было жаль Алену, но я не собирался щадить ее. Она связалась с негодяем и настоящим убийцей, и сама пошла на преступление. Пора бы ей снять «розовые очки» и узнать, как все обстоит на самом деле.

Я представился и сказал, что работаю на губернатора Ворсятова. Она дернулась, было, но я успокоил ее:

— Здесь, в Ницце, я один. Нет здесь больше никаких мордovorотов. И я не собираюсь вас выкрадывать и вывозить в Россию на расправу. А Михаил Владимирович готов вас простить, правда, при определенных условиях.

— Что с Андреем?

— Он жив, здоров, но арестован и подозревается в нескольких преступлениях. И потом, нет никакого Андрея. Это вымышленное имя, под которым вы знали некоего Влада Соснихина. Если позволите, я расскажу вам историю с самого начала.

И я стал говорить про бывших одноклассников из областного города Сольска — Ворсятова и Соснихина, как первый сделал карьеру и выбился в губернаторы. А второй однажды, где-то полтора-два года назад, узнал

про погибшую когда-то свою возлюбленную Машу Харитонову и про переметнувшуюся на сторону сильного Юлию Евхаривцеву. И он решил отомстить Ворсятову. А орудием мести избрал ее, Алену. Познакомился с ней, влюбил в себя, а потом фактически подложил под Ворсятова. И вместе с нею обчистил сейф в подмосковном особняке провинциального губернатора.

— Если все так, как вы сказали, зачем я-то ему была нужна?! — в отчаянии воскликнула девушка. — Он мог бы и сам ограбить Ворсятова!

— Позже объясню. А пока о том, что творил Соснихин после ограбления.

И я поведал ей, как убили Вячеслава Двубратова, как пытались напасть на ее подругу Зою. А потом — что Соснихин и подручные убили ее мужа, Зюзина, а перед смертью его пытали.

— Я вам не верю! Не верю! — истерично выкрикнула Алена. — Зачем?! Зачем ему Женька?! Зачем он сделал это!?

И я, наконец, объяснил ей, что главным для Соснихина было не ограбление. Ограбление — мелочевка, приятный гарнир. Главным было — подставить своего бывшего друга Ворсятова.

— Он ведь дал вам поддельный паспорт, так? А ведь с ним вас могли задержать на границе.

Она посмотрела на меня с некоторым ужасом, а я продолжал:

— И еще, в самый момент ограбления он подсунул вам вместе с валютой и парой драгоценных вещей две флешки из сейфа, которые содержали некую компрометирующую Ворсятова информацию. Они у вас?

Алена заворожено кивнула.

— Вы смотрели, что на них?

Она отрицательно помотала головой.

— Вы делали с них копии?

— Нет, никаких.

— Очень хорошо. Они при вас?

— Нет, дома.

— Сейчас мы пойдем к вам, и вы отдадите их мне. А если не отдадите — или, если вы мне солгали и сделали с них копию и когда-нибудь попытаете использовать ее, тогда...

Перед моим отъездом Ворсятов сказал мне следующее:

— Доведи до Румянцевой и популярно объясни, что дальнейшая ее судьба находится в ее собственных руках. И только от нее зависит, какому из двух признаний Соснихина мы дадим ход. Если она не отдаст тебе флешки или как-то использует их, поясни, что ее в таком случае ждет: возбуждение дела, экстрадиция, приговор, срок. Если же она окажется разумной девушкой, тогда пусть гуляет, где хочет. Я бы ее, конечно, отстегал собственноручно нагайкой, но мстить, да еще чужими руками, ради собственного

удовольствия и мести не стану. Все равно ведь она оказалась никем и ничем. Просто игрушкой в руках Влада — ты и эту мысль до нее доведи.

Я сказал Румянцевой, что она должна немедленно отдать мне флешки и забыть про них. Затем рассчитался в кафе, отклонив ее робкую, но гордую попытку заплатить за свою колу, и мы отправились к Алене домой. Пока шли по остывающим после дневной жары улицам Ниццы, я стал развивать идею Ворсятова:

— Думаю, Алена, вы даже можете вернуться обратно. Соснихин арестован, про ваше участие в ограблении никому неизвестно. Возвращайтесь в свою «однушку» в Марьино, выходите снова на работу в «Кейт и Лео».

Она шла рядом со мной и молчала.

Да, жила Алена, конечно, в настоящей дыре, в подлинном клоповнике. Шестой этаж, под самой крышей. Крутая лестница, без лифта. В коридорах воняло какой-то восточной едой, и раздавалась заунывная восточная мелодия.

Квартира оказалась без кондиционера, и в ней было так жарко, что, казалось, тут можно готовить без применения плиты или микроволновки. Впрочем, в одном углу имелась крохотная кухня с двухконфорной плитой и раковиной, а в другом — душевая кабина. Окно выходило на глухую стену. Чем-то обстановка напомнила мне барак в Сольске, где проживала мать Харитоновой.

Флешки лежали под матрасом, и, отдавая их мне, Алена с надеждой спросила:

— Вы увидите Андрея — то есть, как вы говорите, Влада?

— Надеюсь, что нет.

— Сможете передать ему письмо или записку?

— Напишите ему сами. Сейчас это просто. Электронное письмо на СИЗО «Матросская тишина». Соснихину Владимиру.

Мы с Аленой распрощались, и я надеялся, что навсегда.

Алена Румянцева

Когда, наконец, ушел этот красивый и подлый парень из России — Павел, она распахнула окно настежь, сорвала с себя всю одежду и рухнула навзничь на матрас. До сегодняшнего вечера у нее была надежда. И она еще больше окрепла, когда Андрей продолжил отвечать ей и говорил, что видел ее в парке Шато. Вот-вот они увидятся, мечтала она, Андрей все объяснит, и дальше все будет хорошо.

И тут появился Павел, который растоптал ее надежды, и Алена поняла, что хорошо больше никогда не будет.

Напоследок он намекнул ей, что она может вернуться домой, в Москву. Но нет, Алена туда не собиралась. Пусть здесь ей плохо — но там, она была уверена, будет еще хуже. Особенно, пока в силе и власти такие люди, как Ворсятов и Соснихин.

И да, она, конечно, соврала. Она видела, какая информация содержится на тех флешках, просмотрела их в тот же день, как попала во Францию и смогла чуть-чуть отдышаться. Сведения, содержащиеся там, были настолько явственными и прозрачны, что даже она, простая маникюрша, понимала, что эта информация, если ее обнародовать, способна раздавить не только Ворсятова, но и нескольких человек из кабинета правительства, поэтому, оказавшись в Ницце, сделала с тех файлов копии и положила их в банк, не пожалев денег.

Когда-нибудь она придумает, как и для чего использует ту информацию, что попала ей в руки.

Павел Синичкин

Один прямой билет на завтра на Москву нашелся.

Самолет улетал в четыре дня, и утро, выписавшись из гостиницы, я посвятил тому, чтобы купить подарки дорогим мне людям.

Известному гурману Ходасевичу я приобрел коллекцию вонючих сыров — придется сдавать свою сумку в багаж, в салон с такой вонью не пустят. Римке (она любит крепкий алкоголь) взял бутылку кальвадоса. И почему-то мне показалось нужным купить игрушку Артемке, сыночку Зои. Ему я выбрал плюшевую сердитую птичку.

Алена Румянцева Прошло полгода

Ей было очень жалко Зюзина. И грусть эта не проходила. Муж, конечно, спустил свою собственную жизнь в унитаз, во многом — своими собственными руками. Но все-таки убили его — из-за нее. Убил ее любовник Андрей (то есть Влад). И поэтому она чувствовала большую вину перед покойным. Но что оставалось ей делать с этой виной? Поправить ничего было нельзя. Оставалось лишь выпросить у Господа прощения. И она молилась и просила — но своими словами.

Отношения Алены с церковью были сложными. Точнее, их не было вовсе. Когда-то, когда ей было лет десять, в Черногрязске открылась церковь,

мама отвела ее туда и окрестила. С тех пор в храме Алена бывала, можно сказать, от случая к случаю. Не исповедовалась и не причащалась она ни разу. Исповедь — это явно не про нее.

И все-таки однажды, в свой выходной, она пришла в Ницце к русской церкви. Храм оказался расположен на улице имени Николая II. Рядом был переулок, названный Цесаревич. Церковь была похожа на храм Василия Блаженного, только выглядела меньше, уютней, камернее и вся сияла изумрудно-лазурной краской.

Алена, неумело перекрестившись, нерешительно вошла внутрь. Хоть и не по карману ей были лишние траты, купила за два евро свечку и поставила перед иконой Николая Угодника. А вот куда и перед кем ставить свечу за помин души, она не знала. А спросить не у кого, да и неудобно. Она развернулась и тихо ушла.

Но в храме ей понравилось, и она стала приходить сюда не только для того, чтобы помолиться и покаяться, взгрустнуть о России (которую она, может, больше не увидит). В церкви ей становилась лучше. Ноющая боль в груди и вина на время испарялись. Она научилась ставить свечки и молилась за помин души раба божия Евгения. Потом стала просить у Богородицы, чтобы та дала все, что Алене нужно. А что конкретно — по ее, Божьей Матери, усмотрению.

Наконец пришло осознание, что раньше она жила неправильно. Не туда бежала. Не к тому стремилась. Хотелось ей всего и сразу. И славы, и любви, и денег. Со славой-то, понятно, с самого начала не сложилось. А к богатству она рвалась и пыталась добиться — страстно, не разбирая дороги, не считаясь ни с кем и не замечая никого вокруг себя.

И вот к чему все привело. Бедняга Зюзин погиб, умер мученической смертью. Она сама — на чужбине, нелегально, таится в крохотной комнатке и, возможно, разыскивается на родине за разбой и грабеж. И перспективы ее дальнейшие крайне туманны.

Так, может, надо в корне поменять свою жизнь? Например, ничего не хотеть, жить и радоваться сегодняшнему дню, смиряться и делать добрые дела?

И когда Алена подумала об этом, то впервые почти за полгода почувствовала, что жизнь снова дает ей цель, надежду, перспективу.

А вскоре случилось вот что.

Она познакомилась с молодым, красивым, стройным мальчиком. И не хотела ведь — но он увидел ее — сидящую на скамейке в парке, когда она читала в телефоне Откровения Иоанна Богослова — и с той минуты просто не давал проходу. «Я в вас влюблен, мадам, с первого взгляда, я не могу жить без вас!» Оказалось: англичанин, зовут Норман, эколог, здесь в ко-

мандировке, отрабатывает грант, изучает акваторию Средиземноморья на предмет нефтяных пятен и борьбы с ними. И Алена видела и понимала: Норман подлинно не врет, воистину влюблен. И тогда она дала себе волю.

Через месяц их встреч в Ницце и поездок по побережью — месяц, заполненный сумасшедшей страстью (насколько это позволял его, да и ее тяжелый рабочий график), Норман отбыл отрабатывать свой грант дальше, обратно на Альбион. Но — звонил каждый день. Звал к себе. Грозился приехать — на ближайшие выходные.

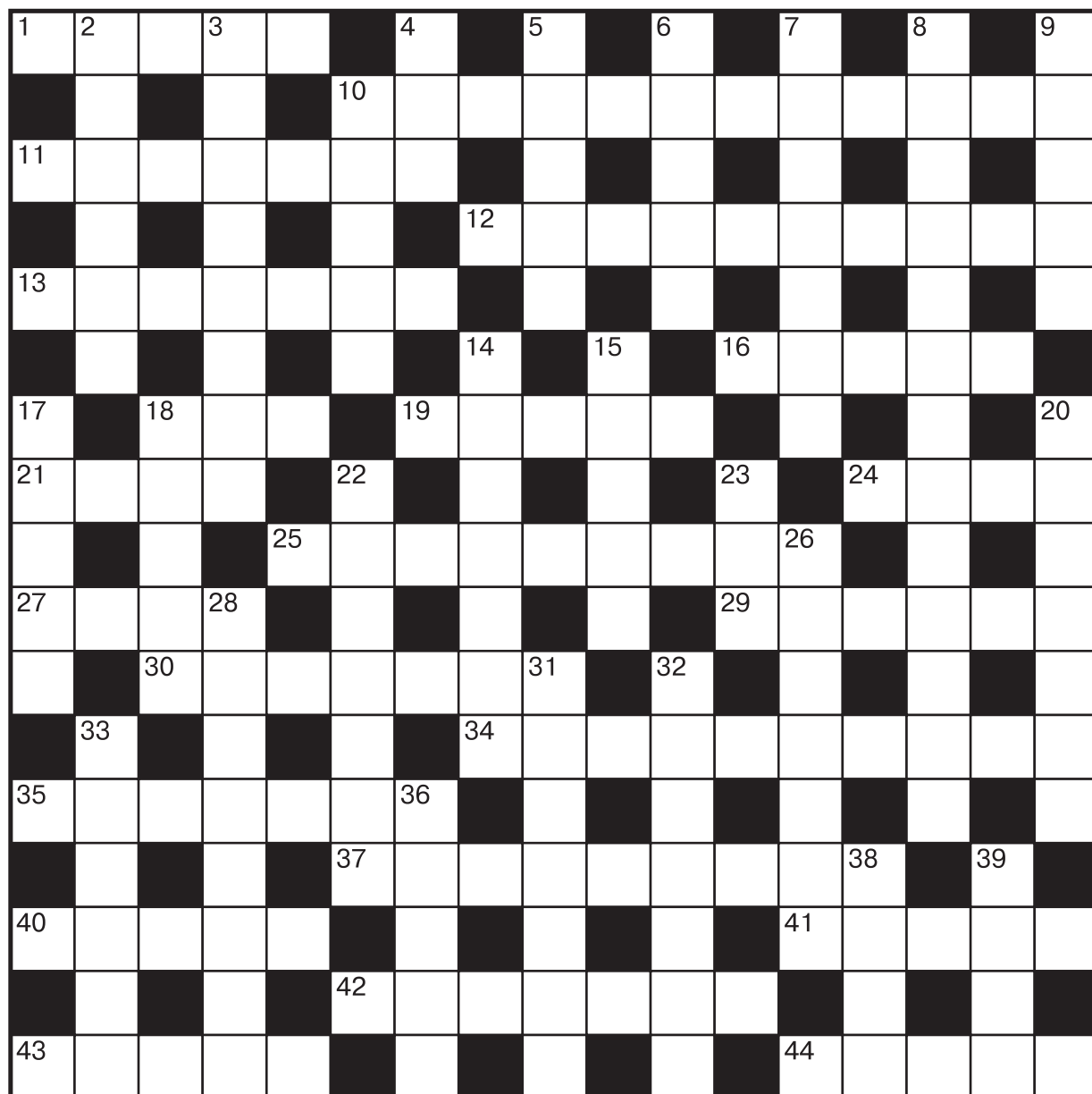
Алене даже не хотелось думать о возможных преградах, которые, словно непоколебимые глыбы, лежат между нею и новым возлюбленным: у нее нет никакой английской визы (да и сроду не получить), плюс к тому — во Франции она полулегально, работает, безо всякого разрешения, а скоро и туристический шенген ее закончится. И что тогда? Ее вышлют в Россию? Вдобавок: Норман лет на десять ее моложе, и где-то в графстве Сассекс имеется у него мамаша-помещица, которую он очень любит — как, интересно, потенциальная свекровь посмотрит на беглую русскую преступницу в качестве невестки?

Но обо всех проблемах Алене не хотелось думать. А хотелось думать, что — хорошее словечко, она случайно услышала в устах одной прихожанки церкви в Ницце и запомнила — «Господь все управит».

И вот однажды — месяца через три после первой встречи с Норманом, и спустя месяц, как он уехал — она вдруг поняла, что беременна.

Спешно купленный в аптеке тест, а потом второй и третий неопровержимо подтвердили догадку □

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Романтический способ убийства. **10.** «Буйство амнезии». **11.** В каком чине трагически оборвалась жизнь Валерия Чкалова? **12.** «Спортивное ассорти». **13.** Как патрульный, так и линейный. **16.** Кулинарный шедевр. **18.** «Ниже плитуса». **19.** Бесплезная ноша. **21.** Газ, чье присутствие в воздухе не только отбивает аппетит, но и по-

ражает бронхи. **24.** Мультипликационный «Оскар». **25.** Что берут ради сохранения инкогнито? **27.** У какой веревки может быть стальной характер? **29.** «Челобитная» в армии. **30.** С каким растением связан самый кровавый ритуал у древних ацтеков? **34.** На каком острове растет самый большой цветок на свете? **35.** «Как карта ляжет» одним словом. **37.** Для

кого чужой успех невыносимее собственной бездарности? **40.** Прибалтийская страна, цвета флага которой наводят на мысль о светофоре. **41.** Какие чипсы появились благодаря женам американских солдат, зашедших в мексиканский ресторан после закрытия? **42.** Практически весь мир уплетает картофель фри с кетчупом. А во что его предпочитают макать голландцы? **43.** Какой кавказский суп классически нужно варить только из говядины? **44.** В каком городе поставлен памятник «Чехов глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего «Каштанку»?»

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Кто усиленно ищет контакта с НЛО? **3.** Самая популярная порода среди собак-повыдырей. **4.** «По Парижу я шел в штанах, а в передней у тебя снял» (кинороман). **5.** «Криминальные юниоры». **6.** «Королева советской оперетты», танцевавшая на сцене до 80-ти лет. **7.** Офицер из канцелярии. **8.** Из-за какого качества «все вас будут бояться и обходить стороной»?

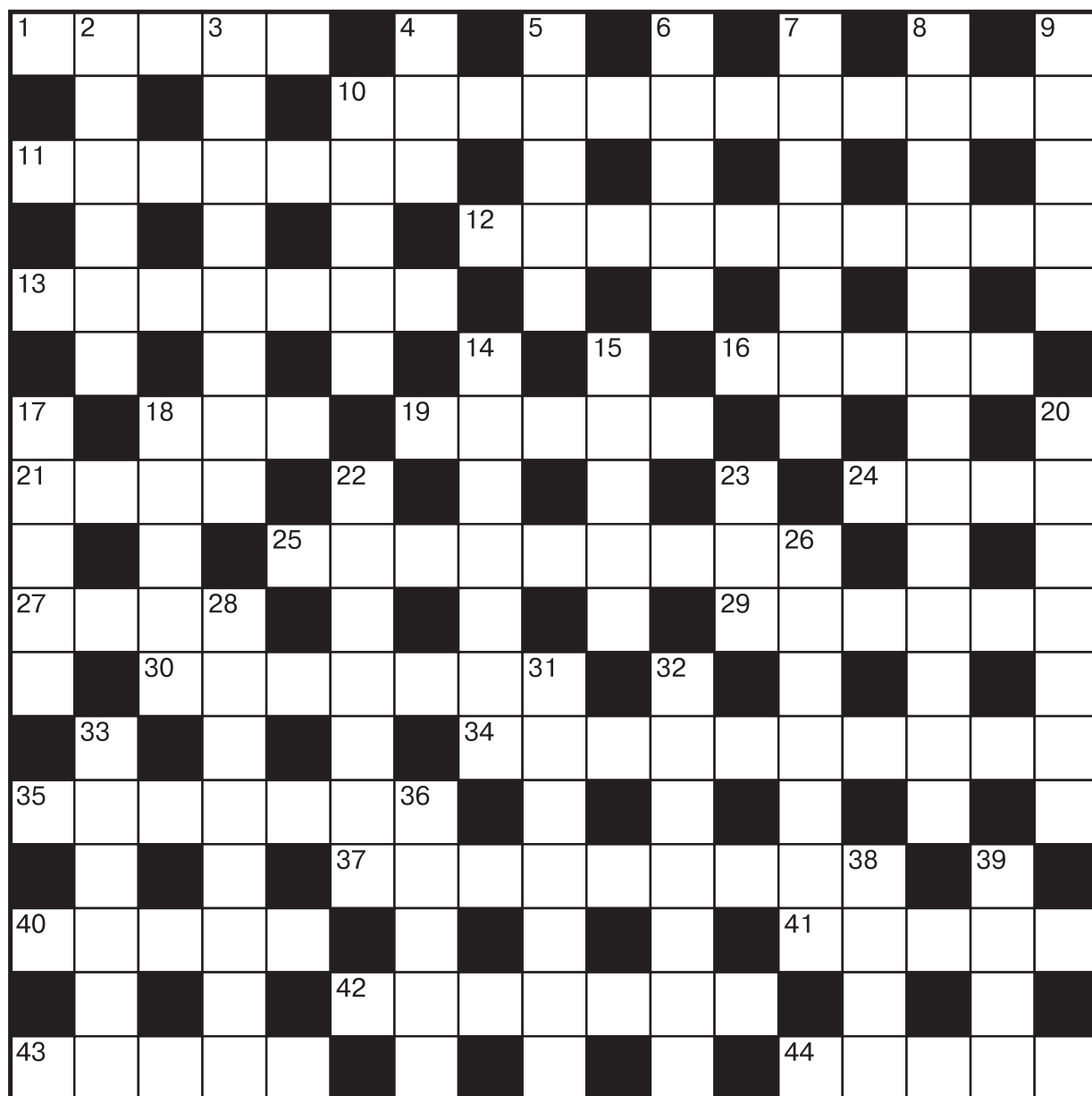
9. Кто стал величайшим импрессионистом в скульптуре? **10.** Какая легендарная группа снялась в фильме «Вечер трудного дня»? **14.** Современный сапожник. **15.** Простудный симптом. **17.** Историческая драма «Царская ...» со Светланой Крюковой в роли Екатерины Великой. **18.** Болевой, но не прием. **20.** Языковой тест. **22.** Какой недуг мучил писателя Владимира Набокова? **23.** Тренажерка стрелков. **26.** Где работает Дима Семицветов? **28.** Кто из врачей дважды плавал с Туром Хейердалом по Атлантическому океану? **31.** Великий русский адмирал, считавший, что не удаливость, а только истинная храбрость приносит пользу Отечеству. **32.** Первый ведущий шоу «Поле чудес». **33.** Египетская звезда французской эстрады. **36.** Какой из своих шедевров отказывался до смерти продавать великий Рембрандт? **38.** Звезда нашего кино, предпочитающая образ сказочной принцессы титулу секс-символа. **39.** Какой олимпийский спорт за глаза называли «дружескими кровоизлияниями»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шурпа. **7.** Книга. **10.** Легкое. **12.** Басилашвили. **13.** Каррерас. **14.** Кононов. **17.** Бомбардир. **18.** Зонт. **19.** Гав. **22.** Суета. **23.** Ганзяпки. **24.** Зажим. **26.** Болтливость. **28.** Дацан. **30.** Врач. **31.** Долги. **32.** Анна. **34.** Шар. **36.** Реванш. **38.** Контроль. **39.** Уинстон. **40.** Сена. **41.** Притон. **42.** Комната.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Улика. **2.** Огурцов. **3.** Розенбаум. **5.** Ужас. **6.** Прибор. **8.** Невроз. **9.** Гель. **11.** Басов. **12.** Багратион. **14.** Кио. **15.** Воспитанность. **16.** Стрип. **17.** Багаж. **20.** Вашингтон. **21.** Взнос. **22.** Силач. **25.** Отпор. **26.** Бан. **27.** Хворост. **28.** Дайвинг. **29.** Татьяна. **31.** Дассен. **33.** Гну. **35.** «Шторх». **37.** Шило. **38.** Корт.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кто учредил NASCAR? **10.** День, проведенный впустую, хотя и было запланировано много дел. **11.** «Помесь» сливы с абрикосом. **12.** Какой тканью в екатерининских дворцах драпировали стены? **13.** Ритуальный танец у индейцев Венесуэлы. **16.** «Технология невидимок» при создании самолето-

тов. **18.** Какое дерево у индусов считают любимым богом Вишну? **19.** Марка советского пылесоса, заряжавшегося от автомобильного прикуривателя. **21.** Рогатый навозник. **24.** Незаменимый инструмент для изготовления «Кадомского вениза». **25.** Лауреат Пулитцеровской премии, чей роман лег в основу оscarоносной

драмы «Часы». **27.** Любимый фасон шляпки у танцовщицы Жозефины Бейкер. **29.** Девичья фамилия Анжелы Меркель. **30.** Леняной платок у древних римлян. **34.** Популярный метод ставок «на равные шансы» при игре в рулетку. **35.** От кого римляне переняли бои гладиаторов? **37.** «Бескрайняя равнина» на карте Восточной Африки. **40.** Японский учитель Билла из дилогии Квентина Тарантино. **41.** Каким блюдом отметили 110-летие проспекта Тервюрен в Брюсселе? **42.** Жирное жаркое из баранины у казахов. **43.** Румыния времен Древнего Рима. **44.** Медная персидская монета.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Кто из казненных декабристов состоял членом масонской ложи «Пылающая звезда»? **3.** Какой препарат официально «обвинили в смерти» Мэрилин Монро? **4.** Виртуальная «беседка». **5.** Какую знаменитую галерею открыли в день сорокалетия Наполеона Бонапарта? **6.** Какой выдающийся советский ученый ввел в широкий обиход слово «аспирант»? **7.** Где в Индии

воздвигли историческую колонну на месте первой проповеди Будды? **8.** Кто стал «соперником» героя рассказа Эдгара По «Вильям Вильсон»? **9.** Национальные штаны у венгров. **10.** Штаб-офицер, представивший Сергея Есенина к императорскому двору. **14.** Приспособление для метания дротиков. **15.** Мраморное ложе на пирах у древних греков. **17.** «Увлеченный человек» у японцев. **18.** На каком круизном лайнере Николас Фандорин путешествует по Атлантике? **20.** «Бочка нефти» на мировом рынке. **22.** «Крепостной ров духа» византийских храмов. **23.** Иностраный шпион из «Пародии на плохой детектив» Владимира Высоцкого. **26.** Автомобильный генератор. **28.** Китайские мотивы в европейском искусстве XVIII века. **31.** Португальский остров с уникальным лавровым лесом. **32.** Знак «страстей Христовых». **33.** Поминальный обряд в честь павших воинов у славян. **36.** Кого из булгаковских героев казнят в возрасте двадцати семи лет? **38.** Приправа из мякоти тамаринда. **39.** Кайма по декольте.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ртуть. **7.** Скуба. **10.** Ковчег. **12.** Зитотехника. **13.** Кунотавр. **14.** Доминат. **17.** Пустозвон. **18.** Соба. **19.** Уас. **22.** Додон. **23.** Агатусия. **24.** Кирин. **26.** Бальнибарби. **28.** Синод. **30.** Фрич. **31.** Гамбс. **32.** Олли. **34.** Йер. **36.** Миацид. **38.** Мизугива. **39.** Фурштат. **40.** Тюби. **41.** Плетка. **42.** Харнесс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Икако. **2.** Эвениус. **3.** Пентатлон. **5.** Трир. **6.** Трогон. **8.** Канвас. **9.** Бикс. **11.** Цезио. **12.** «Звездопад». **14.** Дол. **15.** Токсобаллиста. **16.** Байян. **17.** Патио. **20.** Игнимбрит. **21.** Страж. **22.** Дибич. **25.** Дьюар. **26.** Боб. **27.** Сфумато. **28.** Ситаоби. **29.** Бигарад. **31.** Гершон. **33.** Тиф. **35.** Зулла. **37.** Духа. **38.** Марс.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2021 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

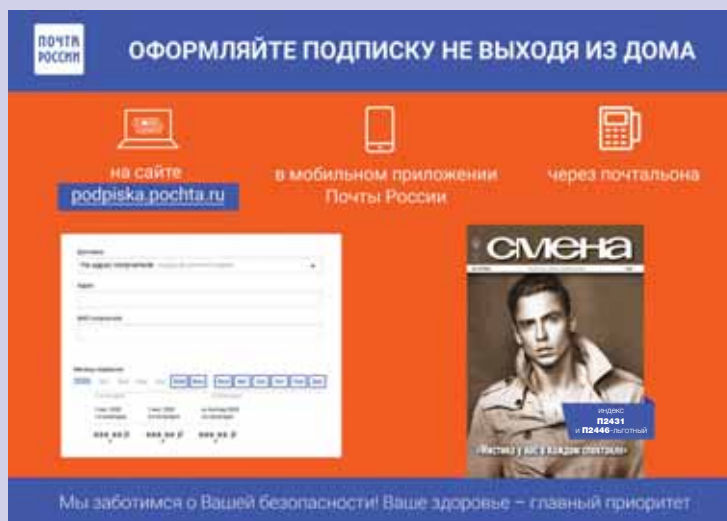
Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>



Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:

<ul style="list-style-type: none"> a. по индексу, b. по теме и профессиональным интересам, c. по алфавиту, d. по части названия, 	<ul style="list-style-type: none"> e. из списка самых популярных f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
--	--
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:

<ul style="list-style-type: none"> a. по индексу, b. по теме и профессиональным интересам, c. по алфавиту, d. по части названия, 	<ul style="list-style-type: none"> e. из списка самых популярных f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
--	--
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

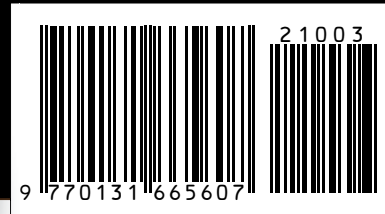
ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 **PRESSA.RU**



**ВНИМАНИЕ,
! КОНКУРС !**



Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению – ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

